

1,5 млн. корпусов мин

300 тыс. сапёрных лопат

ДУБЦОВСК

город трудовой доблести

и тыл
был
фронтом

140 тыс.

конных плугов

Введение

11 сентября 2023 года указом Президента России Владимира Путина городу Рубцовску было присвоено звание «Город трудовой доблести».

Это почётное звание присваивается городам, жители которых внесли значительный вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне, обеспечив бесперебойное производство военной и гражданской продукции, проявив массовый трудовой героизм и самоотверженность.

В Рубцовск был эвакуирован Одесский завод имени Октябрьской революции, который впоследствии стал заводом «Алтайсельмаш». С мая 1942 года по 1945 год завод произвел около 1,5 миллиона корпусов мин, 300 тысяч саперных лопаток и 140 тысяч конных плугов. 700 работников завода за самоотверженный труд были награждены орденами и медалями СССР.

Харьковский тракторный завод им. С. Орджоникидзе стал основой Алтайского тракторного завода. В годы войны АТЗ выпустил 4540 тракторов для военных и сельскохозяйственных нужд страны. Больше 5000 работников завода были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

На базе Московского АТЭ-1 и Ленинградского карбюраторного заводов – создан Алтайский завод тракторного электрооборудования. 5 июля 1944 г. завод выдал первую продукцию. Всего за годы войны выпустил более 20000 деталей для тракторов.

Массовый трудовой героизм проявляли работники Рубцовского железнодорожного узла. Ушедших на фронт мужчин заменили женщины – они работали машинистами, ремонтными рабочими, обходчиками. В первый год войны зародилась ценная инициатива – изготавливать своими силами запчасти для ремонта, отказавшись от получения их со специальных заводов. По инициативе машиниста Ф. Г. Левичева в депо была разработана система, позволяющая экономить до 50% топлива. Работники депо активно

участвовали в движении тысячников, выполняя план на 1000 и больше процентов.

На протяжении всей войны жители Рубцовска собирали средства в фонд обороны страны. Коллектив АТЗ собрал 375 тыс. руб. на строительство орудий для батареи дивизионов «Рубцовский трудящийся» и средств на строительство тракторов для подшефной 56-й гвардейской стрелковой дивизии. Железнодорожники Рубцовска приняли участие в постройке на свои средства бронепоезда «Железнодорожник Алтая». Горожане участвовали в субботниках и воскресниках, жертвовали личные сбережения, собирали тёплую одежду и бельё для солдат, приобретали облигации военных займов.

Коллективы и жители Рубцовска неоднократно удостоивались наград за самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны. За успешную работу в период Великой Отечественной войны коллективу АТЗ многократно присуждалось первенство во Всесоюзном социалистическом соревновании, вручались переходящие Красные знамена. Тракторостроителям на вечное хранение оставлено знамя Государственного Комитета Обороны.

Согласно Федеральному закону «О почетном звании Российской Федерации «Город трудовой доблести» в городе, удостоенном этого звания, устанавливают стелу с изображением герба города и текстом соответствующего указа главы государства, а также проводят публичные мероприятия и праздничные салюты 1 мая (Праздник Весны и Труда), 9 мая (День победы) и в День города.

Эта аудиокнига содержит отрывки из книг, газетных публикаций, воспоминаний рубцовчан о трудовом подвиге жителей нашего города в годы Великой Отечественной войны.

Часть 1. Рубцовск накануне войны

Из книги Климентия Романовича Севастьянова «Алтайские плугари : очерки истории ордена "Знак Почета" завода "Алтайсельмаш". - Барнаул, 1994 г.

Затерялась она, как и тысячи российских сел, в Коростелевской степи, некогда богатой тучными травами, лесом, озерами да речными плесами. На западе степь упирается в вечно зеленую стену бора, который служит мощным щитом, прикрывающим богатый влагой восток от горячего дыхания бескрайней Кулундинской степи, открытой настежь для палящего солнца и сухих ветров. Вдоль этого могучего щита 340 дней в году дуют беспрестанно то южные теплые, то северные холодные ветры. Одни несут тепло из казахских степей, другие - холод из северной студеной тайги. С востока Коростелевскую степь от Алтайской горной гряды отделяют многочисленные гривы, вдоль которых в распадах текут с юга на север ручьи и речки. Алей - одна из них. Богатая в прошлом рыбой, а берега ее - птицей и зверем, обилием сочных трав и непролазных забок. (Забокой называют на Алтае густые заросли леса и кустарника вдоль протоков и стариц в поймах степных рек). Она издавна манила к себе человека. Археологами на ее берегах обнаружены древние стоянки, следы кочевых племен и поселений, людей, которые жили тут в 6-4 веках до н. э. Здесь добывали золото, плавил свинцовые и медные руды.

В начале 17 века посланцы уральского заводчика Демидова по следам чудских племен установили наличие богатых месторождений полиметаллических руд, что впоследствии привело к созданию на Алее, в числе первых на Алтае, медного и сереброплавильного заводов.

А на восточном берегу озера Колыванского были установлены первые плавильные печи и получена алтайская медь. Это и было началом горнорудного производства на Алтае, началом его промышленного освоения.

Сюда потянулись люди. Алтай стал пристанищем ссыльных и беглых работных людей, сюда устремились потоки переселенцев из Европейской

России. В их числе пришел в эти края со своими односельчанами из Самарской губернии отставной солдат Михаил Рубцов. Выбрал удобное для жилья место, поставил избушку, а к ней пристроились его земляки. Шли годы, поселение росло, и нарекли его именем первопоселенца Михаила Рубцова. Поселение получило официальную прописку с отведенным под него земельным наделом, да так и осталось вечным памятником русскому мужику Михаилу Рубцову, прах которого покойся в этой земле. Несколько дворов дали начало деревне, которая затем переросла в крупное село со своей церковкой.

В 1913 году волей исторических судеб селу Рубцово крепко повезло - оно стало придорожной станцией.

В этот год был проложен отрезок железнодорожного полотна на участке Барнаул - Семипалатинск, и, таким образом, Рубцово оказалось на пути железнодорожной магистрали, соединившей собой Среднюю Азию с главной дорогой жизни России - Транссибирской магистралью. Это обстоятельство сыграло решающую роль в судьбе села. И в последующем изменило весь уклад его жизни. К станции, получившей одноименное название, потянулось село: здесь были созданы железнодорожные мастерские, различные ведомственные службы, депо - все это привело к появлению новой для села прослойки - промышленных рабочих. Вскоре Рубцово стало центром уезда. За этим последовало искусственное и преждевременное отношение к разряду городских поселений. В связи с крупным административным делением Сибирского края в первой половине 20-х годов Рубцово несколько раз меняло свой статус и только в 1927 году окончательно стало городом районного подчинения.

Рубцовка стала центром округа, в состав которого вошли 10 крупных сельскохозяйственных районов. Этот период в истории города, как окружного центра, сыграл немалую роль в его развитии. Но, к сожалению, он был коротким: в 1930 году округа ликвидировали. В тридцатые годы, вплоть до Великой Отечественной войны, степной городок являлся центром Рубцовского сельскохозяйственного района. Рубцовка замкнулась на мелких

проблемах районного масштаба, сколько-нибудь существенной основы промышленного развития она не получала, а начатое строительство зерноскладов в северной части и сахарного завода в южной из-за недостатка средств велось крайне медленно.

По сути то, что сумело заложить руководство окружкома, и явилось основой развития города. В целях подготовки кадров для входящих в округ сельских районов были открыты педагогическое училище, фельдшерская школа, сельскохозяйственный техникум, построен мощный элеватор, создан ряд промысловых артелей по производству товаров для нужд населения. Развивалась сеть предприятий пищевой, мясо-молочной промышленности. Одновременно расширялась сеть лечебных учреждений. В 1940 году в городе было 18 общеобразовательных школ, две городских библиотеки, три клуба, два парка. Однако социальная сфера и, прежде всего, жилищное строительство, коммунальное хозяйство развивались крайне плохо. Пыльная приземистая Рубцовка выглядела убого. Единственная маломощная электростанция не могла удовлетворить даже самой насущной потребности. В городе не было благоустроенных дорог с твердым покрытием, канализации, водопровода. На небольших участках центральных улиц были уложены деревянные тротуары для пешеходов. Но в осенне-весенние периоды город утопал в непролазной грязи. Ночью поселок погружался во мрак и тишину, которую нарушали истошный лай собак да чавканье грязи под колесами повозок и под ногами прохожих. Не было устойчивых дорог и связи с окружающими город районами.

Отличало Рубцовку от других городов то, что она была покрыта сравнительно широкой сетью каналов Алейской оросительной системы, что давало возможность активно развивать индивидуальное огородничество и зарождающееся садоводство. Каждое утро с восходом солнца отсюда уходили многочисленные стада коров, овец и коз из личных хозяйств, а на исходе дня длинные вереницы утомленных животных, растянувшихся по пыльным дорогам и улицам Рубцовки, возвращались домой. Навстречу им бежали

собаки, дети, выражая радость и восторг встречи после дневной разлуки с буренкой, пахнувшей степной травой, парным молоком и дорожной пылью. И так было изо дня в день. Таким был довоенный Рубцовск, куда в первые месяцы войны пошли эшелоны с оборудованием и людьми, намеревающимися здесь развернуть крайне нужное для фронта производство.

Часть 2. Завод «Алтайсельмаш»

Из книги Климентия Романовича Севастьянова «Алтайские плугари»

Приближалась первая осень войны. Уныло поникли осиротевшие хаты. Война коснулась каждой семьи. Отец или сын, а то и вместе, уходили на фронт. Скупые и тревожные письма, а где и похоронки, тупой болью отзывались в сердцах оставшихся вдов, матерей и ребятишек. Голод еще не успел взять верх над каждым, но он был рядом. Первая военная осень лавиной обрушилась на тоскующую по мужским рукам землю, городскую и сельскую улицу, предприятие и ферму. Оставшимся здесь, в тылу, суждено было взвалить на свои плечи всю тяжесть и фронта, и тыла. Фронту нужны были материальная помощь и моральная поддержка. Об этом свидетельствовали реальные картины военного положения к осени 1941 года. Уже с первых дней войны стало ясно, что намеченный уровень военного производства не может удовлетворить непрерывно возрастающие потребности Красной Армии в оружии, боеприпасах и боевой технике. Особенно остро встал вопрос о боеприпасах. Так, с августа по ноябрь 1941 года в стране выбыло из строя 303 предприятия, изготавливавших боеприпасы. За первые шесть месяцев войны практически все боеприпасы, изготовленные в мирное время, были израсходованы. Оставшиеся в действии заводы могли обеспечить фронту только половину его потребностей.

Завод имени Октябрьской революции - старейшее предприятие Одессы. После Октября завод подвергся реконструкции, получил имя Октябрьской революции и вышел на производство 50 плугов в сутки. В тридцатые годы завод значительно вырос, освоил ряд новых производств, стал одним из поставщиков сельхозтехники в стране. Но одновременно с выпуском плугов и другой сельскохозяйственной техники он с 1935 года начал работать на военное ведомство, а с 1938 освоил производство боеприпасов. Здесь сложился свой коллектив специалистов и опытных рабочих, выполняющих заказы военного ведомства. Вот почему в критический момент войны, когда враг наседал на Одессу, пришлось спешно демонтировать оборудование и вместе со специалистами и мастерами военного производства отправлять его в глубокий тыл.

Первоначальный вариант эвакуации был таков. Демонтаж самого необходимого оборудования, отбор оснастки, заготовок, инструмента и эвакуация в Ростов на "Ростсельмаш". Но события на фронте развивались значительно быстрее, чем планы эвакуации, осуществляемые под прицельным огнем противника. "Ростсельмаш" сам приступил к эвакуации в Ташкент. Туда был отправлен первый эшелон оборудования и специалистов. Окончательное решение по маршруту эвакуации было принято с учетом ещё одного не менее важного фактора. Поскольку основу завода имени Октябрьской революции все-таки составляло производство сельхозмашин, и он являлся специализированным предприятием в этой области, то не менее важно было разместить его в мощном сельскохозяйственном регионе, каким являлся Алтай. Фашистская Германия в первый период войны захватила крупные промышленные и сельскохозяйственные районы Советского Союза: Украину, Белоруссию, Дон, Кубань и другие территории. Алтайское же крестьянство было призвано взять на себя значительную долю понесенных утрат.

[До войны] на рубцовских окраинах [строились] крупное специализированное зернохранилище и сахарный завод. Они-то и стали основной базой для размещения двух эвакуированных сюда предприятий:

харьковского тракторного и одесского сельскохозяйственного. Следовало учесть, что Западная Сибирь и, прежде всего, Алтай - крупные производители зерна на востоке страны. К тому же Алтайский край граничит с Казахстаном, располагающим огромными площадями пахотных земель. Именно это обстоятельство сыграло решающую роль при обосновании выбора места для размещения завода по производству почвообрабатывающих машин.

Задача одна: построить завод и наладить выпуск продукции для фронта, а в дальнейшем - для восстановления огромного числа хозяйств, разрушенных войной. В мирной продукции завода нуждалась и Сибирь. А вот решать задачу пришлось с большими трудностями. Одна из важнейших проблем - рабочая сила в условиях колоссального ее дефицита во всех отраслях народного хозяйства страны. Правительством страны был принят ряд мер по обеспечению и укреплению рабочей силой предприятий спецпроизводств. От решения данной проблемы зависел успех всего народного хозяйства. Проводилась большая работа по привлечению в промышленность всех резервов рабочей силы, по обучению новых кадров и повышению их квалификации. Указом Президиума Верховного Совета СССР "О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время", принятом 26 июня 1941 года, был увеличен рабочий день и отменены отпуска, взамен которых выплачивались денежные компенсации. Это позволяло сразу же без увеличения числа рабочих и служащих дополнительно загрузить производственные мощности промышленных предприятий примерно на одну треть. 23 июля 1941 года [было принято] постановление, позволявшее перераспределять рабочую силу в интересах развития военного производства. Все эти и другие меры, принимаемые правительством и органами управления на местах, позволяли более оперативно решать вопросы как по наращиванию производства военной продукции на действующих предприятиях, так и принятию, размещению и строительству эвакуированных на Восток предприятий.

Характерной особенностью нового завода на южной окраине Рубцовска являлось то, что он был сугубо военным объектом и находился в ведении наркомата минометного вооружения. Строительство завода велось специализированной военной строительной частью. Создание постоянного контингента рабочих и сведение до минимума текучести кадров регламентировалось Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1941 года, согласно которому рабочие и служащие военных предприятий и смежных с ними производств объявлялись на период войны мобилизованными и закреплялись для постоянной работы на этих предприятиях. Отсюда - режимная работа, строжайшая производственная и трудовая дисциплина и повышенные меры ответственности за любые проступки. И эта мера на период сложного военного времени, пожалуй, была необходимой и оправданной.

Рождение завода в ноябре 1941 года на южной окраине города означало рождение индустриального Рубцовска - города, статус которого автоматически поднимался на одну ступеньку выше.

Свидетели истории

Изрядно поношенная отцовская шуба не раз выручала Тимку. Вот и вчера отец прихватил его с горящей папиросой. За курево Тимка и раньше от отца получал подзатыльники и выслушивал горькие упреки в своей адрес. На этот раз отец выдал ему сполна. То ли настроение у него было скверное, то ли надоело всякий раз выговаривать сыну прописные истины, что курить нельзя вообще, а ученикам тем более. Под горячую руку отцу подвернулся череседельник, и он трижды хорошо приложился к самому широкому месту Тимкиных штанов. Мальчишка взвыл, пытаясь вырваться из цепких рук отца, удачно ухватившего его за ворот рубахи, сшитой сестрой из ее старой вельветовой юбки к началу учебного года. Спасло то, что сестра сшила рубаху с запасом, и Тимка, изловчившись, выскользнул из нее. Он был один из семерых в семье Абдикаримовых и отличался тем, что был слишком мал. Как

любил шутить отец: "На него у нас не хватило материала". Он же - самый шаловливый в семье, а среди своих сверстников слыл забиякой. Отличала Тимку одна благородная черта характера - справедливость и умение постоять за слабого, хотя его вид не внушал ни малейшего доверия. Щуплый, красноголовый, он казался намного младше своих лет. За цвет волос его звали Рыжий Казах. Тимка плохо знал русский язык, хотя сизмальства в совершенстве владел всем запасом сквернословия. Он всегда бегал босой, не обуваясь, от снега до снега. И, как ни странно, он был грозой всех мальчишек рубцовской окраины.

Тимка без рубахи выскочил было на улицу, но, испугавшись того, что кто-нибудь из сверстников увидит его битым и плачущим, тут же юркнул за пригон и скрылся в пожухлой полыни. Сидеть было больно, он прилег. Тело жгло нестерпимой болью. Очнулся от того, что сильно замерз. Идти в избу боялся. Вспомнил Тимка, что в пригоне, где стояла лошадь, он видел в углу на сене отцовскую шубу, ту самую, что нередко являлась его единственной подстилкой, одеялом и подушкой. Тимка тихонько пролез в пригон, взял шубу и вернулся на прежнее место. Хотя все тело ныло от боли и очень хотелось есть, Тимка завернулся в отцовскую шубу и крепко уснул. Он вылез из своего укрытия только утром следующего дня. В избе была одна мать. Она знала о происшествии, а потому, не спрашивая, где он был, приласкала сына, накормила и сообщила, что вчера прибежали ребята и говорили, будто на пустырь (так звали место, где в степи торчали недостроенные и заброшенные амбары сахарного завода) приехали какие-то люди и привезли с собой много железных машин. Подробностей сказать не могла: она сама не понимала, кто и зачем приехал и какие-такие железные машины, для чего и откуда их привезли.

Тимка понял, что в его отсутствие произошло что-то очень важное. Обида обожгла его: как это он, вездесущий, узнает последним такую важную новость! Он быстро собрался, одел через плечо портяную сумку, где лежали его тетрадки, сказал матери, что побежал в школу.

Но в школе в этот день Тимка не был. Вернулся домой поздно, когда уже подоили корову. Вся семья была в сборе. Старший брат Иван собирался на "товарочку" (так звали молодежные вечеринки, проводимые каждый вечер у чьей-нибудь избы, где рядом росли тополя или клены).

- Где ты был? - спросил Иван брата.
- На заводе.
- На каком заводе?
- На новом.
- Это где такой?
- Там, на пустыре, - ответил Тимка и подробно начал рассказывать брату о том, что он услышал и увидел в течение дня на пустыре.

В этот день Тимка был там не один. По сути, все его друзья-товарищи были свидетелями того знаменательного события, которому суждено было стать главным смыслом и содержанием личной жизни и судьбы большинства присутствующих там детей и подростков. То, что видели рубцовские мальчишки в тот осенний день 1941 года на южной окраине города, можно назвать рождением здесь первого крупного предприятия - будущего машиностроительного комплекса, строителями, рабочими и специалистами которого станут и их дети.

Начало

О прибытии эшелона из Одессы местные власти были осведомлены. Рубцовчане встретили посланцев ЗОРа радушно. В этот же день большинство прибывших семей расселили по частным квартирам, часть поселилась в бараках. В числе прибывших были не только одесситы. На рубцовском базаре, не успевшем заметно утратить свое прежнее богатство, все чаще слышался странный для сибиряков говор: ломаная русская речь или просто чужой для слуха язык. Сюда уже успели прибыть группами и в одиночку жители Ленинграда, Киева, Прибалтийских республик, Молдавии, словом, все те, кому удалось уйти из зон оккупации или от грозящей опасности захвата

территории врагом. Вся эта многоликая толпа мощным потоком влилась в тишь сибирского городка, но не растворилась в нем, а многоцветными прожилками проявилась на ее гладкой поверхности. Она несла с собой совершенно иной взгляд на жизнь, глубину мышления, обширные и всесторонние знания, рабочее мастерство, приверженность к науке, поиску, творчеству, культуре, что впоследствии отразилось на всем укладе жизни этого города, которому суждено было стать крупным центром машиностроения Сибири. Закончится война, и большая часть эвакуированных специалистов, опытных рабочих вернется в родные края. Они оставят после себя набирающий силу индустриальный Рубцовск, на южной и северной окраинах которого поднялись корпуса новых заводов, где успели подрасти и возмужать собственные кадры специалистов и рабочих. Они-то и сыграют немаловажную роль в дальнейшем развитии своих предприятий и в оказании помощи возрождающимся из пепла войны и вновь строящимся заводам тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. А пока - начало, ради которого они прибыли на Алтай.

Второй день пребывания одесситов на рубцовской земле стал первым рабочим днем на строительной площадке будущего завода. Время торопило. На разгрузку оборудования вышли все прибывшие. Погрузочно-разгрузочных средств и транспорта явно не хватало. Надо было снять с платформ оборудование и по открытой степи, по бездорожью, по самой прямой и короткой дороге доставить на площадку. Помогли опыт квалифицированных рабочих Одессы и крестьянская смекалка сибиряков.

Станки с платформ спускали по длинным бревнам - скатам, поддерживая всей толпой под звучный размерный голос мастера-такелажника. Плавню спускали на насыпь или прямо на железный лист, а то и в кузов единственной, выдавшей виды полуторки. Этот первенец отечественного автомобилестроения находился в надежных руках ее бессменного водителя Миши Зимина. Он денно и нощно колесил на ней по пыльным и ухабистым дорогам города и нередко по гладким, как лента, в летнюю сухую пору

нескончаемым степным проселкам, возил зерно, сено, дрова, уголь и скромный крестьянский скарб. Как-никак машина, хоть и мала, но верткая и шустрая, к тому же - неприхотлива. И город, и округа знали полуторку и ее бессменного водителя, славного и безотказного паренька, как неугоминых тружеников, готовых в любую минуту прийти на помощь.

Отсутствие дорог, транспорта и погрузчиков принималось всеми как обычное явление, присущее для этого края в нормальное время, а тем более в военное.

Но не могли остаться незамеченными удивительное мастерство и ловкость такелажников, их умение с какой-то легкостью передвигать многотонную махину в нужном направлении. Даже там, где техника не в состоянии была двинуть с места станок, люди легко и ловко приводили его в движение. Для местных жителей это искусство было мало известно, и они с нескрываемым любопытством следили за каждым движением рабочих. А рубцовским мальчишкам тем более это казалось чудом.

Вот почему в тот знаменательный день мальчишки южной окраины Рубцовки сделали однозначный выбор между школой и пустырем. И пустырь "взял" верх. Искусная работа специалистов ассоциировалась у мальчишек с реальной мечтой легко и ловко управлять этой техникой. Им уже сейчас, в этот миг, хотелось приобщиться к ней, попробовать свои силы. Уже в первый учебный год военного времени опустели парты - мальчишки, овладевая профессией, становились рабочими. А пока здесь, в открытой для ветров и солнца степи, надо в спешном порядке развернуть завод.

В числе небольшой группы прибывших из Одессы были руководители цехов и кадровые опытные рабочие. Они и составили основной костяк будущего коллектива. В разное время сюда прибыло более сотни специалистов. В их числе: литейщики и инструментальщики, механики и энергетики, работники технического контроля. С первых дней к работе на площадке привлекалось местное население, в основном женщины и подростки. На их плечи легла вся тяжесть работ по строительству и пуску

завода. Строительная и техническая база отсутствовали, все начиналось с нуля. Зброшенны́е, недостроенные бараки, сараи, кучи мусора, битого кирпича, извести, древесного гнилья - это все, что осталось от строящегося здесь сахарного завода. Заросший бурьяном и полынью пустырь одиноко маячил в бескрайней степи. Он был излюбленным местом детских игр и мальчишеских забав. Дети ловили здесь ежей, привлекаемых, видимо, обилием съестного запаса - мышей, любовались стремительным полетом многочисленных ласточек, наслаждались песнями звонкого жаворонка и с нескрываемой завистью следили за парящими полетами коршуна или степного орла. Именно здесь рождалась любовь к родной природе, к своему дому, к жизни, что составляет в итоге понятие - любовь к Родине. Не последнюю роль играли рубцовские окраины в формировании характеров тех, кто отсюда входил в большую жизнь, становился солдатом или отдавал себя безраздельно делу, которое пришлось ему по душе раз и на всю жизнь.

Создание завода на пустыре, где нет подъездных путей, дорог, энергии, воды, канализации, вспомогательных мастерских, гаражей, да еще в условиях военного времени - дело нелегкое.

Городецкий Ефим Макарович - опытный кадровый специалист ЗОРа, получивший задание спешно эвакуироваться с группой специалистов в Рубцовск, уже в Одессе знал, что едет в медвежий угол, где ничего нет для элементарной организации дела. И он по дороге в Рубцовск добыл в Челябинске два локомотива с генераторами. Они-то и явились отправной точкой в организации дела. Площадка, куда перевозилось оборудование со станции, занимала немногим более пяти гектаров. В распоряжении первопроходцев были деревянный амбар, одноэтажный домик и полуразрушенный сарай. Здесь же стояли два недостроенных кирпичных здания. Они представили наибольший интерес для развертывания производства. Правда, не было крыши, зато имелись надежные стены. Деревянный амбар был переоборудован под материальный склад, куда сложили привезенный из Одессы скудный скарб. В одноэтажном домике

развернули заводоуправление. Единственная вещь, которая свободно разместилась на этом здании - вывеска.

Два главных начальника - бухгалтер и секретарь, она же уполномоченный по кадрам, военно-учетному столу, уборке помещения и оперативной связи со всеми ведомствами и организациями города путем ежедневных пеших переходов из одного ведомства в другое. Учитывая, что площадка находилась на значительном расстоянии от города, а потребность в постоянной оперативной связи была крайне важна, в распоряжение секретаря была выделена пегуха, запрягаемая в ходок, который выпросили под честное слово у соседнего совхоза. Секретарь исполняла и роль кучера. За давностью времени надо признать, что и секретарь, и пегуха не зря ели хлеб - у обеих постоянно расширялся круг обязанностей. А на пегуху была такая потребность, что она нередко валилась с ног от усталости и могла, как говорится, в любую минуту отбросить хвост, если бы вовремя не организовали свою собственную конюшню.

А тут и директор появился, столбы "пришли" из города и "принесли" на своих плечах телефон и радио, да только, как и прежде, негде было взять хоть немного электричества. Собственного локомотива, что был вскоре установлен, хватало, как у известного волжского парохода, только на гудок. А тем временем велась активная работа по размещению производства на имеющейся площадке. Полуразрушенный сарай приспособили под участок для покраски и упаковки боеприпасов. А вот кирпичные недостроенные здания использовали так: в одном разместился ремонтно-механический, а в другом - инструментальный участки. В любом новом производстве эти два участка главные, ибо без них невозможна никакая организация дела. Прибывшая новая партия специалистов и рабочих тут же включилась в работу по установке и монтажу оборудования.

Локомотив и генератор разместили в саманухе, прочно укрыли, задраили щели, и - забилося сердце завода: мал золотник, да дорог. Надо отдать должное одесским мастерам - специалистам на все руки. Над

энергетическим узлом "колдовали" Турченко Георгий Николаевич и его сын Леонид - 16-летний юноша, бывший учащийся одесского техникума связи. Полученные знания в техникумегодились Леониду на рубцовском пустыре. Он был в тот момент первым и единственным электромонтером. Главный экономист пока не действующего завода Лидбарг, инженер Фукс и слесарь Парфелюк устанавливали опоры. Хотя они этой работой занимались впервые, но выполнили ее вполне удовлетворительно. И вот все готово к пуску локомотива. Его труба поднялась до самой высокой отметки над площадкой.

6 ноября 1941 года в ночной тиши пустырь ожил, он, как небольшой корабль, в безбрежной рубцовской степи засветился огнями электрических ламп. Это было то самое начало, вдохнувшее жизнь в организм нового для этого степного края дела - собственного машиностроения. Пусть начало было горьким - надо было осознанно и ответственно приступить к производству здесь, в далеком сибирском крае, смертоносного оружия, ибо шла война, война не на жизнь, а на смерть. Но люди, призванные сегодня организовать производство мин, знали, что завтра им придется делать мирную технику, при помощи которой человек будет растить хлеб. Хлеб - это жизнь, это главный продукт русского человека, в этом и есть его сила. А пока от тех, кто ехал сюда под грохот снарядов и бомб, и тех, кто отправлял лучших своих сынов на фронт, отрывая последний кусок хлеба у оставшихся детей, матерей и жен только для того, чтобы был сыт солдат, Родина требовала полной отдачи сил. Все знали и помнили одно святое правило тех дней - все для фронта, все для победы! И фронт глотал все без разбора: трактора и машины, лошадей, продукты, теплую одежду, собранные пожертвования мирных жителей, уносил жизни дорогих и близких нам людей, лучшую часть населения страны, его производительную силу. Тыл, напрягаясь, выбиваясь из последних сил, взвалил все бремя тяжести на плечи женщин и подростков. Вспыхнувшие в зиму 1941 года первые электрические лампочки на первом предприятии машиностроения привлекли к себе сотни, а потом и тысячи подростков не

только Рубцовска, но и окрестных сел. Большинство из них навсегда связало свою жизнь с этим заводом.

Пуск первой энергоустановки мощностью 75 киловатт сразу же изменил ситуацию на строительной площадке. Заработал ремонтно-механический, где уже были установлены и подключены токарные, фрезерные, строгательные, сверлильные и долбежные станки, механическая пила. Появилась возможность подключать сварочный аппарат. За дело взялись токари-универсалы братья Семен, Юрий и Александр Кравченко. Каждый из них мог работать на любом из установленных в цехе станке. Это расширяло технические возможности как подготовки основного производства, так и решения проблем обустройства временных производственных, складских и административных помещений. Параллельно с ремонтно-механическим формировался инструментальный.

На стенах кирпичного здания, где должен разместиться инструментальный, соорудили второй этаж, сделали перекрытие, окна, разбили здание на участки, подвели фундаменты и установили имеющееся оборудование. Часть оснастки и инструмента была привезена с собой, а часть поступила с последующими эшелонами. Под склад для инструмента и оснастки использовали яму - она должна была служить холодильником у сахарного завода, да так другого имени и не приобрела. И только теперь, обустроив ее на свой лад: сделали стеллажи, кабины, вход в подземелье, дали ей новое имя - ЦИС (центральный инструментальный склад). Правда, неуютно и тесновато, но зато громко и строго по заводскому регламенту.

Вроде, все готово. Только бы и начинать работы, да не оказалось главного - электроэнергии. Один локомотив не мог обеспечить всю площадку. Поехали инструментальщики в паровозное депо станции Рубцовка с просьбой помочь заводу. Руководство депо пошло навстречу и выделило старый паровоз. Он-то и выручил инструментальщиков. Заработали станки - дело, кажется, пошло. Но случилась непредвиденная беда - пожар. Надо было начинать сначала. Директор сказал: "Через месяц все восстановить!" Весь

месяц сутками не выходили из обгоревшего Остова. Спасло то, что стены были кирпичные. Приказ директора выполнили в срок - через месяц снова заработало оборудование. Анализируя то время, не перестаешь удивляться человеческой силе воли. Сколько способен выдержать человек! Ноябрь по сибирским меркам - это уже зима. На исходе первой половины месяца речки и озера одеваются в ледяной панцирь, трещат морозы, дуют студеные ветры и нередко бураны.

Работать в неотапливаемых помещениях да при условии, что крышей служит только купол неба с ярко сияющими на его бездонном небосводе звездами, практически невозможно. Здесь днем и ночью в мангалах тлеют угли, топят наскоро сварганенные печи на любой манер. Стынут ноги и руки, каменеет слабо прикрытое тело, колотит мелкая дрожь. Металл зло хватает за пальцы при малейшем прикосновении к нему. Но работать надо, надо торопиться с выполнением задания. Таково веление времени. Однако для наращивания основного производства не хватало литейки - нужны были литые корпуса мин. Встал вопрос, где и как ее организовать.

Алтайский крайисполком по ходатайству руководства завода и наркомата минометного вооружения принял решение о передаче небольшой литейной мастерской рубцовской промкооперативной артели "Красный труженик" площадью в 100 квадратных метров в распоряжение завода. В мастерской работала одна вагранка для выплавки чугуна. Силами небольшой группы литейщиков, прибывших из Одессы, были построены две вагранки, сушильная печь, участок для изготовления стержней, смешивающие бегуны, напольный конвейер. Здесь, на территории артели, построили помещение для локомобиля с генератором. В январе 1942 года приступили к отливке корпусов мин. Основу коллектива литейщиков составили одесситы. Рядом с ними работали молодые рубцовчане. Однако условия труда в этой барачного типа литейке были ужасны. Здесь на расстоянии одного-двух метров ничего не было видно. Люди ходили на ощупь. К тому же многие были слабы от голода. Бывало, человек не выдержит и упадет в обморок. Полежит немножко на

свежем воздухе, придет в себя и снова за работу. Так и работали люди, изнемогая от тяжести условий труда и скудности питания. Иного выхода не было. Таким образом, с пуском литейного, ремонтно-механического, инструментального, участка покраски появилась возможность ставить на поток производство корпусов мин. Получилось так, что от начала работ по освоению недостроенных полуразрушенных зданий на пустыре до выпуска первой партии готовой продукции для фронта прошло только четыре месяца. Безусловно, этот факт можно смело отнести к разряду трудовых подвигов, которые совершило наше поколение людей.

Завод – фронту

Заводской музей, подшивки газеты “Алтайский машиностроитель” хранят сотни пожелтевших от времени страниц воспоминаний тех, кто пришел на завод в первые годы его строительства. По-разному сложились их судьбы. Одни все свои силы отдавали заводу, работая в тылу, другие, уйдя по призыву и добровольно на фронт, отслужив, вновь возвращались в свои трудовые коллективы. Не всем было суждено вернуться с поля брани. Их одинокие и братские могилы затерялись в безбрежных просторах России и Европы. Память о них хранят в своих сердцах родные и близкие, и те, кто плечом к плечу начинал свою трудовую деятельность на заводской новостройке. Об этом часто приходилось слышать от ветеранов. Мастер отдела технического контроля Василий Исаевич Савченко рассказывал, как на южной окраине города над степью поднимались корпуса нового завода, беспрестанно ехала на его строительство молодежь из окрестных сел и городов Алтая. С утра до вечера на площадке сустились люди - шла стройка. Радио и газеты все чаще приносили тревожные вести с фронта. Однообразие информации о том, что “наши войска”, изматывая противника, временно оставляли города и села, до боли тревожило сердца людей, и предательские слезы наворачивались на глаза. Минутная слабость и не более...

С еще большим упорством люди принимались за работу. Они верили в победу, и это придавало им силу.

И вот в один из таких напряженных дней как набат прозвучали слова: "Все на митинг". Люди спешно собрались на зеленой лужайке у инструментального корпуса. Представитель военного командования был предельно краток: "Родине угрожает смертельная опасность, - сказал он. - Враг продвигается в глубь страны. Его надо остановить и изгнать. Сейчас идет формирование дивизии из сибиряков-алтайцев". Он внимательно осмотрел собравшихся и громко спросил: "Добровольцы есть?"

- Есть! - Юноша вышел вперед и поднял руку. Это был фрезеровщик ремонтно-механического цеха комсомолец Николай Анисимов.

- Есть! - И все узнали председателя завкома профсоюза молодого коммуниста Владимира Похилюка. Он прибыл в числе небольшой группы специалистов из Одессы. Вскоре проявил себя активным работником, и люди избрали его своим вожаком.

- Есть! - Из толпы вышла невысокого роста девушка и назвала свое имя - Вера Турубарова, контролер ОТК.

Громкое "Есть!" много раз звучало на этом митинге. Среди заводских добровольцев были токарь инструментального цеха Борис Гриценко, слесарь-ремонтник Владимир Ткач и другие. Через несколько дней проводили добровольцев на фронт. Оставшиеся заводчане решили работать не покладая рук. А руки-то были в основном женские и детские, хваткие, но еще слабые. Но их становилось все больше. Позже алтайсельмашевцы узнали о делах своих добровольцев, их фронтовых подвигах. Они героически сражались на войне, многие из них были награждены орденами и медалями. Известным разведчиком стал бывший разнорабочий Семен Шуба. Сколько раз этот смелый человек выполнял особо важные задания своих командиров. Отчаянная храбрость, воля, выдержка - все эти качества не раз отмечало командование части.

Бесстрашная девушка Вера Турубарова стала санинструктором и погибла смертью храбрых. Не один раз, рискуя собственной жизнью, под огнем врага она спасала раненых бойцов и командиров. О ее подвиге писали фронтовые газеты. Кто мог подумать, что скромная, простая девчонка, которая жила незаметно, ничем не выделяясь среди своих подруг, станет героем войны и будет посмертно удостоена боевой награды.

Геройски погиб Владимир Похилук. В одно с Владимиром время ушел добровольцем на фронт председатель профсоюзного комитета завода имени Октябрьской революции Григорий Коновалов. С группой своих заводчан он также геройски погиб под Ростовом в бою с гитлеровцами. Он был политруком артиллерийской батареи. Среди добровольцев-алтайсельмашевцев, ушедших с завода на фронт, были шестнадцатилетние мальчишки Владимир Конников, Иван Коротич, Борис Мазаков, Николай Воробьев. Вместе с мальчишками-добровольцами ушли на фронт и семнадцатилетние Наташа Адамеева, Фаина Гриценко, Мария Машурина.

17 сентября 1941 года было опубликовано постановление Государственного Комитета Обороны "О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР". Оно вводилось повсеместно с 1 октября 1941 года для мужчин в возрасте от 16 до 50 лет. Выполняя данное постановление, завод приступил к обязательному организованному обучению всех мужчин без отрыва от производства. Программа была рассчитана на 110 учебных и практических часов. Обучение велось в учебных пунктах и в поле. Это явилось дополнительной и нелегкой нагрузкой. Но время было неумолимо - так требовала военная обстановка. Учились военному делу, изучали технику, приемы рукопашного боя, действие штыком и винтовкой. Овладевали приемами маскировки и способами уничтожения танков противника. Саперные лопатки, которые изготавливал сам завод,годились на практических занятиях для выполнения команды "залечь и окопаться", а попутно изучили и приемы в рукопашной с применением сапёрки.

На теоретических занятиях и лекциях о событиях на фронтах лекторы нередко рассказывали о военных действиях наших земляков, ставили их в пример. Это вдвойне помогало понять важность учебы и вызывало желание повторить или умножить подвиги как своих земляков, так и героев войны, чьи имена были широко известны всем людям нашей страны. Молодой коллектив завода "Алтайсельмаш" дал фронту 324 солдата. Их мужество и отвага по достоинству оценены Родиной. Более тысячи орденов и медалей получили посланцы завода за ратные подвиги на полях сражений.

Алтайсельмашевцы принимали участие не только в обороне и освобождении крупных городов и столиц союзных республик, но и столиц многих европейских стран: 65 заводчан сражались за освобождение Белграда и Будапешта, Праги, Варшавы и Бухареста. 27 алтайсельмашевцев штурмовали Берлин. Грудь Михаила Ивановича Ушкалова украсили 5 боевых орденов, по четыре боевых ордена у Ивана Сергеевича Скиба и Ивана Семеновича Пономарева. Коллектив завода хорошо знает имена своих ветеранов войны (всего через проходную завода прошло около полутысячи фронтовиков) и отдает им дань благодарности и доброй памяти за их боевые подвиги.

Они были первыми

В неполных шестнадцать Анатолий пришел на завод в декабре 1941 года. Его первым учителем стал Дмитрий Тененголец - опытный формовщик, одессит. Начинать трудовую деятельность юнцу пришлось в литейке, что размещалась в сарае (иначе и не назовешь это убогое строение) артели "Красный труженик".

Нелегко был труд, но еще тяжелее были его условия. Облегчало участие только то, что рядом были сильные люди - Петр Андреевич Ерохин, Натан Григорьевич Копелевич, ну и, конечно, дядя Митя, так любовно он называл своего учителя Дмитрия Тененгольца. За те наставления и советы, которые давал ему мастер, за доброту и ласку в трудную минуту.

Юноша видел, как старается дядя Митя передать ему свой опыт, лучшие приемы, вложить в его руки умение выполнять работу хорошо и качественно. И с каждым днем росло мастерство ученика, он становился квалифицированным рабочим.

Анатолию тоже хотелось пойти в армию, но он был нужен здесь, в тылу, ибо его работа важна для производства продукции, крайне недостающей фронту.

Анатолий формовал корпуса мин, и от качества и количества его работы зависело многое. Он знал, почему его не призывают в армию, и, как бы успокаивая себя, говорил мастеру: "Ведь правда, дядя Митя, мы с вами тоже воюем вот этой штуковиной? Каждая штука - фашисту гроб, да еще не одному - на семерых хватит".

Мастерство и хорошую работу Анатолия заметили в цехе и на заводе. Он был представлен к награде. В 1946 году Анатолий Грицко награжден орденом "Знак Почета" и медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.". Еще долгое время он формовал заготовки на мирную продукцию, а потом, как писала заводская многотиражка, «... приметил его точный глаз и сноровистые руки и взял к себе в ученики» мастер-модельщик высшего класса одессит Арон Юльевич Шнайдер.

Это он - Шнайдер - шестнадцатилетним подростком, после окончания специальной школы, сделал собственноручно первую сложную модель. И сегодня ветеран, накопивший богатый опыт специалиста-производственника и организатора, передает его мальчишкам, пришедшим на новостройку. За первые двадцать лет работы на "Алтайсельмаше" он подготовил десятки специалистов-модельщиков. Его лучшими учениками были Анатолий Иванович Новиков, Александр Митрофанович Чистилин, а позже Анатолий Иванович Грицко, заменивший своего учителя на модельном участке. Обладателем двух дефицитных профессий стал мальчишка рубцовской окраины, прошедший школу двух опытных учителей - мастеров высшего класса, прибывших в числе небольшой группы специалистов Одесского завода

имени Октябрьской революции не только для того, чтобы развернуть здесь строительство и организовать производство, но и подготовить кадры из местного населения, тяготевшего к крестьянскому труду.

На ту пору в Алтайском крае население, относимое к числу городского, не достигало и двадцати процентов от общей численности жителей края. Рубцовка, будучи городом районного подчинения, по своей структуре, характеру занятости и составу населения далеко от этого показателя не ушла. Нельзя не учитывать и того, что кадры нового предприятия формировались за счет сельских жителей и, прежде всего, за счет женщин и подростков. Подтверждением тому являются данные отдела кадров на конец 1945 года: из общей численности работающих на заводе женщины составляли 50 процентов, а молодежь от 15 до 25 лет - 62 процента. Таким образом, привлекаемые к работе женщины и подростки ранее не имели ни малейшего представления о рабочих профессиях машиностроительного завода, в производственную структуру которого входило литейное, инструментальное, сварочное, кузнечно-штамповочное, гальваническое и другие специальные производства. Здесь нужны были не только теоретические знания на уровне вуза, техникума, специализированных школ, но и большая практика, опыт специалистов, их умение передать этот опыт в крепкие руки, рожденные и приспособленные сизмальства к работе на земле, или в домашнем хозяйстве, в промартели.

На этом фоне роль специалистов и квалифицированных рабочих, приехавших из Одессы и целого ряда других промышленных городов, была неизмеримо велика. Прибывшие приносили с собой опыт работы на передовых предприятиях страны, высокую организацию и дисциплину. Они составляли костяк коллективов эвакуированных предприятий. Их значение велико потому, что вокруг них формировались кадры, воспитывалось поколение нового рабочего класса. Это с их помощью и непосредственным участием подготовлена большая группа специалистов ведущих профессий во всех сферах производства и управления. Первое поколение заводчан,

вступивших в непосредственный контакт с эвакуированными сюда специалистами, в основном состояло из подростков рубцовских окраин. Эта первая волна жаждущих обрести специальность, прикоснуться к удивительным машинам, станкам и агрегатам, научиться управлять этими машинами, с жадностью впитывала в себя то, что говорилось и делалось на их глазах без оглядки на трудности, голод и холод, невероятно тяжелые условия труда и быта. Именно эта волна превратила жалких учеников-подростков в крепких, закаленных невзгодами учителей, передающих бережно хранимое мастерство и искусство профессиональной работы старшего поколения новым потокам молодых людей, демобилизованных воинов.

"Минуло сорок лет, - пишет в своих воспоминаниях А. И. Сигида, ветеран, Герой Социалистического Труда, по случаю юбилея завода, - а в памяти сохранились многие эпизоды суровой жизни военных лет. Почему-то память цепко держится за прошлое. Видимо, оно запало глубоко на всю жизнь. Прежде всего, вспоминаются сверстники и старшие товарищи". Особое место в памяти инструментальщиков, где работал А. И. Сигида, занимает учитель и наставник, специалист высокой квалификации одессит Ефим Иванович Сафронов. Он покорял их своими рассказами. Они понимали, что за плечами этого человека была по-настоящему интересная и порой нелегкая жизнь. Дань уважения к этому человеку сохранилась по сей день. Рассказывал он об Одессе, городе, о котором рубцовские мальчишки знали единственное - город с таким названием в нашей стране есть. С особой гордостью он говорил о своем заводе, коллективе, в котором работал, где прошел трудовую закалку, стал профессионалом. О себе же говорил мало и сдержанно. Его разговоры уводили ребят от реальной действительности, снимали напряжение, расслабляли. Время шло незаметно. Вдруг загорались тусклые и малочисленные электролампочки - появилась электроэнергия, и слушатели тут же рассыпались по местам: задание надо выполнять независимо от обстоятельств. Цех оживал, воцарялся привычный шум станков, инструмента, и сквозь монотонный гул каким-то ласковым эхом звучал в ушах умолкший голос

Ефима Ивановича. От него исходило тепло, это придавало силу и уверенность - ведь с тобой продолжает говорить твой учитель.

Ефим Иванович всегда был рядом. Он подавал личный пример. Скромный простой рабочий всегда значился в числе передовиков, являл собой пример добросовестного отношения к труду. Его авторитет был непререкаем и высок. Его уважали и ценили. За высокие показатели в работе, воспитание и подготовку кадров Ефим Иванович награжден орденом Трудового Красного Знамени, имеет несколько медалей. Он провел в Рубцовске вторую половину своей жизни и всю без остатка отдал ее людям, для чего и был послан сюда в трудный для страны час. В знак признания и благодарности за большой вклад Ефима Ивановича Сафронова в строительство, становление и развитие завода, а это значит и города, ему, прирожденному одесситу, было присвоено звание почетного гражданина Рубцовска.

Навеяно памятью

Как только зажглись первые электрические лампы на новостройке, поток рубцовских мальчишек и девчонок устремился на завод. Рядом с ними шли подростки из окрестных сел и из числа прибывающих по эвакуации из западной части страны. Здесь учились и работали, а освоив профессию, шли на работу в цех.

Местным жилось полегче: был свой угол, где можно поспать и отдохнуть, а вот приезжим приходилось спать у печки в цехе. Работали без выходных. Только дважды в месяц была пересмена. Смен было две: с восьми утра до восьми вечера и наоборот. И как бы ни было трудно, ребята находили время для отдыха. В обеденный перерыв гоняли тряпочный мяч. Это летом. А зимой в условиях Сибири было сложнее. Согревала только работа да жаркая печь на участке - единственный источник тепла, вокруг которого собирались все в обеденный перерыв. Тут и скромный обед, чаще всего коллективный. Делились всем, что было, а было-то совсем немного: свекла, заимствованная у соседнего совхоза на свекольном поле (оно было под боком у завода),

картошка, а дальше, что Бог подаст - то одна луковица на всех, то корочка хлеба, разделенная на мелкие ломтики для каждого, и неограниченная порция песни. Тяжко, голодно и холодно (у печки тепло, а в трех метрах стоит бачок с замерзшей водой), а песня льется сама, захватывает, уводит куда-то, и так бывает минутами хорошо, что забываешь обо всем. И только голос мастера: "Пора, ребята!" - выводит из забытья.

Трудовая биография Полины Малышенко началась зимой 1942 года, когда ей еще не было шестнадцати. Поставили ее к токарному станку и стали учить работать. Ростиком Полина не удалась и потому стояла у станка на ящике-подставке. Освоилась быстро и начала самостоятельно обтачивать чугунные корпуса мин для 82-миллиметровых батальонных минометов. Она работала посменно с Верой Рязановой. Девушки старались, как могли. Да и как не стараться, если начальник цеха Яков Миронович Барг то и дело напоминал: "Девочки, боеприпасов на фронте не хватает, надо поднажать". Девчонки и сами все понимали. Дома вечерами слушали радио, а в цехе регулярно проводились пятиминутки. Примечательной для этого коллектива была высокая активность в соревновании. У них оно было хорошо организовано. Станок победителя украшал красный флажок, а за особо выдающиеся успехи - красная звезда. На станке, где работали Полина Малышенко и Вера Рязанова, такие знаки стали появляться все чаще.

Было массовым соревнование за звание "фронтовых бригад". Хлебный паек был невелик, да еще и делиться им надо было с престарелыми родителями и маленькими племянниками - детьми брата Федора. Он где-то западнее Москвы сражался с фашистами. Поэтому в коллективе особенно радовались, когда выдавали стахановскую премию в виде дополнительного питания. Нередко в цехе появлялся приказ директора завода об обеспечении питанием стахановцев, ежедневно перевыполняющих производственное задание. В распоряжение начальника цеха передавались дополнительные обеды для питания передовиков-стахановцев без вырезки талонов в продовольственной карточке, в том числе и на хлеб. К обеду каждому передовику давалось по 100 граммов

дополнительного хлеба. Надо сказать, что порядок выдачи дополнительных обедов был очень строгим. Так, право на поощрение дополнительным талоном на стахановский обед имел тот, кто перевыполнял нормы ежедневно на протяжении пяти дней. Если этот порядок нарушался рабочим - хотя бы в один из пяти дней, - он лишался права получить дополнительное питание на всю пятидневку. А если порядок нарушал выдававший талоны, он привлекался к уголовной ответственности. Строго, но по тому времени, пожалуй, справедливо. Как бы то ни было, а время и нужда диктовали необходимость быть впереди. И люди старались изо всех сил.

После майских дней 1943 в семью Малышенко пришло сразу два печальных известия: погиб старший брат Полины - Федор и муж ее сестры - Михаил. И горе, и радость, которой, к сожалению, было так мало, переживали все вместе. Никогда не забудутся друзья юности, готовые подставить свое плечо, протянуть руку в трудную минуту. Рядом с Полиной работали такие же молодые 15-16-летние мальчишки и девчонки: Катя Верхошанская и Виктор Шуваткин, Галя Зайцева, Тамара Цыганкова и Сергей Крылов. Маша Сухотерина была комсомольским вожаком. Все эти ребята активно участвовали в художественной самодеятельности. Как бы ни было трудно, они находили время на песню и воскресник, комсомольское собрание и скромную вечеринку по случаю рождения, а то и свадьбы. Как-то Галя Зайцева сказала: "Девчонки, ведь скоро наши солдаты-победители вернутся, победа-то не за горами, уже по немецкой земле шагают, к звериному логову подбираются. А цех-то у нас такой грязный - стыдно перед парнями будет". Большинство девчат поддержало Галю. Ну и закипела работа: одни штукатуруют, чистят и моют, а другие по полторы-две нормы выдают. Тут уж никуда не денешься - сначала производственное задание, а потом все остальное. Недели через три цех было не узнать. Так вот трудились и жили.

"Мой первый друг" - так назвала свою короткую публикацию в заводской многотиражке "Алтайский машиностроитель" ее редактор Тамара Степановна Цыганкова в год сорокалетия завода. Здесь она делилась своими

воспоминаниями о Викторе Константиновиче Шуваткине - кадровом алтайсельмашевце с 38-летним стажем работы. Для нее он добрый друг, товарищ комсомольской юности. Когда в мае 1943 года она пришла во второй механический цех, Виктор Константинович уже работал там, вначале токарем на расточке малого очка корпуса мины, потом молотобойцем и кузнецом. Он был очень добрым. В то трудное военное время, когда не каждый день удавалось поесть, когда нередко и переночевать было негде - приходилось ютиться где-нибудь за станком, - Виктор Константинович не обозлился, не растерял своей доброты. Долгие годы - и во время войны, и после - он был добрым рыцарем девчонок из молодежной компании: всегда отличался душевной чуткостью, умением утешать товарища в беде, поддержать, помочь. О том, как Виктор Константинович трудился на производстве, можно сказать коротко - по-ударному!

Клава Казакова - активная участница художественной самодеятельности, очень грамотная, начитанная девушка, не раз просила отправить ее на фронт. Даже ездила по этому поводу в Барнаул, но ее так и не отпустили. Она была незаменимой работницей по обработке стабилизаторов мин, что изготавливались в цехе № 1. По окончании войны стала воспитателем в одном из заводских общежитий.

Тамара Цыганкова, бессменный редактор заводской многотиражки "Алтайский машиностроитель"- из числа эвакуированных. Их состав расселили вдоль железной дороги, и, таким образом, она оказалась в 512-й казарме, что южнее Рубцовска. С насыпи или крыши сарая не раз всматривалась девушка в манящие огни Рубцовска, пока не связала с ним свою судьбу. Пришла Тамара на завод в мае 1943 года, а ушла с завода и из жизни после тяжелой продолжительной болезни в феврале 1991 года. "Вся сознательная жизнь ее, - говорится в некрологе, - была связана с заводом и его людьми". Она хорошо знала людей, завод, а потому редактируемая ею газета была объективной, боевой и содержательной. Она привила любовь к журналистике многим рабочим корреспондентам. Ею собрано много

фотографий, документов к полувековому юбилею завода. Светлая память об этой замечательной женщине-труженице навсегда останется в сердцах заводчан и в залах заводского музея.

Как-то тихо, неприметно для большинства появилось на устах многих имя Марии Китаевой. Как ее окрестили потом "первая на Алтае женщина-вагранщица". Разговор перешел на страницы местной печати, а прибывшие тем временем гости из подшефной Сибирской дивизии перенесли его на страницы фронтовых газет, сопроводив публикации фотоснимком "Вагранщица у огненного жерла". Мария была рослой, крепкого телосложения, в традиционной для литейщиков брезентухе и казалась богатырем. Стоящие рядом Миша Михно и Вася Ложкин выглядели мальчишками по сравнению с ней. Мария окончила Рубцовское педагогическое училище и получила направление по разнарядке в Косихинский район Алтайского края. Но ее внимание, как и многих рубцовских ребят, привлекала стройка на южной окраине города. Она решила поработать здесь до начала учебного года. Кто покрепче, тех отдел кадров направлял в литейку, что ютилась на берегу Алея под померкшей от времени вывеской на покосившихся входных воротах промартели "Красный труженик".

Молодую учительницу приняли разнорабочим. Прошло немного времени, и Мария как-то сказала своему мастеру, что ей очень хочется освоить профессию вагранщика. Мастера-одесситы были удивлены предложением девушки: "Девчонка у вагранки? Такого быть не может!" Но упорство Марии и страстное желание наперекор всем овладеть этой тяжелой даже для мужчин профессией взяли верх. Через год о ней заговорили. Потом спустя полтора года она будет первой из рабочих нового завода удостоена правительственной награды - ордена "Знак Почета". Она работала под руководством опытных мастеров-одесситов Константина Гетмана и Дмитрия Данько. Всего восемь дней понадобилось Марии, чтобы освоить профессию и работать самостоятельно. Через полгода она вызвала на соревнование смену опытного

вагранщика Шибе. И пришел тот день, когда смена Китаевой вышла победительницей: ее смена стала выдавать плавку на час-полтора раньше. Этот случай поразил многих, даже самых опытных мастеров-литейщиков, хорошо знающих цену труда вагранщика. Когда Марии вручали орден на заводском митинге, она поднялась на трибуну и взволнованно сказала: "Родные мои земляки, заводчане, я со жгучей ненавистью отношусь к фашизму за проливаемую кровь моих соотечественников. Сколько горя принесли эти мерзавцы на мою землю! Вот почему сегодня, чтобы ускорить час изгнания варваров со святой русской земли, я сменила несостоявшуюся по этой причине профессию учителя на вагранщика, чтобы дать больше хорошего металла для военной продукции, крайне необходимую фронту. И ради этого не пожалею ни сил, ни здоровья...".

Быть может, по прошествии времени это звучит слишком категорично и жестоко по отношению к себе, но в жизни так оно и получилось. Мария, будучи замужем, даже не использовала декретный отпуск. Схватки начались на работе. Ее проводили в родительский дом, где она родила сына. Роды приняла мать. Это случилось в самом начале 1945 года. Сына назвали Колей. Когда он вырос - стал, как и его мать, литейщиком. Но, к сожалению, Мария Павловна об этом уже не узнала. 19 октября 1950 года у пятилетнего Коли мамы не стало. Сильная и смелая, она готова была в любую минуту к самопожертвованию и подвигу. И это воплотилось в ее трудовом подвиге на заводе.

"Старые литейщики, - писала заводская многотиражка, - хорошо помнят Машу Китаеву. Мимо такой нельзя пройти не заметив: и лицом, и статью она походила на тех русских женщин, о которых так писал Некрасов: "Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет". Но, к сожалению, себя укротить Мария не смогла - рано сгорела молодая, сильная натура".

В "стометровке" (так прозвали литейку за его крайне малую площадь) круглые сутки копошилось множество людей. Не выходя на улицу, трудно было угадать, какое время суток за стенами литейки - здесь царил вечный

полумрак. "Помещение было с низким потолком, совсем неподходящим для литейного производства, - писал, в своих воспоминаниях Г. Иващенко, - оно было разбито на отделения, у которых, как правило, не существовало никаких четко очерченных границ". Каждая группа людей выполняла определенную, присущую только ей работу. В одном углу стояла домашняя печь с плитой. На ней сушили песок и глину. В другом находилась земледелка. Вдоль стены проходил конвейер для формовки и заливки. Рядом чадили густым смрадом почерневшие от копоти печи, из которых то и дело извлекали просушенные стержни. В этот момент каждый стремился быть ближе к земле, или подальше от сушилок, ибо удушливый смрад не давал дышать. Вся литейка представляла собой жупел, наводящий панический ужас на окружающих его людей. Мощная же фигура Марии-вагранщицы, женщины-богатыря, разливающей словно чай расплавленный металл, от которого не только чадило, но и нестерпимо обжигало лицо, одухотворяла своими проворными движениями всех присутствующих. Металл тут же заливали в формы, отчего запах горелой земли расплзался по всем углам литейки.

В литейке широко использовали графит для смазки стержней, чтобы получить чистую поверхность заготовки. Для корпусов мин это было важно. Женщины, как принято в Сибири, нередко вытирали руки об юбку. Материал лоснился. Как-то в беседе со мной Мария Будюкина рассказала об одном курьезном случае. Шла она как-то домой с ночной смены, и ее обогнала крестьянская повозка. Селяне, вероятно, ехали на рынок. Слышит - женщина кричит: "Иван, смотри, чудо-то какое, городские бабы хромовые юбки носят". Иван что-то промычал в ответ, но Мария не поняла, однако женщина еще долго ему что-то растолковывала и просила посмотреть, нет ли их в продаже. Носили в то время девушки не только "хромовые" юбки, но и сабо.

С наступлением ночи к маленьким проемам в стене, которые служили окнами литейки (летом на них ни одного стекла, так как с наступлением тепла их просто выбивали, а зимой вместо стекол прибивали доски, ибо стеклить было нечем), подходил баянист Леня Нагорнов и выдавал русскую с

переборами. Услышав баян, девушки и женщины, как ошалевшие, бросив все, выскакивали на улицу, тут же пускались в пляс, кто босой, кто в потрепанных тапках, поднимая пыль и подпевая частушки-хохотушки, задавали трепака. А у кого на ногах сабо - на железный лист, что лежит под окном. Вот тут-то деревянные подошвы стучали как молотки, вбивающие в дубовую доску крупные гвозди. Пять минут - и веселье смолкало. Все по местам. На душе становилось легче, и работа клеилась лучше. На одной из встреч в заводском музее женщины-ветераны литейного цеха, вспоминая те далекие годы, говорили, как ни странно, об огромном значении песни. Она была для них и помощником, и спутником. И в этой связи вспоминали стерженщицу Анну Величко. Она слыла певуньей. В коллективе хорошо пели многие женщины. Но вот голос Анны Тарасовны был каким-то особенным: мягким, вкрадчивым и западал в душу, согревал ее. "Соберемся, бывало, у печурки на скупой обед, - вспоминали женщины, - наскоро перекусим и к Анне с просьбой: спой что-нибудь, Аннушка, дай голосу волю, а душе простор! А как запоем Анна свою любимую "За окном черемуха колышется", и не заметишь, как душа от тела отделяется, уходит в даль, да синь бездонную, а обмякшее от натуги тело начинает пружинить - силу набирает. В такие минуты легко становится на сердце. Люди вокруг еще милее и добрее становятся. Смотришь в их лица, и чертовски хочется всех обнять и расцеловать. Как же хорошо, что они такие милые рядом...".

Шел 1945-й. Приближалась долгожданная Победа. Менялось настроение людей. И хотя проблем и производственных, и бытовых не уменьшалось, а напротив, возникали новые и сложные, люди как-то втянулись в беспросветную нужду. Радость предстоящей победной весны, все возрастающего наплыва демобилизованных уводила в сторону печаль и притупляла чувство забот. Люди уже привыкли к многочисленным заводским гудкам и не замечали хода времени. А их, действительно, было много. С семи часов тридцати минут утра и до трех часов ночи гудок подавался двенадцать раз без учета того, что они были разной продолжительности: один длинный,

либо два коротких. Ветераны рассказывают, что не только люди, но и лошади, особенно те, что работали продолжительное время на территории завода в качестве основной тягловой силы на перевозке деталей и прочих грузов между цехами, знали гудки, зовущие на работу, но особенно четко реагировали на гудки, извещающие о конце смены или о начале обеденного перерыва. Где бы ни шла в этот момент лошадь, впряженная в опостылевшую телегу, тут же останавливалась. И все попытки заставить ее сделать хотя бы шаг - безрезультатны. Лошадь не двигалась с места, а то и просто припадала к земле. Животные не выдерживали. В приказе директора завода от 31 января 1943 года говорится: в связи с халатным отношением к делу в транспортном цехе за последние полтора месяца пало 15 лошадей из-за переутомления. Директор приказывает с 1 февраля 1943 года не выпускать на работу 10-15 процентов лошадей от числа ходовых, находящихся в утомленном состоянии, нуждающихся в дополнительном отдыхе. Животные не выдерживали! А люди...

День Победы стал днем безудержного ликования, душевного порыва, неудержимого напора чувств радости и восторга. Люди сначала плакали, а потом смеялись и пели, и плясали тут же, обнимали друг друга. Этот день был объявлен нерабочим. Он выдался для рубцовчан теплым и солнечным. Все - и дети, и взрослые, и уже почти отвыкшие передвигаться старухи - вышли на улицу. Наш маленький городок с его подслеповатыми мазанками и бараками ожил, расцвел всеми цветами сохранившихся, видно, только для этого дня одежд, в которые успели нарядиться женщины и дети. К пестрому наряду людей прибавились флаги, зеленые ветки и огромное количество комнатных цветов, где герань занимала главное место, выставленных тут же, у жилых домов, по случаю праздника. Все это выглядело необыкновенно эффектно и пестро, празднично. Все, что вчера казалось серым и неуютным, скрылось под огромным разноцветным живым покрывалом. Из выставленных в окна динамиков разносились мелодии, помогавшие людям выжить, повсюду стрекотали гармони, где-то верещал патефон. К исходу дня праздник переместился

в городской и железнодорожный парки. Здесь инициативу перехватили духовые оркестры. И хотя парки еще не были готовы к летнему сезону, люди шли в них нескончаемым потоком. До глубокой ночи ликовал и веселился народ. А утро следующего дня было рабочим. И хотя еще предстояли военные действия на востоке, победа как бы провела грань между окончившимся военным и мирным временем. Для коллектива завода это было однозначно - завод прекращал производство военной продукции, хотя в планах на 1945 год еще значились квартальные задания по ее производству, и переходил на выпуск только мирной продукции. За три года (май 1942 -1945) завод поставил около полутора миллионов корпусов мин и сотни тысяч саперных лопаток. Одновременно он изготавливал и поставлял в освобождаемые от фашистов районы конные плуги. Их было отправлено свыше 140 тысяч. За успехи в производстве продукции для фронта группа работников завода награждена орденами и медалями СССР.

Не хлебом единым

1945 год - год Победы, год отсчета нового времени, начало которому восстановление, переоценка своих возможностей, выбор новых ориентиров, глубоких раздумий над собственной судьбой. Нужда продолжает крепко держать каждого из нас - она не хочет отпускать из своих объятий и еще долго будет преследовать, напоминая о себе. Но она уже не способна причинить нестерпимую боль. Вера в будущее берет верх, и стремление к лучшему придает новые силы. Завод, с которым ты успел связать свою судьбу, обретает новые очертания, он набирает мощь, растет вширь и ввысь. Здесь формируется и проходит нелегкие испытания трудовой коллектив со своим характером и укладом. Пока что сделаны только первые трудные шаги начинающего ходить младенца. Не успевший окрепнуть, изрядно измотанный горькой судьбой организм обретает самостоятельность. Само время торопит делать это, ибо те, кто вдохнул в него жизнь, уходят, возвращаются в свой родной дом, на землю, где родились и выросли. Нет, они не убегали в 1941, не убегают и сейчас. Они

исполняли волю, продиктованную временем. И сделали это честно. Весь пламень души, богатый жизненный и производственный опыт, человеческую мудрость они отдали нам, стоящим на миг первых встреч на порядок ниже. Высококвалифицированные рабочие, технически грамотные специалисты, организаторы производства - все они, умудренные жизненным опытом, сыграли исключительную роль в зарождении и формировании собственного костяка, крепкого рабочего ядра из молодых хорошо подготовленных местных кадров. Эвакуированных в Рубцовке было немало. Но "Алтайсельмаш" обязан всем своим существованием, прежде всего, одесситам.

Это они возродили и поставили на ноги прообраз своего старейшего предприятия ЗОР – здесь, в сибирской глубинке. Поначалу одесситы считали, что они едут подальше от пламени войны, чтобы развернуть в тылу свой завод из того, что удалось прихватить в Одессе, использовать скудный скарб, привезенный с собой, и с помощью местного населения, привлеченного к работе, организовать производство боеприпасов, обеспечивая фронт оружием, содействуя тем самым скорейшей победе, и вернуться вместе с временно развернутым производством и оборудованием на прежнее место. Они и не допускали мысли о том, что их ЗОР, освежаемый ласковым морским прибоем, прирожденный одессит, может оказаться в ковыльной, безбрежной сибирской степи полной загадок и природных катаклизмов. Подтверждением тому служит тот факт, что в течение полутора лет со дня высадки первого одесского десанта на студеную сибирскую землю завод во всех официальных документах значился как ЗОР. Об "Алтайсельмаше" заговорили значительно позже, и то своим большинством местные аборигены втиснули в рубцовский лексикон это слово. Это говорит о большой любви к своему предприятию, привязанности людей к заводу, который вырастил их и дал путевку в жизнь, коллектив, с судьбой которого сплелась личная судьба каждого.

Одесситы прибывали небольшими партиями в несколько этапов. Первопроходцы появились в пору затухающей осени, когда в меру прохладные ночи нередко сменялись солнечными теплыми днями. Не

успевший оскудеть рубцовский рынок подкупал своим богатством гостей. Здесь пока еще по сносным ценам можно было купить картофель, овощи, мясо, птицу, соленые грузди - все то, что привозили сюда с крестьянского подворья рубцовских окраин и деревень. Рубцовка была тесно связана с Казахстаном и Средней Азией, а потому на ее рынок регулярно поставлялись алма-атинские яблоки, ташкентские дыни и семипалатинские арбузы. И одежда, и предметы быта, манера поведения прибывших подкупали местного обывателя. "Кума, говорят-то они как-то чудно", - нередко можно было услышать рассказы о своих квартирантах от хозяйки дома. А если кому-то из эвакуированных доводилось прихватить с собой радиоприемник, то здесь уж появлялась черная зависть соседки и желание занять себе такого постояльца. В общей сложности из Одессы рабочих и специалистов, членов их семей прибыло около 200 человек. 10 апреля 1944 года Одесса была освобождена. С этого момента начался активный отток одесситов, который продолжался до 1946 года.

Абсолютное большинство вернулось в родной город, а незначительная часть прибывших в Рубцовск либо осела здесь навсегда, либо, в силу самых различных обстоятельств, выехала в Ангарск, Барнаул, Ростов, Челябинск, города Прибалтийских республик. Оставшиеся одесситы в Рубцовске женились, а кое-кто увез полюбившихся сибирячек в Одессу.

И как не вспомнить тех, кто нас брал за руку, подводил к станку и говорил: "Вот твое рабочее место, Нюра, Петя, Саша". А потом долго и заботливо опекал, подсказывал, учил, строгостью и лаской наставлял на путь истинный - вводил в самостоятельную жизнь, открывал дверь в завтра. И страх перед невиданными ранее машинами, и ребячий азарт, и стремление быть похожим на своего учителя - все перемешалось, перепуталось и вылилось в одно желание - устоять, не подвести, сделать так, как велел мастер. А ведь было все: и слезы, и радость. Вспомнишь теперь - и смешно, и горестно. А ведь жизнь прошла. И наполнена она была огнем труда, неутомимого, безудержного стремления работать и жить. И этот огонь, однажды зажженный

первым учителем-наставником, не гас. Каждый из нас пронес его бережно через всю свою жизнь.

Андрей Иванович Сигида вспоминал, что в первых, наскоро приспособленных цехах, было очень холодно. Он был одет в старую, не по размерам фуфайку. Однажды небрежное движение привело к тому, что станок, прихватив обвисший рукав фуфайки и намотав его на шпиндель, резко рванул. В мгновение ока Андрей Иванович успел уцепиться рукой за станину, а станок успел тем временем его ловко раздеть. А тут как из-под земли - начальник цеха. Он все оценил и понял с ходу. "Выдал" пострадавшему за грубейшее нарушение ТБ, достал блокнот, черкнул что-то, вырвал листок, сунул его в обнаженную руку и строго сказал: "Зайди к Доре" и ушел. Людей было на заводе мало, все друг друга хорошо знали. Вот где воистину паспорта были не нужны. Одно имя говорило обо всем: кто это, где и кем работает. Прибрел Андрей Иванович понурый к Доре, посидел у нее десять минут, пока она сбегала на склад, и вышел в новой маленькой шубенке, которую в своей, еще короткой жизни, одел первый раз. Долго тогда Андрей Иванович не мог глянуть в глаза своему начальнику, который ни разу после того не упрекнул его ни одним словом.

Удивительный был человек Виктор Михайлович Майблум. В нем сочеталось все: и доброта, и строгость, и глубокие знания, и простота в общении. Молодые рабочие очень уважительно относились к нему. Его задание, сказанное им слово для всех - закон. Был он стройным, высоким, всегда подтянут. Носил фуражку постоянно. Это явление было очень распространенным не только среди приезжих, но и сибиряков. Мальчишки по фуражке нередко определяли характер и намерения ее хозяина. Перед сменой или в обед они усаживались кружком за наскоро сбитым столом прямо на участке. Нередко к ним присаживался Виктор Михайлович. Справлялся о здоровье, настроении, как бы между прочим напоминал о сиюминутных задачах. И если снимал при этом фуражку и бережно клал ее на стол, означало,

что беседа проходит в нужном для него русле, его понимают и сегодня, можно быть уверенным, не подведут.

Об одной своей беседе с Виктором Михайловичем вспоминала при встрече со мной ветеран труда А. Першина. Ее беседа с В. М. Майблюмом проходила у него в кабинете. Вдруг зазвонил телефон, Виктор Михайлович снял трубку. Выслушав собеседника, он сказал: "Подошлите его ко мне сейчас же". Положил трубку, и они продолжили разговор. Через несколько минут в кабинет вошел молодой паренек. Виктор Михайлович велел парню подойти к столу. Это был слесарь участка штампов, его Виктор Михайлович просил остаться во вторую смену, чтобы доделать начатый им штамп, весьма нужный для запуска новой детали. Паренек внимательно выслушал, о чем говорил начальник цеха, и, глядя ему в глаза, тихо сказал: "Я очень хочу есть!" Виктор Михайлович встал, открыл шкафчик и подал юноше небольшой кусочек черного хлеба. "Все, что могу дать, - сказал он, - перекуси, и очень прошу, сделай штамп". Назавтра из приказа по цеху все узнали, что слесарь задание выполнил.

Добрую память о себе оставил Александр Каземирович Одэ. Он был мастером, начальником инструментального цеха, секретарем парткома. Принимал активное участие в строительстве и становлении завода. В 1946 году вернулся в Одессу. Работал начальником инструментального цеха на ЗОРе.

Анна Никаноровна приехала в Рубцовск чуть позже. Начала с ученика токаря, потом стала наладчиком, а там и мастером участка. Она очень любила детей, и вокруг нее образовалась большая группа подростков, помогала им осваивать профессии. Она вспоминала, что дети были слишком маленькие, щуплые и плохо одеты, им все время хотелось спать и есть. До станков не доставали, а потому становились на ящики. Многие плакали. Старшие их жалели, давали возможность немного прикорнуть, но так, чтобы никто из начальства не видел, ибо за этим обязательно последовало бы строгое наказание, а главное, изъяли бы из дневной пайки 100 граммов хлеба. Анна

Никаноровна стала для них и сестрой, и матерью, звали они ее "Анкой". Подойдет, бывало, юнец и скажет: "Анка, а у меня сняли 100 граммов хлеба", а сам плачет. Идет она к начальнику цеха и доказывает, что он неправ, отнимает самое дорогое для ребенка - хлеб. Ее начальник поправляет: закон и порядок таков, их надо уважать. А она ему свое. Закон законом, а дети не должны голодать. Словом, дело заходило порой далеко. Но начальник сдавался, возвращал отнятые 100 граммов. И так повторялось несколько раз. А кончилось совсем неожиданным поворотом. Два, казалось, непримиримых человека открылись друг другу с новой стороны - они поженились. Так Анна Никаноровна стала женой Александра Каземировича Одэ.

Михаил Борисович Шмарц прибыл в Рубцовск в ноябре 1941 года. Работал такелажником, а когда все оборудование расставили, был назначен техноруком в цех № 1. Кстати, на начальном этапе строительства почти все мужчины работали в качестве такелажников. Подъемных и транспортных средств не было, вот вручную, под "дубинушку ухнем", устанавливали оборудование под крышу. Работал заместителем начальника ремонтно-механического, кузнечно-прессового, а последнее время заместителем главного механика завода. В декабре 1946 года вернулся на ЗОР.

Одессит Станислав Иванович Войтецкий - слесарь восьмого разряда. Это считалось верхним пределом мастерства рабочего, такую работу относили к разряду ювелирной. Станислав Иванович имел своих учеников. Среди них Вася Горбулинский отличался повышенным интересом и стремлением к знаниям, к мастерству. Правда, поначалу он какое-то время выполнял роль возчика хлеба из пекарни на завод. Он видел, с каким нетерпением его ждали люди. Да это и понятно: хлеб в добрые-то времена составлял основу питания, а в ту пору он просто был незаменимым средством к существованию. Вася гордился своей полезностью людям. В нем уже в ту пору раннего и сложного детства зарождалось благородное чувство быть полезным людям и приносить им посильную помощь. Пройдут годы, и опыт одесского мастера Войтецкого, переданный Васе Горбулинскому, сыграет весьма важную роль в жизни его

ученика. Василий Иванович оказался самым результативным рационализатором и изобретателем на заводе. На его счету 150 рацпредложений и изобретений. Большинство из них подтверждено авторскими свидетельствами и внедрено в производство.

Заводская многотиражка "Алтайский машиностроитель", архивные документы, письма ветеранов, личная переписка с кадровыми рабочими, ныне живущими в силу различных обстоятельств в городах Европы и Сибири, доносят до нынешнего поколения алтайских плугарей много интересных фактов из трудовых биографий этих людей.

Десятки лет в технической библиотеке завода отработала одесситка Белла Абрамовна Вундер. Многим помогала она в стремлении овладеть техническими знаниями. А разве небезынтересны факты былого, когда на заводе в самые трудные годы становления особенно ощущалось влияние интеллигенции на создание творческого климата в коллективе. Ну, скажем, в годы войны, когда ни условий, ни времени не было для любой инициативы или желания сделать что-то оригинальное, чтобы как-то облегчить тяжесть военного груза, именно одесситы организовали кружок по изучению английского языка. По утверждению дочери Михаила Давыдовича Тернопольского - заводского бухгалтера, в их доме по вечерам собиралась интеллигенция завода, ведь ее отец был прекрасным собеседником. Он много читал, а потому знал немало интересных вещей. Нередко использовали на встрече семейный патефон с большим числом пластинок.

Ну, кажется, пришел черед рассказать о первом директоре строящегося завода - Рыбине Василии Ивановиче.

В тридцать два года он стал директором Одесского завода имени Октябрьской революции. До этого времени он тринадцать лет отработал на "Ростсельмаше". Там он был одним из первых, кто сначала строил, а затем работал на этом заводе по выбранной для себя специальности. Василий еще и учился в Ростовском машиностроительном институте. По окончании вуза работал конструктором, затем начальником отдела, начальником цеха.

Производственный опыт позволил ему занять место заместителя главного инженера завода. Он отличался трудолюбием, хорошими организаторскими способностями, что открывало для него возможность профессионального роста. Так, в 1939 году наркомат направляет Василия Ивановича на работу в Одессу в качестве директора завода имени Октябрьской революции. Через полтора года - война, новые, более трудные испытания выпали на долю молодого директора. Он не только принимает непосредственное участие в эвакуации большей части завода, но и в обороне Одессы, за что был высоко оценен правительством. Покидает завод, как и подобает капитану корабля, - последним. Единственный, менее опасный способ уйти от огня и преследования врага - подводная лодка, а там санитарный эшелон. Словом, все средства хороши при достижении цели - надо быть там, где спешно разворачивался завод и готовился к производству нужных для фронта боеприпасов. Но прежде надо разыскать людей - специалистов, хорошо знающих технологию данного производства. Судьба разбросала их по разным городам. Это и Урал, и Средняя Азия. То же самое происходило с оборудованием, поиск которого отнял много времени, сил и без того нищего предприятия, поднимающегося на ноги в невероятных условиях нищеты, бездорожья, скудности материальной базы и прочих неурядиц.

Надо отдать должное Василию Ивановичу, он очень продуманно осуществлял направления эшелонов с людьми и оборудованием на новое место. Он максимально использовал возможность продолжить производство на месте. Посылая очередной эшелон, он ставил конкретную задачу: сначала ехали энергетики и специалисты-монтажники, инструментальщики, которые в первую очередь решали вопрос энергии, воды и ремонтной, инструментальной базы. Без чего любое начало - нереально. Вторыми ехали литейщики - те, кто умеет плавить металл, делать формы, приготавливать смеси, чистить литье. И третий эшелон с механическим, кузнечно-прессовым и другим технологическим оборудованием и оснасткой для производства готовых деталей. Все этапы сопровождали соответствующие службы, конторы,

которым отводилась роль организовать, добыть, привезти, отгрузить и т. д. Именно такая организация позволила в кратчайший срок начать производство боеприпасов. С позиции сегодняшнего дня, при такой расхлябанности и безответственности и, несмотря на наличие большинства из необходимого для начала любого дела, мы не смогли бы так скоро организовать, как это удалось в невероятных условиях людям 40-х годов в экстремальной ситуации.

Василий Иванович отдал все свои силы и знания заводу. Уже на исходе войны и после ее окончания он вошел в конфликт с партийными органами, которые все активнее вмешивались в дела предприятия, пытались отвлекать материальные и людские ресурсы на работы, не связанные с деятельностью завода. Даже в годовых отчетах завода значились заказы городского, краевого комитетов партии. Но ведь они не обеспечивались никакими ресурсами: ни людскими, ни финансовыми, ни материальными, а были направлены на их безвозвратное невосполнимое растраниживание. С другой стороны, не оказывали должной помощи предприятию в решении жилищной и социальной проблем, которые все дальше заходили в тупик. Последовал приказ министра сельхозмашиностроения Петра Николаевича Горемыкина об освобождении тов. Рыбина от работы директора завода "Алтайсельмаш" как не справившегося с этой должностью. Василий Иванович уезжает в Ростов. Он продолжает трудиться на "Ростсельмаше". Два года он работает начальником производства, умело организуя завершение восстановительных работ. Его богатый опыт и глубокие знания производства помогли делу. В 1949 году В. И. Рыбин назначается директором "Ростсельмаша" - в особенно трудный для производства период, когда от возрожденного завода ждали много сельхозтехники. В этом году предстояло увеличить производство сельхозмашин на 70 процентов, ввести в строй цех комбайнов, освоить производство новых копнителеей, другой техники. И не без участия Василия Ивановича возвращается к заводу-гиганту страны былая слава: идет активное освоение новой техники, технологии, принимают новый размах стахановские методы труда, рождаются новые почины. Но здоровье В. И. Рыбина было

подорвано невероятными трудностями военных лет, передрягами кабинетных интриг. Местные врачи были бессильны. Бессильными оказались и врачи кремлевской больницы. Память об этом человеке хранят ветераны трех крупных заводов Ростова, Одессы и Рубцовска.

Узы дружбы, сложившиеся в те годы между этими заводами, все больше обретали эпизодические связи, становились казенными, формальными и наконец почти угасли. А память тех лет не тускнеет. Одесситы, а в их числе Василий Иванович Рыбин, Лев Яковлевич Каганэ и десятки, сотни других, остались в памяти алтайсельмашевцев навсегда. Те, кто вернулся в свой родной город, на свой завод, пока что лежащие в руинах, но уверенно встающие из пепла и расправляющие свои могучие крылья над бесконечной далью морского прибоя, выполнив свой гражданский долг, могут сказать:

"Да, мы помогли создать на голом месте новый завод, передать свои знания и опыт сотням молодых людей, пришедших на стройку из степных и горных глубин Алтая и рубцовских окраин, подготовить кадры для дальнейшего развития и наращивания мощи этого предприятия". На всю оставшуюся жизнь сохраняют они в памяти Сибирь с ее стужей и непролазной грязью, убожеством жилых и производственных построек, совершенно неустроенным бытом людей. Как кошмарный сон будет вспоминаться литейка, напоминающая ад, где человек должен был трудиться 12-14 часов в сутки. Они выполнили свой долг перед временем, перед смертельной опасностью, нависшей над каждым и всеми, - выстоять и одолеть. Но теплом в душе отзовется память о людях, живущих в этом суровом крае, которые отдавали себя без остатка работе и были способны выносить все невзгоды на своих плечах, делиться и без того малым кусочком хлеба, углом своего скудного жилища, человеческим теплом и вниманием. Спустя годы и мы с упоением вспоминаем о тех, кто оказался рядом в трудный час, принес и оставил нам зерна культуры, знаний, опыта, умения наполнять жизнь новым содержанием, шире и глубже видеть и понимать мир. Когда умолкли пушки, и мир, звенящий тишиной, пришел на нашу землю, надо было спешно

восстанавливать разрушенные города и заводы. Теперь уже на помощь одесситам пришли рубцовчане - вчерашние мальчишки рубцовских окраин, ученики, ставшие взрослыми и опытными специалистами и рабочими, пришли на помощь к своим учителям и наставникам.

Из книги Климентия Романовича Севастьянова «Алтайские плугари»

Война перевернула жизнь каждой советской семьи. Семья Ратгаузских испытала ужасы войны с первого ее дня. Зимой 1942 года они прибыли в Рубцовск из Одессы вместе с эвакуированным заводом имени Октябрьской революции.

«Глава семьи Роберт - экономист. Накануне войны они были откомандированы во Львов, где планировалось сооружение оборонного объекта в районе государственной границы. Но вскоре началась война, начались и приключения семьи. С трудом через Киев перебрались в Одессу, где и жили ранее, а оттуда через Челябинск - в Рубцовск. Жена Р. Ратгаузского - Наталья Ипполитовна - референт Одесского сельскохозяйственного института, депутат райсовета, активная общественница, мать двух взрослых детей: Олега и Татьяны. Она родилась в Киеве, в семье железнодорожника плановика-экономиста Данилова, образованного и талантливого человека - представителя делового мира. Он писал стихи и сотрудничал в газете "Жизнь и искусство", оставил уникальные воспоминания "Театральный Киев 90-х годов". Наталья Ипполитовна училась в университете и одновременно посещала открытую Ильей Эренбургом "Мастерскую художественного слова" и тоже увлеклась поэзией. Здесь был издан (самиздатом) небольшой сборник ее стихов с предисловием Ильи Эренбурга. Все это было в Киеве, а затем семья переехала в Одессу, где Наталья Ипполитовна завершила учебу, не прерывая литературные занятия. Ее сын Олег также был увлечен поэзией и даже, будучи полковником в отставке, не прерывал это занятие.

В кругу семьи никогда не было скучно, а там, где кто-то из Ратгаузских присутствовал в качестве гостя, это тоже доставляло много приятных минут для хозяев или группы людей, тяготеющих к познанию и общению. Естественно, что такие сходки были весьма полезны для каждого из их участников. Словом, не угасал огонь познаний, сохранялся интеллектуальный уровень, не растворяясь в скудном бытовом месиве, порожденным тяжелым временем жизни, быта, намывом абсолютного большинства, не испытывающего на данном этапе тяги к высокой культуре. Кто успел прикоснуться к этому огоньку надежд хоть раз, сохранял в своей жизни вечную память его тепла и света.

Трагически окончилась судьба семьи Ратгаузских. Глава семьи - Роберт - скончался в расцвете сил в Рубцовске и был похоронен на одном из сельских кладбищ, где память об усопших, к сожалению, традиционно коротка и попытка найти могилу умершего три-четыре десятка лет тому назад практически невозможна, тем более при отсутствии родных. Сын Олег умер в Одессе тоже в расцвете сил. Татьяну судьба забросила на Урал. Наталья Ипполитовна в 65 лет потеряла зрение. Но продолжала писать. А теперь уже только место захоронения с сохранившейся надгробной надписью да ряд публикаций, в том числе очерк "От западной границы до Рубцовска" (записки матери и жены), остались в память об этой замечательной женщине, на плечах которой, как и большинства ее соотечественниц, лежала печать минувших суматошных лет».

Из книги «Говорят живые и мертвые: солдатские дневники, письма и воспоминания» - Барнаул, 1985 г.

От западной границы до Рубцовска

В середине октября всех одесситов, работавших на заводе, а их кроме нашей партии было еще много, взволновало известие, что на станции стоит эшелон одесского завода имени Октябрьской революции. Многие, в том числе

и Роберт, отправились на вокзал и действительно побывали в этом эшелоне. Он шел из Ростова, вез оборудование, ИТР и рабочих, эвакуированных из Одессы в июле. Это была группа во главе с инженером Рутгайзером, которая направлялась в Рубцовск Алтайского края с заданием в наикратчайший срок построить завод и начать давать оборонную продукцию. Из ехавших я знала одного Серебряного и его семью, остальные фамилии мне ничего не говорили. Было известно, что остававшиеся в Одессе до последней минуты директор В. И. Рыбин и главный инженер Л. Я. Каганэ спаслись на подводной лодке и сейчас где-то в пути. Семьи их были в эшелоне.

Мы все откровенно завидовали обитателям этого эшелона, которые едут на Алтай строить свой, одесский завод. Посланный вперед ходок сообщал, что там много картошки и молока, а по карточкам дают белый хлеб. Для нас, уже порядком изголодавшихся в Челябинске, это было просто сказкой. Рутгайзер заверял, что они всех туда соберут, надо только развернуть работу.

В середине января из Наркомата пришло письмо, в котором говорилось, что в городе Рубцовске Алтайского края начал работать завод Октябрьской революции, эвакуированный из Одессы, и все ИТР, рабочие и служащие, работавшие на этом заводе в Одессе до начала войны, откомандировываются в Рубцовск — с их согласия.

Второго февраля Роберта, а с ним и меня, откомандировали в Рубцовск.хлопот с увольнением и билетами было много, но вот все закончено. Роберт приносит четыре жестких плацкартных билета. Оказывается, за Уралом поезда ходят по расписанию, билеты продаются нормально. Таких удобств мы никак не ожидали.

Вагон чистый. У нас четыре места в одном купе. Едем в Сибирь. За окном бескрайние просторы. Снег, снег, снег. В вагоне тепло. Даже не верится, что теперь можно путешествовать с такими удобствами. Вспоминаем нашу погрузку в Поворино, нары, вагон в мелу, который мы отмывали с таким удовольствием.

Навстречу тянутся длинные товарные составы. Это Сибирь дает все необходимое фронту. Какое счастье, что так необозримо велики просторы нашей великой Родины. Великая страна дала великий, достойный своей Родины, народ, который готов ко всему и все может пережить. Такие мысли невольно приходят, когда видишь величие своей страны, и нет места неверию, пессимизму, хотя пока еще не удастся остановить гитлеровские полчища и много, очень много наших людей томится под пятой захватчиков.

В Новосибирск прибыли точно по расписанию. Как жаль, что этот вагон не может довезти нас до места нашей новой жизни и работы. Высаживаемся на платформу и, пройдя через тоннель, попадаем на вокзал. Вокзал в Новосибирске огромный, новый, по конструкции напоминает киевский, только гораздо больше. Новосибирск нас встретил морозом в пятьдесят два градуса, и сразу рухнули планы пойти посмотреть город. Сквозь огромные окна была видна привокзальная площадь, белые пушистые деревья и провода, натянутые, как толстые белые канаты, а над всем этим голубоватый морозный туман.

Против ожидания, от Новосибирска до Рубцовки было езды всего одни сутки. Назавтра, девятого февраля, мы у цели.

В Рубцовске

Пыхтя и укрывая маленькое станционное здание белым облаком пара, поезд Новосибирск—Алма-Ата медленно отошел от станции Рубцовка. Высадились мы одни. Вечерело. Небо на западе было багрово-красным. Я подумала: «Быть завтра ветру». Мороз был большой. У нас у всех выросли белые бороды и ресницы стали пушистыми. Надо было уйти в помещение, холод начал основательно пробираться.

Снег скрипел. Так много снега я еще никогда не видела. Пока муж из кабинета начальника станции звонил на завод, мы сели на деревянный диван в единственном зале этого вокзала. Тут же было несколько девушек с

корзинками, из которых торчали пустые бутылки из-под молока. Это они выносили молоко к поезду. Я спросила:

— Скажите, девушки, базар у вас здесь есть? — и получила утвердительный ответ.

— А что есть на базаре? — спрашивала я дальше. Тогда мои собеседницы заговорили все сразу. Оказалось, что на базаре есть все, что хочешь.

— А фрукты у вас здесь есть? — спросила мама.

— Есть, — сказала одна из девушек и перечислила: — Морковка, огурцы, помидоры из сад-города.

Мы невольно улыбнулись, это нас вполне устраивало. Впоследствии оказалось, что в сад-городе, так называлась небольшая часть Рубцовска, были действительно настоящие фрукты, но мало доступные для нас.

Роберт сообщил, что за нами пришлют сани. Ждать пришлось довольно долго. До завода от вокзала расстояние было порядочное. Мы этого не знали, и нам казалось, что нас забыли.

Стемнело. Вдруг на вокзале появился человек в тулупе, валенках и огромных рукавицах. Это за нами. Усаживаемся на широкие розвальни, скрипят полозья, и две мохнатые от белого инея лошадки быстро везут нас по чудесной санной дороге. Едем по довольно широкой улице, эта улица Карла Маркса, главная улица города Рубцовска. Дома все одноэтажные, большей частью рубленые.

Комната для приезжих была большая. На белом строганом столе стояла маленькая керосиновая лампа. По стенам — три застеленные кровати. Печь топилась, было тепло.

Не успели мы снять с себя холодную одежду, как у дома заскрипели сани. Приехали начальник снабжения Каминский и его заместитель Фельдштейн. Встретили они нас очень хорошо.

Нас разбудил гудок завода, было восемь часов утра.

На завод шли гуськом по тропинке, протоптанной в снегу через степь. Солнце ярко светило на безоблачном небе, снег ослепительно блестел. Мороз был большой, даже трудно было дышать.

Придя на завод, мы отправились в плановый отдел, где работали товарищи мужа. Они встретили его, как близкого, родного человека. Для меня все, кроме Серебряного, были чужие. В комнате сидело очень много народу. Топилась печь, было тепло.

Потом Роберт повел нас в столовую. Здесь тоже все его знали, и он знал всех. Кассирша и подавальщица в столовой были одесситки. Хотя у нас не было еще никаких карточек, нас накормили и даже подали хлеб.

Рыбин и Каганэ уже были в Рубцовске и работали на своих местах. В коридоре заводоуправления висел написанный на листе ватмана приказ о награждении их за оборону Одессы орденом Боевого Красного Знамени. Они уехали из Одессы в тот день, когда в город вступили немцы.

Серебряный убеждал нас побыть у них, пока мы не найдем квартиры. Зная Веру, его жену, я согласилась на это предложение с удовольствием.

С Верой Семеновной мы были знакомы очень давно, и она искренне нам обрадовалась. У Серебряных было две комнатки — целый отдельный дом. Мальчики ходили в школу: Даня в 7-й и Витя в 9-й класс. С ними жил еще инженер-конструктор Бабаджан.

Вечер прошел чудесно. Впервые после Одессы мы были со своими близкими людьми. Каждому было что рассказать, чем поделиться, каждый прошел свой трудный путь по военным дорогам, пока попал сюда. Жутко было представить себе, как мы далеко от Одессы и что там сейчас. У Самуила Исааковича там остались родители, и он очень за них переживал.

На следующий день Роберт еще к работе не приступил, он хотел раньше устроить жилье. На заводе ему дали несколько адресов. Отдельных комнат уже не было. Наконец мы подыскали подходящую квартиру в Пионерском переулке. Это была маленькая саманная изба с плоской крышей. На улицу окон не было. Три маленьких окошечка выходили на огород, а одно во двор. В

избе была всего одна комната, разделенная русской печкой. В сенях лежал в углу уголь. Везде было чисто. Хозяин с первых дней войны был на фронте. Кроме хозяйки, которая работала санитаркой в вокзальном медпункте, был еще школьник — одиннадцатилетний Коля и трехлетняя Лида, посещавшая детсад. Хозяйка была приветливая, в избе чисто и уютно.

Роберт приступил к работе. Мне Рыбин предложил должность управделами завода.

Через неделю после приезда мы получили сразу два письма от Олега. Одно пересланное из Челябинска, а другое прямо из училища. Последнее было в стихах. Он учился, настроение было бодрое. Мы радовались каждой его строчке и по многу раз вслух и про себя перечитывали письма и складывали их по порядку в папку.

Тут в феврале мы впервые в жизни узнали, что такое буран, когда ветер, который сшибает с ног сильных мужчин, подымает снег и кружит его в разных направлениях. Целый день гудел завод и звонили в большой колокол. От строения до строения протягивали канаты. Одесситы боялись уходить с завода и там ночевали. Буран продолжался три, пять, а иногда семь дней. Роберт героически путешествовал в такую даль. Правда, через степь они всегда шли большой группой, держась за руки. В городке было идти уже легче. Я помню, когда мне тоже приходилось ходить в такую погоду в последующие годы. Иногда так захватывало дух, что приходилось стучаться в какую-нибудь избу и проситься погреться.

Снега в эту зиму было особенно много. Избы засыпаны до крыш. В переулках после бурана дорога напоминала американские горки. Утром, чтобы пойти на работу, приходилось себя откапывать.

— Ты представляешь себе, что эти массы снега должны растаять, сколько будет воды, — говорил Роберт, — мы в чем тогда будем ходить?

Его это все время волновало, а я старалась об этом не думать. Я целый день была очень занята. Приходила на работу вместе с Робертом. В заводоуправлении было тепло, можно было работать в одном платье. В

письменном столе у меня лежали туфли, которые я носила днем. Вечером начинали поступать сводки из цехов. Рыбин говорил с Москвой, после этого появлялись шифрованные телеграммы. Печатала машинистка, которая работала ночью. Мой рабочий день продолжался. Наконец, часа в два ночи начальство уезжало, а мне подавали сани, и я везла телеграммы на почту. Телеграфистка всегда говорила, что наш завод самый последний посетитель. Домой я попадала в три-четыре часа утра, а в восемь надо было вставать, чтобы не опоздать на работу.

Я работала с подъемом, была в курсе жизни завода, целый день, как белка в колесе. Ходили мы на работу с мужем вместе. Это было единственное время, когда мы могли поговорить, повспоминать, посоветоваться. Возвращаясь домой почти под утро, я заставала всех спящими. Открывала дверь мне всегда мама, и мы с ней беседовали обыкновенно минут пятнадцать-двадцать. Она ночью слушала сводку и рассказывала ее мне. Утешительного было мало. Страшила судьба близких, живших в Ленинграде.

Март заканчивался, и снег стал делаться серым и хрупким. С утра мы бодро шагали в своих громадных валенках по твердой застывшей дороге, а обратно Роберт уже проваливался чуть ли не до колен.

Начался разлив. Улицы превратились в широкие реки. Ходить было не в чем. Кроме валенок, были только полуботинки. Тут могли помочь лишь высокие резиновые сапоги или солдатские непромокаемые. Об этом нечего было и мечтать. Так и шли по «морю, яко по суху» в валенках, которые набухали водой и делались непомерно тяжелыми и холодными.

К концу апреля тропинки просохли и появилась зеленая травка. Особенно было зелено у заводской столовой, и все, выходя после обеда, наслаждались весенним солнцем, травкой и замечательным бездонным небом. Нигде я не видела такого высокого, такого необъятного неба, как над рубцовской степью.

Начались разговоры об огородах, о картошке. Надо было думать о предстоящей зиме. Надежда, что скоро будем в Одессе, растаяла, как алтайский снег. Сводки были далеко не утешительные.

Огород мы получили в двух местах: пять соток прямо против завода, а пять над Алеем.

Картошку садили все вчетвером. Нам для этого дали, как и всем, выходной день. Как радовался Роберт этому огороду, какие возлагал на него надежды. Посадили, кроме картошки, еще тыкву и фасоль. Мы еще с ним пололи этот огород, но собирали уже вдвоем с Таней. Шестнадцатого июня сорок второго года у него были парализованы правая сторона тела и речь.

На всю жизнь запомнилось мне погожее раннее утро шестнадцатого июня. В это утро у нас было очень хорошее настроение. Накануне получили бодрое письмо от Олега и письма от своих ленинградцев.

Мы шли под руку по чудесной степи под роскошным голубым шатром. Зашли полюбоваться на свой огород. Обнаружили, что появились росточки лука. Значит, в воскресенье едим салат. Роберт пустился философствовать, анализировать. Вывод был такой, что ни одна пара из наших одесситов не живет так дружно, как мы.

— Мы с тобой, как рыба с водой, — сказал он и поцеловал мне руку.

Ничто в это чудесное утро не предвещало несчастья. Мы вошли в заводууправление и разошлись по своим комнатам. Целый день мы не виделись. А ночью случилось непоправимое. Утренний разговор шестнадцатого июня оказался нашим последним. Теперь уже я одна отвечала за Таню, маму и за больного беспомощного мужа. Обстановка была самая тяжелая. Чужое место, чужие люди, ничего абсолютно нет.

Потом нашли близкие, душевные люди, и я нашла себя на заводе и, хоть было сильно тяжело, поддерживала свою семью и в сорок шестом году привезла в Одессу Таню и маму, но в первые дни я не то, что растерялась — испугалась, когда вдруг увидела себя со стороны. Расписаться в своем бессилии перед мамой и Таней, которые надеялись теперь только на меня, я не

имела права. Они и так были совершенно убиты горем. Надо было взять себя в руки, и я взяла.

Роберт всегда говорил, что с горем надо переночевать, и тогда оно становится домашним. Много ночей мне пришлось переночевать со своим горем, пока я его осознала и освоила. Много мне в этом помог заводской врач, одессит Евгений Львович Клистер. Он организовал консилиум с двумя врачами-невропатологами из находившегося в Рубцовске военного госпиталя, и они все трое дали мне понять, что положение безнадежное. Они вели разговор при мне во дворике у нашего дома. Роберт был без сознания. Они нарисовали картину будущего возможного облегчения, но выздоровления быть не могло. Я поняла, что муж погиб, и моя задача — дать возможность ему дожить остаток дней, сколько ему положено; должна вырастить Таню и дать ей образование; дожидаться Олега с фронта. Последнее было нужнее жизни.

Мне тогда было сорок три, а мужу сорок восемь лет.

Иногда мне было невыносимо тяжело, нужно было поплакать, и я уходила одна на огород и там плакала, сколько хотела.

Я по-прежнему очень много времени отдавала заводу. Муж лежал. Он не двигал правой рукой и ногой и не говорил. Его состояние улучшилось, он нас узнавал, улыбался какой-то растерянной, детской улыбкой. Хотелось верить, что он все понимает, как раньше, хотя Клистер уверял, что память потеряна, и доказывал это тем, что он не умеет читать и считать. Это действительно было так, но, повторяю, верить в это не хотелось, и мы обращались с ним как с прежним Робертом. Все ему рассказывали, всем делились, читали ему письма. Письма Олега он всегда брал у меня из рук и целовал. Значит, знал, чьи это письма.

У него было еще одно: он не хотел есть ничего такого, чего не ели мы, он, как всегда, любил всем делиться по справедливости, и если было мало чего-нибудь, то совсем не брал и успокаивался только тогда, когда я отдавала Тане.

Помню, как он радовался, когда я или Таня приходили домой, как целовал нам руки.

К концу лета меня перевели на другую работу — назначили экономистом цехов главного механика и главного энергетика. Так я перестала быть служащей, а стала ИТР, что прибавило мне на двести граммов хлеба в день и увеличило продуктовый паек. Продуктовые карточки, хоть редко, но отоваривались.

Время шло. Я уже привыкла бороться одна. Добилась того, что мне завод построил плиту с полугрубком, вырыли подполье для картошки.

Урожай был хороший. Мы собрали самый лучший урожай за все годы, что прожили в Рубцовске. Тыквы мы сняли по десять-двенадцать килограммов, и они еще долго лежали на плоской крыше нашей саманушки.

С октября Роберта перевели в первую группу инвалидов, дали ему пенсию двести сорок рублей и карточку на двести граммов хлеба. Мама получала столько же хлеба. Таня тоже. Я — восемьсот. Итого на четверых человек килограмм четыреста граммов. Картошка быстро таяла.

Запомнилась мне холодная декабрьская ночь. В этот день я с большим трудом привезла себе центнер угля, и мы на радостях докрасна раскалили плиту. В избе было тепло и парно. В чугуне кипела картошка, а в духовке на сковородке жарился зеленый кофе. Зашла хозяйка и сказала, что на полу в сенях нашли телеграмму для нас.

— Верно, телеграфист стучал, да бабушка не услышала, он и бросил в щель, — сказала она.

Телеграмма была от Олега из Ташкента. Он сообщал, что выпущен лейтенантом, едет в Тбилиси. Я не знала, радоваться мне или огорчаться. Сразу казалось, что от Тбилиси до фронта далеко, хотя немцы уже были на Кавказе. Скоро из Ташкента пришла бодрая открытка, из которой стало ясно, что он едет в действующую часть на Кавказский фронт.

Теперь уже я знала, что мальчик воюет.

С победой под Сталинградом и на нашей улице начались праздники. Сначала редкие, а потом все чаще и чаще, и настроение стало лучше.

Все наперебой читали «Правду», где описывалось, как через Красную площадь прошло пятьдесят, если не ошибаюсь, тысяч гитлеровцев, взятых в плен под Сталинградом. Впереди колонны шли Паулюс и все генералы. Гитлер объявил в Германии трехдневный траур. Это был второй провал хвастливой лжи Геббельса — ведь тот высчитал, в котором часу будет подан в Москве завтрак гитлеровцам в октябре сорок первого года, и сообщил по радио о падении Сталинграда.

Олег уже был ранен, лежал в госпиталях, но всегда в письмах темнил, писал, что был на отдыхе, в санатории, и правду, и то не всегда, я узнавала постфактум.

Роберт окреп, он начал садиться. Если бы не было так голодно, возможно, он бы начал вставать, но с питанием было очень туго.

На завод со всех сторон стекались одесситы. Легче было на своем заводе, среди своих. Завод, несмотря на огромные материальные трудности, перебои с транспортом и т. д., рос, как былинный богатырь. Людей работало много эвакуированных из разных мест, были и местные, главным образом рабочие, но основное ядро составляли одесситы, и завод Алтайсельмаш считался одесским, также, как выросший на другом конце Рубцовска из эвакуированного Харьковского тракторного завода АТЗ был харьковским заводом.

Так эти два завода и остались там поныне и положили начало новому промышленному центру.

Кончался сорок третий год. Наша армия начала возвращать потерянное. Олег был в войсках 3-го Украинского фронта, который приближался к Днепру. Писал Олег регулярно и всегда намеками давал понять, где он, хотя бы приблизительно. Помню, как вечером шестого ноября сорок третьего года сообщили, что освобожден Киев.

Олег специальным письмом поздравил меня с освобождением моей родины. Это было отрадно. Все говорили, что до Одессы сутки езды. На войне это время удлинилось до пяти месяцев.

Новый, сорок четвертый год, мы встречали с большими надеждами. Наступление развивалось успешно. Блокада Ленинграда прорвана. Планы Гитлера провалились один за другим.

А похоронные все шли и шли. Всюду были семьи погибших. В каждом доме кого-нибудь теряли, и все жили под вечным страхом получения этой небольшой бумажки, которая несла огромное горе. Много ночей я не спала, все хотелось узнать, где Олег, что с ним. Ведь последнее письмо написано месяц назад. Еще хуже стало, когда я прочла в «Правде» подвальную статью: «Сапер ошибается один раз». Это как раз говорилось о труде минера-разведчика, который идет вперед первым и отступает последним. Это была специальность Олега, сущность которой до сих пор я себе не представляла как следует.

Через дней десять после Нового года Роберт сидел вместе с нами, смеялся, всех целовал, и я уже почти верила в то, что увезу его в Одессу и буду лечить в Свердловске, как вдруг ему сразу стало хуже. Он уже не садился, не оборачивался на голос, отказывался от еды. Клистер констатировал новый спазм мозговых сосудов. Он взял меня под руку, и мы вышли в сени.

— Это начало конца. Держитесь так, как держались до сих пор.

Услышать это было страшно. Девятнадцать месяцев, которые должны были приготовить меня к этому страшному, неизбежному, куда-то исчезли. Мне казалось, что он заболел только сейчас. Я, верно, долго стояла в сенях.

Шли дни. Роберт лежал, тяжело дыша. Он ни на что не реагировал и не принимал пищу. Я ходила на завод, и меня отсылали домой. Я вспоминаю, что будто не чувствовала себя. Меня тогда, верно, можно было резать без наркоза.

Двадцать второго января сорок четвертого года, в восемь часов по местному времени, Роберт скончался.

Двадцать четвертого мы схоронили его в колхозе «Чайка». Завод сделал и дал все, что было нужно и возможно в то время.

Олег получил известие о смерти отца во время боя и, как он мне потом рассказывал, ничего не понял, спрятал письмо и только на другой день понял, какое известие он получил.

Освобождение Одессы

Так тяжело начавшийся для нашей семьи год продолжался. Олег участвовал в наступлении. Его письма теперь напоминали корреспонденции с фронта. Их все читали. Даже малознакомые люди подходили ко мне и просили дать прочесть письмо сына. Некоторые из писем перепечатывали и помещали в стенгазету.

Все следили за сводками с фронта теперь особенно напряженно. Названия освобожденных населенных пунктов говорили о том, что бои идут совсем близко от Одессы.

Десятого апреля в нашем театре был пушкинский вечер с участием каких-то приезжих артистов. Начинался он в семь часов вечера, и я посоветовала Тане с девочками туда сходить.

Вдруг на улице поднялся шум. Кто-то кричал.

В это время в комнату влетела возбужденная Таня. Она бежала из театра, чтобы поделиться с нами радостной вестью, а мы уже знали. Таня рассказала, что во время действия, в восемь часов, какой-то артист в костюме и гриме выскочил на сцену, расталкивая товарищей, подбежал к рампе и закричал:

— Наша армия освободила Одессу!

В зале, где почти все зрители были одесситы, поднялся невероятный шум, все вскочили с мест, кто плакал, кто смеялся.

Всем захотелось поделиться радостью с домашними. Зал опустел.

В эту ночь наш телеграф выдержал штурм. Все одесситы стремились сообщить оставшимся в Одессе близким свой адрес, чтобы получить ответ.

Первой ласточкой из Одессы на заводе было письмо от Олега, написанное одиннадцатого апреля. Мечта его сбылась.

С его письмом носился весь завод. Там были слова о страшной судьбе, постигшей еврейское население. Положение действительно было тяжелое. Наши эвакуированные евреи или совсем не получили ответа, или отвечал управдом, сообщая о гибели близких. Даже страшно перечислить товарищей, у которых погибли родные, и близкие. Их было очень много.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Еще больше года длилась эта кровопролитная война. Еще многие и на фронте и в тылу не дождались ее конца.

Лето сорок четвертого года оказалось последним летом войны. Почти вся отечественная территория была освобождена.

Наши воевали уже на Западе.

Наши войска крепко держали инициативу в своих руках и победоносно продвигались вперед.

Теперь почти каждую ночь в четыре часа (в Москве - двенадцать) нас будило радио. Все новые и новые города освобождали наши доблестные войска, полки и части получали благодарности и награды, и всегда провозглашалась вечная слава павшим. Кто слышал во время войны эти ночные приказы, никогда не забудет, что переживал в те минуты. Каждое утро, придя на работу, я сообщала товарищам об услышанном.

Теперь сообщения были радостные, не то, что в сорок втором. Москва салютовала войскам-победителям.

Снег дружно таял. Весна, как наша армия, наступала широким фронтом.

Готовились к первомайской демонстрации, к детскому утреннику, клеили кульки для подарков, а каждую ночь, в четыре часа, когда у нас уже было совсем светло, звучал замечательный голос Левитана, сообщавший про все новые и новые победы наших войск. Берлин был совсем близко. Была близка победа. Наконец, второго мая пал Берлин. Красное знамя развевалось над рейхстагом, но бои еще шли в самом городе. Агонизировала столица

Германии, логово фашизма. Сообщалось все о новых жертвах, о неслыханных зверствах Гитлера и его своры. По распоряжению Гитлера затоплено берлинское метро, где укрывались от снарядов женщины, дети, старики, жители Берлина.

Все напряженно ждали конца войны.

Наконец, в ночь на восьмое мая 1945 года прозвучал долгожданный приказ.

В Берлине Германия подписала безоговорочную капитуляцию.

Так вот ты какая, долгожданная, глубоко выстраданная Победа.

Победа! Победа! Победа!

Это слово вытесняло из головы все слова, все мысли, и в нем теперь заключался весь мир.

Теплое майское солнце поднималось на безоблачное небо. Ясное солнце Победы, солнце первого мирного дня.

Где Олег, что с ним? Радует ли он вместе со всеми в этот необыкновенный день? Нет, сегодня надо верить, верить и верить. Нет места тревоге. Земля радуется, небо радуется, радуется весь мир. Звучат прекрасные, бодрые марши. Прав был Роберт, когда говорил:

— Как будут счастливы те, кто доживет до победы.

Как будто он знал, что ему это не суждено.

Не сговариваясь, как будто иначе не может быть, мы с Таней выходим из дома. Куда? Конечно, на завод, в свой коллектив. Человеку и в радости и в горе нужны товарищи.

Через Кировскую площадь попадаем на Красную улицу. Еще нет пяти часов, прохладно, но площадь полна народа, а по Красной сплошным потоком люди движутся на завод.

Все целуются, поздравляют друг друга, плачут.

Хочется обнять всех и каждого. Все вдруг стали родными и близкими.

Завод — как огромный улей. В восемь утра гудок сзывает всех на общезаводской митинг. Выступают Кандюк, Рыбин, Каганэ. Многие желают выступить. Говорят женщины и плачут. Плачу и я. Мне горько за Роберта.

Этот день был объявлен нерабочим.

Ликовали все люди, казалось, что ликует сама природа. Такого праздника еще никто никогда не переживал.

Заключение

Война закончилась. Казалось всем, что навсегда покончено с фашизмом. Легче и спокойнее дышалось. Но, к большому сожалению, скоро этот миф о мире во всем мире рассеялся, как дым.

Наш завод — это уже был огромный, оснащенный, действительно наш завод, выросший на наших глазах — стал переходить на мирную продукцию.

— Перековываем мечи на орала, — шутили все и готовились к выпуску многолемешных прицепных плугов марки «ЗОР».

Появились выходные дни, в которые люди, работавшие без них четыре года, не знали, что делать, куда себя девать, и целый день слонялись как неприкаянные. Страшно тянуло на завод.

От Олега письмо мы получили только через три недели после окончания войны. Пришлось пережить не одну бессонную ночь. Он оставался со своей частью за границей, и было неизвестно, когда получит отпуск и мы встретимся с ним. Не виделись мы уже четыре года.

Соня Кричевская, наша соседка, с которой Олег дружил до войны, училась опять в сельхозинституте, в Одессе. Олег писал, что приедет в отпуск весной сорок шестого года. Весна была не за горами.

В Рубцовске мы прожили до мая сорок шестого года.

Как-то в воскресенье, в конце марта я пошла в завком, где в это время работала. День был холодный и серый, падал снег и таял, не долетая до земли. На заводе было пусто, работала одна смена литейного цеха. Не было никого,

и я могла работать на свободе, в тишине. Но не прошло и часа, как раздался телефонный звонок.

«Какая досада, — подумала я, — кто-то узнал, что я пришла, и теперь начнется канитель».

Это звонила управделами.

— Мне сказали, что ты у себя, тут для тебя личная телеграмма, пришли кого-нибудь, — говорила она, а объяснить, в чем дело, не соглашалась.

— Сама прочитаешь, ничего не случилось, все благополучно.

В принесенной уборщицей телеграмме было написано: «Целуем мамочку в день свадьбы. О л е г С о н я».

Сын женился, он был в Одессе — очевидно, на нашей квартире.

Работа кончилась, я побежала домой: хотелось поделиться с мамой и Таней новостью.

После обеда мы с Таней отправились на телеграф и дали поздравительную телеграмму по нашему одесскому адресу, т. к. надеялись, что, если Олег там еще не живет, то бывает.

Через неделю из письма Олега и Сони мы узнали, что они действительно живут в нашей квартире.

Дальше следовали заверения, что Олег приедет за нами в Рубцовск. Можно представить, с каким нетерпением мы ожидали встречи с ним после пяти лет разлуки.

Когда Олег получил все бумаги, комендант не дал разрешения ехать в Алтайский край. Времени отпуска оставалось всего одна неделя.

Выехали мы одни только двадцать восьмого мая и седьмого июня прибыли в Одессу. Олега уже не застали. Он выбыл в свою часть. Но Соня встречала нас на вокзале с гвоздиками.

Грустно было уезжать из Рубцовска, где было прожито четыре тяжелых тревожных года и где мы навсегда оставляли Роберта.

Война окончилась, и началась новая, мирная жизнь.

Надо было все начинать сначала.

С Олегом мы встретились в июне, ровно через пять лет после разлуки.

**«В ту давнюю военную пору: из воспоминаний М. Зубовой,
секретаря партийной организации цеха № 3 завода «Алтайсельмаш»**

Газета «Коммунистический призыв», 2 сентября 1981 г.

Та зима, первая зима в истории нашего зарождающего завода, выдалась очень морозной – ртуть опускалась до минус 40 градусов. И хотя мы, молодежь, одеты были плоховато, большей частью в отцовских фуфайках и огромных ботинках на деревянном ходу с брезентовым верхом, однако холод отгоняла работа, работа 12-часовая.

Мне было 16 лет, когда я пришла на завод. Тогда все, от мала до велика, были заняты на строительстве цехов. По трапам таскали кирпичи на носилках, приносили мерзлый песок, на железных листах его оттаивали над огнем и вымешивали раствор.

В ту давнюю военную зиму частые и сильные метели налетали на наш город, оставляя огромные сугробы. На заводе тогда действовали лишь одна узкоколейка для подачи вагонов. Пройдет буран – и следов том узкоколейки не оставит, снегом наглухо закроет. Мы, весь коллектив, бросаем свою работу, лопаты в руки и - на чистку узкоколейки. Без нее завод, что человек без ног.

В тот день сторож инструментального склада как всегда в положенный час ударил об рельсу: пора было идти на обед.

Нам, подросткам, выдавали по карточкам немного хлеба, и его, конечно, не хватало. Каждый на обед приносил все что мог: картошку, свеклу пареную, вареную морковь, лук. С нами, компанией молодежи, как всегда - тетя Дуся Кузнецова. Мы-то за пять минут свой обед уничтожим, а она обстоятельно свою тряпицу развернет и— не было случая за все долгие месяцы, чтобы каждого из нас не оделила эта добрейшая душа: кому свеклинку, кому картошку даст. Да еще скажет: «Молодцы, вы, ребятки, что не унываете. Шутите, вон, смеетесь. И мне, старой, возле вас теплее».

Все было в тот день как обычно, а все же стал он поворотным в моей судьбе. Только прозвонили снова на работу, как неожиданно подошел ко мне Герш Нахимович Спектор. Он был начальником одного из трех действующих в то время цехов. Над его цехом еще не было крыши, но уже стояли станки, и люди давали продукцию.

Так вот, подошел он ко мне и вдруг сказал: «Хочешь работать на станке?». Тогда это было великое дело — работать на станке. Взял меня за руку, привел в цех.

— На каком хочешь работать? — спрашивает.

Я только и думала, как бы не прогнали! — ткнула в сторону какого-то огромного станка. Оказалось, попала в пресс. В этот же день мне показали, как он действует.

С робостью сама я приступила к работе. Но постепенно втягивалась, привыкала. Сама выносила заготовки — длинные трубы. Я впереди, а за мной еще 3 — 4 человека поддерживают хвост. Овладела и нарезкой трубочек для стабилизатора и калибровкой крышек, затем на прессе придавала им форму крыла. Не убереглась — получила травму пальца. Обошлось без больничного, направили меня на легкий труд — смазывание листов под штамповку. Зажил палец — снова встала к прессу. Мастером на моем участке был Александр Ильич Бобров, ставший для меня подлинным наставником, которому я благодарна всю свою жизнь.

Вторым отцом могли бы назвать многие тогдашние подростки Г. Н. Спектора. Он был очень внимателен к каждому из нас. Не забывал подойти, спросить: «Как идут дела?», много знал о наших бедах, заботах, радостях. Помню, везла я на санках отремонтированный штамп из инструментального цеха. Встретился Герш Нахимович. Взглянул на меня, молча взялся за веревку, и мы вместе дотащили тяжелый штамп до цеха. Я гордилась, что он иной раз говорил обо мне: «Это мой питомец. Она у меня на глазах выросла». Порой, когда выключали свет и станки не могли работать, он разрешал пацаньям поспать у станков. И мастеру говорил: «Не буди, пусть прикорнут немного».

Но, несмотря на такую душевную мягкость, дисциплину в цехе он держал, твердо. Подошла я однажды к нему и попросила: «Герш Нахимович, брат, проездом на фронт, остановится на вокзале. Можно, я сбегаю повидаться?» Он взял меня за руку, подвел к лозунгу и велел мне громко прочитать. Там было написано: работать, работать, работать. Дальше я уже не читала —мы и так поняли друг друга. Я молча пошла к своему станку, на ходу вытирая слезы. Уж больно мне хотелось посмотреть на брата. Но что делать: нельзя, значит, нельзя. Дисциплина и порядок были очень жесткие.

Вспоминается такой случай: девушка из инструментального цеха без уважительной причины прогуляла четыре дня. Решением показательного суда она была приговорена к высылке с Алтая сроком на пять лет.

«Все для фронта, все для победы!». Для этого мы работали, этим жили, вера в победу давала всем нам силы.

А за свой труд самой лучшей наградой в те дни мы считали известие об освобождении еще одного, пусть маленького, населенного пункта. Все мы жили одним дыханием с фронтом, не замечая ни трудностей, ни лишений.

**Из воспоминаний В. Долгалева, электросварщика КППЦ,
Газета «Алтайский машиностроитель», 26 апреля 1975 г.**

1941 год. 22 июня. Я хорошо помню этот день. У репродуктора, что висел на здании вокзала, собралось очень много рубцовчан. Все с волнением слушали радио: война!

Мне, как и моим сверстникам, в это время не было еще и шестнадцати. Я окончил 7 классов, а друг мой Леня Бадицкий — 6. Но когда Родина в опасности, кто из мальчишек думает об учебе? Хотелось поскорее на фронт, да таких не брали. Мы решили идти на работу и, получив в октябре паспорта, уже 10 ноября стали рабочими эвакуированного из Одессы завода им. Октябрьской революции.

Собственно говоря, завода еще не было, оборудование устанавливали в немногочисленных недостроенных и полуразрушенных зданиях. Завод предстояло еще построить, а продукцию нужно было давать немедленно.

Отдел кадров направил нас в ремонтно-механический цех. Не в тот, который стоит сейчас на центральном проезде завода, а в тот, что стоял у малярно-сдаточного и впоследствии назывался «курытником».

В начале 1942 года меня перевели в слесари-ремонтники. Была организована бригада по восстановлению оборудования. Одной из таких бригад руководил В. Н. Татаренко, а мы с Леней были в бригаде старого балтийского моряка дяди Вани Афонина. Помню, как выполнял первую слесарную работу: мне поручили вручную нарезать резьбу на болтах, но когда я подошел к верстаку, только голова возвышалась над тисками. Пришлось поставить подставку.

Горячие это были дни, нередко по двое-трое суток не уходили рабочие из цеха. Помню такой случай: впервые и нам с Леней пришлось работать подряд двое суток. Наши мамы страшно беспокоились и пришли нас разыскивать, но узнав, что мы выполняем важное задание, успокоились и, по моему, даже гордились нами немножко.

Да работать приходилось столько, сколько требовало дело. Тогда везде можно было видеть призывы: «Все для фронта, все для Победы!», «Родина-мать зовет!». А что ты сделал для фронта? —спрашивал каждый из нас сам себя. И хотелось сделать как можно больше.

На заводе тогда было несколько цехов: наш ремонтно-механический, инструментальный (там, где сейчас учебный корпус ГПТУ), небольшое белое здание — силовая. Заводоуправление находилось там, где и сейчас, и в этом же здании была поликлиника.

Строили первый цех (ныне РМЦ) и лопато-лемешный. У этого еще и крыши не было, но оборудование уже работало.

Люди давали продукцию фронту, а снег сыпал им на голову. Была еще небольшая избушка, в ней размещалась кузница, где работал один пожилой

мужчина, имени его сейчас не помню. Вот и все, что тогда называлось заводом. Литейка располагалась далеко, на самом берегу Аллея, на территории артели «Красный труженик». И нередко после работы нам приходилось возить оттуда литье.

Конечно, работать приходилось много, но мы не думали о себе, некогда было думать об этом. Все жили вестями с фронта. А там было тяжело.

Перед общей бедой меркли свои с неурядицы. Бытовых условий никаких. Это теперь душ в каждом цехе, раздевалка, столовые. А тогда ничего этого не было. Нет, столовая была, одна на весь завод и называли ее «гороховодка» по имени заведующего Горохода. Дверь никогда не закрывалась, в зимнее время - вместо пола ледяная катушка, да и обеды были известно какие, ведь все было отдано фронту.

Но мы не только работали, но и готовились к службе в армии. Военкомат обучал нас автоделу.

23 февраля 1943 года в День Красной Армии нас призвали в ряды защитников Родины, и мы заняли места в теплушках. До Горького ехали почти месяц. Оттуда направили нас в учебный автополк. В начале июня закончили учебу, приняли присягу и на фронт.

Мой первый бой был за город Могилев, а потом наша бригада участвовала в разгроме Минской группировки гитлеровцев,

Наша армия наступала, неудержимо двигаясь на запад.

И хотя бои были тяжелыми, и мы теряли многих боевых друзей, настроение в войсках было приподнятым: вот-вот мы должны были выйти на государственную границу. И наконец этот день настал! Представьте себе, какое это неповторимое чувство, когда ты видишь, что наглые захватчики на этом участке изгнаны с территории твоей родной страны. А дальше наша часть освобождала Польшу. Во время боев за одну польскую деревушку я был ранен, но отлежавшись в госпитале, опять вернулся в свою часть. А наступление Советской Армии продолжалось, несмотря на ожесточенное сопротивление врага. Все уже чувствовали, что день Победы близок.

3 мая 1945 года мы находились на побережье Балтийского моря в 280 километрах от Берлина. Здесь и встретили день Победы.

После окончания войны я еще три года служил в армии. Демобилизовался лишь в конце 1948 года. Приехал в Рубцовск и на свой завод скорее. Когда зашел в отвало-лемешной цех, сразу вспомнилась фронтовая обстановка: дым стоял такой, что электролампочки едва проглядывались. Дымились коксовые и угольные печи.

Да, условия труда в первые послевоенные годы были еще очень тяжелыми, да и жизнь была нелегкой: и хлеба было в обрез и других продуктов питания тоже. Но работали с огоньком. Помню, как сейчас, калильщики от одной солянки к другой бегом несутся, чтобы узнать, сколько там лемехов сделали. Каждый старался опередить друг друга. И как искренне радовались те, кто, победив в соревновании, получали Красное знамя.

Сейчас наш ордена «Знак Почета» завод «Алтайсельмаш» современное промышленное предприятие, оснащенное передовой техникой. Выпускает он очень нужную для страны продукцию. Я смотрю и радуюсь новому облику завода и новому облику людей, работающих в его цехах. Как много мы успели сделать за 30 лет, прошедших со дня Победы! И я горд, что и мой труд частицей вошел в труд всего коллектива.

Часть 3. Алтайский тракторный завод

Из книги Ф. М. Лиховицер «Рождение завода. Алтайский тракторный завод» - Барнаул, 1946 г.

Одной из передовых отраслей в советском машиностроении до войны являлась тракторная промышленность. Когда началась война, она полностью переключилась на производство боевых машин, на выпуск боевой продукции для Красной Армии.

Но так же, как боевые машины, как боеприпасы, нужны были Красной Армии хлеб, продукты сельского хозяйства, без которых невозможно было бы

в столь широких масштабах вести войну, какую вёл наш народ против злейшего врага человечества немецко-фашистского зверя. Прекращение же пополнения сельского хозяйства новыми тракторами, отсутствие необходимых запасных частей для ремонта имеющихся машин лишали сельское хозяйство нашей страны основного вида механизированного тягла для проведения полевых работ по вспашке земли и уборке урожая. А урожай нужно было удвоить, утроить, тем более, что много колхозных полей остались там, на занятой немцами территории.

Кровавый огненный вихрь закружился на тихих колхозных полях Украины, Белоруссии; крупными слезами посыпались на землю незрелые колосья ржи; заботливо возвращенную золотую пшеницу искромсали гусеницы вражеских танков.

Нужны были тракторы и фронту, как тяговая сила.

И вот по решению партии и правительства в ноябре 1941 года на базе эвакуированного Харьковского тракторного завода должно было быть организовано производство тракторов на Алтае, в городе Рубцовске. Это решение, принятое в самый сложный, в самый тяжёлый момент, когда страна была в опасности, когда враг рвался к Москве, явилось ярким доказательством нашей мощи, несокрушимости и непреклонной веры в победу.

Надо было в короткий срок, наряду со строительством, собрать с разных концов Советского Союза оборудование, установить его, подготовить необходимые кадры рабочих из людей, никогда ранее не работавших на производстве, и наладить массовый выпуск тракторов и запасных частей к ним.

Проектирование завода было поручено Гипросредмашу.

Для начала стройки завода Наркомстрой перевел в Рубцовск строительный трест № 15 (ОСМЧ 15).

В январе 1942 года директором завода был назначен тов. Парфенов, и с этого времени началась работа по организации подбора оборудования и кадров для АТЗ.

Спешная и напряженная работа началась в Сталинграде, куда был эвакуирован из Харькова основной костяк завода. Прокладывалась одноколейная железная дорога, по которой могли бы пройти эшелоны, сооружалась специальная переправа через Волгу, строились и оборудовались вагоны, отдельные бригады были заняты приёмкой оборудования с заводов СТЗ и № 264, и уже в феврале двинулись первые эшелоны с оборудованием и людьми в далекий Алтайский край.

Долгий путь (по 3—4 недели шёл эшелон); тесные вагончики-теплушки с железной печкой посередине, сидя вокруг которой, вели люди беседы о предстоящей работе в новом, незнакомом месте; нередко растапливаемый снег вместо воды; взбудораженные необычной обстановкой ребята; удивление людей, привыкших к светомаскировке и белым настороженным наклейкам на окнах, когда эшелон, вступив в полосу Сибири, проезжал мимо ярко освещенных станций и селений.

Площадка, где должен был обосноваться завод, представляла собой почти пустырь с несколькими деревянными домами, зданием помещавшегося здесь ранее сельскохозяйственного техникума и амбарами бывшего зернохранилища.

Далеко расстилалась перед глазами широкая степь. Неприветливым и пасмурным показался людям Рубцовск.

Выходя из вагонов, они попадали в серую пелену мокрого снега; ноги засасывала липкая грязь; вызывала отвращение мутная, глинистая, прямо из реки Алей, питьевая вода, которую негде было очистить и прокипятить. Но самым тяжелым был вопрос жилья. Люди жили в клубном зале; в пустой, давно заброшенной городской церкви; на посёлке— по 2—3 семьи в одной комнате; в городе— в проходных комнатах и кухнях, где непременно членом семьи становился хозяйский теленок.

Но все это казалось второстепенным. Впереди была огромная работа— создание завода, и люди сразу же включались в неё.

Первого мая 1942 года на посёлке состоялся первый митинг. На маленькой, наскоро сколоченной трибуне директор завода тов. Парфенов говорил о важности задачи, возложенной на коллектив завода партией и правительством, о необходимости обеспечения сельского хозяйства тракторами и запасными частями к ним, об обязанности как можно скорее помочь фронту. Вокруг стояла небольшая группа старых кадровых работников завода, а неистовый ветер заглушал и срывал слова директора, как бы подчёркивая этим, что кроме всех трудностей, которые придётся преодолеть людям, еще одной трудностью явится борьба с суровым алтайским климатом.

«Воспоминания мастера Зайко» (из книги А. П. Романюка и Н. А. Девятьярова «Зрелость». - Барнаул, 1962 г.)

Жизнь моя вроде бы из двух частей: одна — в Харькове, другая здесь — в Рубцовске. Почти полсотни лет жил на Украине. И, конечно, никуда уезжать не собирался. Прирос к тракторному заводу. Стал мастером в чугунолитейном. Да война все попутала. До осени сорок первого завод еще жил. А осенью тяжело стало. Бомбят и бомбят фрицы. Много поразрушили. Дело, смотрю, ерундовое. Надо на фронт собираться. Пошел в партком.

Выслушал меня секретарь и говорит:

— Рокив тебе, Зайко, к полсотни. Доброго солдата не выйдет. А приказ такой: снять оборудование, ехать в Сибирь. Сидай в эшелон, молодых своему делу учи.

И то правда: без техники на войне тяжело, помогать надо. Голова понимает, а сердце кровью обливается. Как это бросить все: ехать в Сибирь. Край для нас далекий и малоизвестный. Знал я — холодно там, дико. Молчком собрались. Заняли теплушку. Несколько семей. Ребятишек куча. У меня своих не было. А кто детишек не любит? Ехали долго. На каждой станции выскакивали радио слушать. Вести одна другой сумнее. То там город сдали то там...

До Москвы фашисты добрались. Частенько мы с мужиками думали — может, оставить состав на жинок, а самим к фронту податься...

Однажды обрадовало нас радио. Дали немцам по зубам под Москвой и крепко. Да, помочь бы сейчас нашим танками, артиллерией, быстрее бы расправились с врагом...

К тому времени в Сибирь въехали. Неласково она нас приняла. Двадцать лет тут живу, а таких морозов не помню. Вагон холодный. Грубку железную жарили день и ночь. Возле нее стоишь — ничего, отошел — спина стынет. Бабы детей возле грубки так и держали.

Смотрю — дело дрянь, поганое настроение у детишек. Давай им сказки рассказывать. И что помню, и что выдумаю, и Миколу Гоголя упомяну. Да на такой путь разве одной головы хватит. Придумали мы с мужиками и хлопцами прогулки на стоянках. Увидим встречный эшелон, давай разбирать, что на фронт движется, какие танки, какие пушки.

Вечером, помню, сюда подъехали. Селение против Харькова маленькое, а огней много. Разглядел я из вагона название станции «Рубцовка». Эвон куда нас прикатали!

Выбрались мы из вагонов, огляделись. Впереди коробка элеватора. Рядом длинные склады. Часть еще не достроена. А дальше — степь. Смотрим —встречают нас. Директор нашего завода товарищ Парфенов, с ним еще люди. Директор пояснил: строиться будем вот тут, на пустыре. Стройку все коммунисты Алтая объявили ударной. Идет мобилизация молодежи на завод. И сразу полегчало на душе. А еще рубцовские жинки нас обрадовали. Подходят они толпой, десятков пять. Впереди крупная такая, как наши украинки, и обращаются к нам:

— Домов отдельных мы вам построить не успели. Некогда было. Мужики на фронте, мы — на стройках. Кроме вашего тракторного, еще один строим, плуги делать будет. Зато у нас свои дома есть. Семейные, которые с ребяташками, милости просим. Остальные в общежитии разместятся.

Так мы и породнились сразу с новым городом и с жителями. Отправили мы жинок по квартирам, а сами взялись сгружать оборудование. К утру работу кончили. Попили устраиваться на ночлег. Немного поспали. Посыльный, слышим, зовет:

— Мастеров к директору!

Приходим. Длинный саманный барак. В комнате директор один. А надо вам сказать, особого сорта человек Парфенов. Не зря потом в Министерстве крупным делом ворочал. Особого сорта потому, что была в нем, как бы это поточнее, сильная закваска, что ли. Трудовой был человек. В Харькове мы уже привыкли: Парфенов в цех пришел, значит разбор будет.

И еще скажу вам, форсу начальственного в нем не было. Завод-то вон какая -машина, разве все сразу узнаешь. Так он просто — не знает чего, у рабочего, у мастера спросит: как, почему? А уж что знал, в запас не клал, других учил. И порой строго учил. Одним словом, — хозяин был.

Утром, когда мы к нему пришли, сидит Парфенов за столом, курит. С лица осунулся, на щеках кожа провисла, глаза красные, будто мыло в них попало. Уж после узнали: четвертые сутки без сна. Разве что на стуле подремлет, пока кого подождет, и все.

Вступлений в этот день не было. Сразу пошел разговор о строительстве. Что где будет строиться, какой срок, кто отвечает. Мне директор сказал особо:

— Давай быстрее вагранку. Время не ждет.

Я и сам понимаю — время - военное. Только с кем работать? Ни одного человека с моего участка нет.

— Мне кадры нужны, — говорю.

А он строго так:

— Тут тебе не Харьков, людей искать надо.

Обиделся я. А потом подумал: «Что он сделать может?» И правда, искать людей надо. Пошел в партком. Так вот секретарь и спрашивает:

— А сам как бы сделал?

— Как бы сделал? Где люди есть, туда ехать треба.

— Вот и поезжай в соседний район, в Егорьевку. Потолкуй с молодежью.

— Це можно.

На другой день выпросил лошадку — и в Егорьевку. Первым делом — в райком. Секретарь привел меня на молодежный вечер.

Дали мне слово. Говорю им о заводе, о стройке, Трактор — машина такая, она и солдату нужна, и колхознику без нее нельзя. Сама за себя агитирует. Секретарь поддержал меня. Тут, прямо в клубе, и запись начали. Одни сразу согласились, другие решили подумать.

На утро райком комсомола путевки им вручать начал. Точно не помню, но десятка три хлопцев и девчат согласились. По своей воле, значит, поняли важность стройки.

Вот так мы и начали обживаться в Рубцовске. Строили завод, жилье, электростанцию. Все строили. Станки ставили в бывших складах и рядом с ними. Мороз, а люди у станков стоят. В другое время такую махину долго бы возводили.

А тут через несколько месяцев тракторы делать стали. Сейчас даже себе не всегда веришь: пустырь, недостроенные корпуса, а к станции трактор идет. Нами сделанный, такой же, как в Харькове.

Не сразу, конечно, все ладно. Тяжело было. Очень тяжело. Но шло дело.

Из книги Ф. М. Лиховицер «Рождение завода»

Бывают в жизни общества такие моменты, когда перед людьми встаёт необходимость создания большого и важного дела, но для выполнения его необходимо преодолеть огромные трудности. И если вдуматься во всю грандиозность поставленной задачи, то кажется, что это совершенно невозможное и невыполнимое дело. Однако, оно выполняется. И выполняется так, как никогда бы, пожалуй, не было, выполнено в самой благоприятной обстановке, с наличием всех необходимых условий. В чем же секрет?

Секрет в том, что в подобном случае вопрос решается не благоприятными моментами, а волей, настойчивостью и непоколебимой верой людей в правоту своего дела, в необходимость его осуществления. Вот эти-то факторы и легли в основу создания Алтайского тракторного завода.

Слово можно ли — не существовало. Было только одно слово нужно. Завод нужно было построить, тракторы нужно было выпускать. Этого требовала Родина, над которой нависла грозная опасность и дорожке которой нет ничего у человека.

В необычайно тяжелых условиях рос завод. Строительной базой его были неоконченные сараи зернохранилищ, низкие, тёмные и холодные, без окон, без крыш, по своему расположению совершенно не подходящие для цеха. Получалось, что не здание строилось соответственно расположению оборудования, а оборудование должно было размещаться соответственно зданию. Но и этих строений было мало. Заготовительные цехи — чугунолитейный, сталелитейный, кузнечный и чрезвычайно сложное здание ТЭЦ должны были строиться вновь. И вот в то время, когда воздвигались стены будущего цеха, тут же во дворе завода, немедля ни минуты, люди занялись ремонтом и монтажом прибывающего оборудования. Во всех концах Советского Союза находилось оно, и огромных усилий стоило людям его разыскать.

Тяжела была эта задача. Буквально во все концы Советского Союза были направлены люди завода — в Сталинград, Новосибирск, Орск, Чкалов, Ростов. Баку, Ташкент, Тулу, Уфу, Петропавловск, Омск, Пензу, Красноярск, Саратов и многие другие.

Выяснялось, что часть оборудования погибла во время бомбардировок, часть включилась в работу местных заводов в Сталинграде, оборудование одного какого-нибудь цеха и даже отдельные детали сложных агрегатов были разбросаны по нескольким городам (богатое оборудование кузнечного цеха находилось в Сталинграде, Челябинске, Чкалове и Нижнем Тагиле). Во многие места нельзя было добраться: там находились немцы.

Из книги Ю. Майорова «Повесть об Алтае» - Барнаул, 1978 г.

Энергетическим сердцем завода являлась ТЭЦ. А сердцем ТЭЦ— котел, который в разобранном виде занимал десятки вагонов. Об условиях эвакуации говорить не приходится: бомбежки, «пробки» на железнодорожных путях... В Рубцовск прибыла лишь часть деталей. Остальные необходимо было разыскивать по всей стране.

Уполномоченный завода инженер Михайлов едет за котлом в Ташкент. Что такое дорога в военное время, много говорить не надо. И вот Михайлов добрался до южного города. Но предварительные сведения оказались неточными: оборудования нет. Что делать? Обратились за помощью в Москву. Несмотря на невероятно трудную обстановку, наркомат среднего машиностроения и Госплан СССР помогли. Отдельные части котла обнаружили в Баку. Основное же оборудование — в городе Шахты, что под Ростовом. А гитлеровцы уже в Таганроге... Тем не менее Михайлов пытается пробраться в Шахты. Но пал Ростов... Пешком под непрерывными бомбежками уходил Михайлов в Баку. Видимо, он выстрадал свои последующие счастливые мгновенья. Неподалеку от города нефтяников, среди беспорядочно, сгруженного оборудования обнаруживается барабан котла... Через Каспийское море, по Турксибу идет драгоценное оборудование...

Из книги Ф. М. Лиховицер «Рождение завода»

Всё это стоило огромного напряжения нервов, большой затраты сил и энергии, но не напрасен был труд людей: оборудование стекалось к заводу. Правда, прибывало оно потрепанным, некомплектным, заржавленным, с трещинами. Трудный путь пришлось проделать ему, дважды—трижды перебрасываться с места на место, и немудрено, что прибывало оно в таком виде. Его необходимо было привести в порядок, изготовить на месте недостающие детали, смонтировать и как можно скорее пустить в работу. Для этого нужны были люди, время, материалы, инструменты и транспорт.

Транспортом являлся единственный старый трактор; инструментов не было почти никаких (обыкновенного гвоздя, тисков, молотка нельзя было найти в Рубцовске); время ждать не могло: все должно было быть сделано в рекордно короткий срок; люди представляли собой маленькую горсточку старых кадровых рабочих, мастеров, инженеров (по каждому цеху можно было насчитать 15—20, от силы 30 человек, в то время, когда коллектив цеха должен составлять не менее 600—700 человек).

Люди сами выгружали из вагонов оборудование, сами занимались его перетаскиванием, при помощи трактора, листов, вручную—как угодно и всё это в непролазной грязи (как нарочно весна и лето были дождливые и серые). А в те дни, когда не было дождя и было сухо, поднимался ветер, который мчался, как одержимый, крутя столбы пыли и обдавая ею людей.

Сразу же развернула работу монтажная бригада, а вскоре в помещении одного из амбаров был организован ремонтно-механический цех, на долю которого выпал огромный и почётный труд. Не было, ни одной работы — ни восстановительной, ни по механизации трудоемких процессов, ни по созданию энергетической базы завода, в которой бы ремонтный цех не принимал самого активного участия. А в то же время какой жалкий вид имел он сам в первое время своего существования. Почти никакого оборудования, абсолютное отсутствие подъёмных средств, никаких инструментов, ручное горно посредине, и во всем сплошной примитив. Казалось, что колесо истории повернуло назад, и все достижения науки и техники были только золотым сном человека. Все делалось вручную. Изготавливались необходимые для работы инструменты; станки исправлялись, переделывались, их приспособляли для другой работы, иногда в корне меняя конструкцию; по новым, наскоро сделанным чертежам изготавливали недостающие детали, и сразу же шел монтаж цехов. Основной особенностью работы ремонтного цеха было то, что, создавая самого себя, он одновременно уже давал возможность создавать другие цехи.

Вся работа была построена необычно, по системе и стилю военного времени. Старались как можно производительней использовать каждую минуту, так распределить работу, чтобы одно не задерживало другое. Параллельно со строительными работами непрерывно шел монтаж оборудования; в процессе монтажа шло обучение молодых кадров; каждый смонтированный станок сразу же пускали в работу, используя его максимально, и любыми средствами, любыми способами, при наличии любых материалов, в неотстроенном здании, без крыш, без окон цех приступал к работе. Кузнечный цех начал свою работу с того, что на простых наковальнях, вручную кувалдой выбивали детали. Этот труд был тяжелый, непроизводительный, но он давал возможность уже выпускать какую-то продукцию.

Чугунолитейный цех — технологически один из самых тяжелых цехов, с системой сложных подъемных сооружений технологического оборудования и под землей, и на земле, и под крышей, приступил к работе, не имея никакой механизации, производя вручную всю работу. Вёдрами таскали песок для формовки. Эта работа была настолько трудоёмкой, что часто мобилизовали на неё всех служащих — работников главной конторы, которые, устроив своеобразный живой конвейер, из рук в руки передавали вёдра с песком в цех. Вручную заливали формы весом в 300 килограммов и в 60-ти килограммовых ковшах переносили расплавленный металл к формам, находящимся на большом расстоянии. И тут ещё постоянная борьба с частыми дождями, которые размывали формы и поэтому надо было как можно скорее производить заливку. Для всей этой тяжелой ручной работы требовались физическая сила, умение и сноровка, а люди, прибывшие на завод, ученики ФЗО, мобилизованные из деревень Алтайского края, эвакуированная молодёжь из Украины и Ленинграда, широко раскрытыми глазами смотрели на всё, и их надо было учить и учить.

Особенно был труден монтаж цехов чугунолитейного, кузнечного, автоматного, ряда сложных агрегатов механосборочного и моторного. И все

же силами завода он был произведен. Все подъёмно-транспортные сооружения, всё печное хозяйство, огромное количество недостающих к станкам деталей — всё это было изготовлено на заводе.

День и ночь работали люди, напрягая все силы, отдавая все знания и радуясь каждому, даже маленькому успеху, приближающему завод к победе. Многие моменты в жизни растущего завода остались просто незабываемы.

День первого июля 1942 года, когда был дан первый ток.

Пуск первой вагранки в чугунолитейном цехе 7-го июля 1942 года. Впервые потёк огненной струей расплавленный металл и первой отливкой его была доска с барельефом Иосифа Виссарионовича Сталина.

Пуск первой вагранки дал возможность производить целый ряд отливок деталей и отливок для ремонтных и монтажных работ.

День 7 июля характерен ещё тем впечатлением, которое произвел пуск вагранки на население Рубцовска. Задували её вечером. Повалил столб дыма, пламени, посыпались искры и... всполошился Рубцовск. Прозвенел по улицам колокольчик и, жалобно звякнув, замер у проходной завода. Это приехала, пожарная «команда» города тушить на заводе пожар (две лошади, одна бочка и один пожарник).

Этот факт образно показал, какое значение, какую огромную роль выпало сыграть на долю завода в отношении преобразования жизни и культуры Рубцовска, а также и жизни всего района.

Памятен день 11 августа 1942 года, когда мощная печь стального цеха дала первую плавку.

День 18 апреля 1943 года, когда в тяжелой кузне впервые застучал пятитысячный молот.

Но то чувство, которое охватило работников завода при выпуске первого трактора, несравнимо ни с чем. Коллектив завода поставил перед собой цель — во что бы то ни стало, каких бы трудов, какой бы затраты сил это ни стоило—к 25 годовщине Великого Октября выпустить первый трактор. И он вышел. Вышел через 8 месяцев после начала стройки завода, вышел из

неотстроенных, необорудованных цехов, вышел из теплых, заботливых рабочих рук, которые и были его создателями. И этот первый трактор-алтаец, созданный с таким трудом, был дорог каждому, как дитя, рожденное в муках, как залог великого будущего завода. И когда проехал он по посёлку, по улицам города, вызывая восторг ребятишек, с радостью смотрели на него жители Рубцовска и гордое чувство охватывало их при мысли о том, что начал работать в Алтайской степи крупный машиностроительный завод.

Из воспоминаний Павла Киневича

Газета «Коммунистический Призыв», 4 декабря 1966 г.

24 апреля 1942 года с группой рабочих, эвакуированных из Харькова, мы монтировали в Сталинграде завод по выпуску машин для фронта. В этот день я получил предписание: выехать с эшелоном на Алтай. Кроме меня такие же предписания получили 25 человек. Всего же, вместе с семьями, нас собралось около ста. На платформы уже было погружено демонтированное оборудование. Почти месяц добирались мы до Рубцовска. Ехали только днем — ночью по железной дороге шли эшелоны с военным снаряжением. Наконец, 28 мая наш поезд прибыл на станцию Рубцовка. Жилье для нас, конечно, никто не приготовил. Только через несколько дней нас распределили по частным квартирам в Веселоярске.

После цехов Харьковского и Сталинградского заводов помещения, где мы должны были смонтировать оборудование и начать выпуск тракторов, представляли печальное зрелище. Это были низкие деревянные амбары, в которых раньше хранилось зерно. Но рассуждать было некогда. Надо было работать. И, не откладывая ни одного дня, мы принялись за дело.

Ни конвейера, ни сборщиков не было, отсутствовали узлы и детали, а прибывшее с эшелоном оборудование находилось на улице. Отсутствовали механизмы, с помощью которых мы могли бы затащить оборудование в «цех» и установить его там.

Начали с самого необходимого — сбора инструмента. Ходили по территории, искали. Таким образом в нашем арсенале появились топор, тачка, несколько лопат, пила. Через несколько дней начальник «цеха» тов. Шеремет объявил: «Берите мел, делайте разметку для установки оборудования». К тому времени начали прибывать другие эшелоны со станками и деталями, металлоломом. В прибывающих вагонах подбирали инструмент, приспособления.

Вскоре из окрестных сел прибыли люди — в основном молодежь 16—17 лет. Человек 20 направили в наш цех. С этими людьми мы и начали создавать будущий цех. Подкладывали под станки круглые деревянные катки и под дружное: «раз-два—взяли!» продвигали станок. За день таким образом продвигались на 15—20 метров.

В конце концов оборудование установили. Подошло время сборки узлов. Пожалуй, слово «сборка» подходит с трудом. Больше подойдет «сделать». Потому что первый трактор был именно сделан вручную, почти без приспособлений, самого необходимого инструмента, с маленькой горсткой людей. Нельзя было пользоваться сварочным аппаратом — электроэнергия ценилась на вес золота, ее получал только ремонтно-механический цех. Вот как делали основание трактора - раму. В печи нагревали заклепки - и 15 девушек вручную, просверливали отверстия, соединяли отдельные детали. Первую раму собирали три дня. В ней не было ни одного сварного шва, все держалось на болтах и заклепках. Таким же примитивным способом собирали другие узлы — задний мост, коробку перемены передач, рулевое управление, гусеницы. Конечно, работа двигалась бы намного быстрее, будь у нас квалифицированные сборщики. Но в цехе, кроме мастеров, трудились одни подростки, впервые в жизни пришедшие на завод. Ничего, кроме энтузиазма, у них не было. А на одном энтузиазме далеко не уедешь. И все-таки дело не стояло на месте. Юноши и девушки, испытывая большие трудности с жильем, питанием, одеждой, трудились по 10—12 часов и не хандрили, приобретали навыки в процессе самой работы.

Наступил день сборки первого трактора. Сразу же встал целый ряд проблем. Никакого конвейера в то время не было. Сделали деревянную подставку и на нее водрузили раму. Но как поднять на раму задний мост? Выход нашли; раздобыли где-то тали, подвесили ее на треногу, установленную возле подставки, и с ее помощью задний мост был установлен и закреплен. Следом за задним мостом и подвеской начали ставить мелкие узлы и детали. Когда все было установлено, подвезли мотор. Но будет ли он работать - испытательного стенда не было, и проверить работу двигателя не было возможности. Решили испытать после окончательной сборки трактора. Радиатор нашли во вспомогательном цехе, из фанеры и досок сколотили кабину.

Я хотел было уже приступить к испытаниям, но здесь ко мне подошёл мастер Любченко:

— А как же мы людей учить будем? Сейчас дам команду—разобрать!

И действительно, сказав рабочим, что допущена какая-то ошибка при сборке, заставил размонтировать узлы. Рабочие были недовольны, но делать нечего — стали выполнять указание мастера. Потом нашлась новая «неисправность». В общем, Любченко добился своего — у сборщиков появились навыки.

Весь процесс сборки первого трактора занял месяц. И вот я приступил к самому ответственному моменту — испытаниям. Наш первенец стоял в цехе и готов был сделать первый свой «шаг». Трактор окружили рабочие нашего цеха, пришли из других цехов. Я сел в кабину. Проверил рычаги и включил скорость. Трактор, лязгая гусеницами, медленно двинулся к воротам. Послышались крики «ура!»: все были в радостном возбуждении. Поездил я по дорожке, меняя скорость, делая повороты. Потом подошла какая-то девушка назвалась бывшей трактористкой и попросила провести первую машину. Я передал ей рычаги и со стороны смотрел, как движется наша первая машина.

Так был создан и опробован первый алтайский трактор «СХТЗ-НАТИ». День его выхода за ворота цеха запомнился всем: 24 августа 1942 года. Эта дата стала днем рождения Алтайского тракторного завода.

Из книги Ф. М. Лиховицер «Рождение завода»

Завод продолжал жить напряженной, созидательной жизнью и поистине героичен был труд людей. В открытых цехах, где гуляли стужа и ветер, где в станках застывала эмульсия, люди работали сутками, по 30—40 часов не отходя от станка. Руки коченели от мороза, и с трудом можно было отогреть их возле печки-временки, забивающей нос и горло едкой копотью. В тяжелой кузне рабочих заливало водой, так как пар, подаваемый на молот, проходя по трубам, находящимся снаружи, охлаждался и был слишком влажен. При частых прекращении подачи тока все застывало и моментально обрастало ледяной корой. Алтайские ветры, морозы, бураны, как бы возмущенные людьми, презревшими их, точно сговорившись, вступили в жестокую борьбу с ними, но большевики покорили природу Алтая. Завод работал и выпускал тракторы.

Радостно было работникам завода 8 июля 1944 года прочесть письмо с фронта от бывшего товарища по работе, находящегося в Действующей Армии.

«Бывают встречи, — писал он, — от которых кровь молодеет, радости нет конца, юность, даже детство вспоминаешь, дружбу, пережитое. Все расскажешь, все выложишь, за дружбу выпьешь. Но бывают встречи, где радости полно, но слова не вымолвишь, ибо друг твой говорить не умеет. Моя встреча 2 июня была именно такой. Что могли мне сказать 6 тракторов с маркой АТЗ, которые я встретил недалеко от Пскова. Ведь говорить они не умеют. Между тем, я обращался к ним, любовно смотрел на них, как на родных. Наши машины, предназначенные для мирных целей, в грозные дни Отечественной войны тянут пушки, тянут разные тяжелые грузы, помогают изгонять врага из нашей земли. Я смотрю на детали и вижу людей, создавших эти машины. Как радостно знать, что наш завод в далеком Алтайском крае,

сооруженный в трудные дни войны, помогает фронту. Хочется пожелать вам больших, хороших успехов».

С приветом сержант Бельсон. Полевая почта 04058 ч».

Что могло быть приятнее того дня, когда от товарища Молотова была получена телеграмма, поздравляющая коллектив завода с выпуском пятидесяти тракторов.

Что могло быть радостнее и отраднее телеграммы товарища Сталина 20 января 1944 года.

«20 января 1944 года.

Город РУБЦОВСК, Алтайский тракторный завод.

Товарищам ПАРФЕНОВУ, ДУБРОВИНУ, ПЕРОВСКОМУ, АЛИХАНОВУ. МИТЮШКИНУ, КАЦНЕЛЬСОН, ВАСИЛЬЕВУ.

Приветствую и поздравляю строителей, рабочих, техников и служащих Алтайского тракторного с большой производственной победой — пуском нового тракторного завода, освоением производства и выпуском первой тысячи тракторов. Своей напряжённой работой вы создали в короткий срок, в трудных условиях поенного времени, мощный завод по выпуску тракторов для сельского хозяйства и нужд Красной Армии. Родина и наша славная Красная Армия высоко ценят вашу самоотверженную работу и помощь в деле быстрого разгрома немецких захватчиков. Желаю вам дальнейших успехов в вашей работе. И. СТАЛИН».

Какой подъём, какой энтузиазм вызвала на заводе телеграмма любимого вождя! Как хотелось дать ещё больше, работать ещё лучше, чтобы знал Иосиф Виссарионович, что во всех уголках советской земли, далеки ли, близки ли они от столицы, самоотверженно трудятся советские люди, охваченные единым порывом ускорить победу над фашистской нечистью. Сразу же большое перевыполнение программы дал завод в феврале.

И когда в марте 1944 года лучшие люди завода за свой честный, самоотверженный труд получили высшую правительственную награду — ордена и медали Советского Союза, когда в декабре 1945 года работникам

завода торжественно были вручены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 —1945 гг.», невольно хотелось сказать о них словами Николая Островского, ставшими девизом каждого советского человека:

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она даётся ему один раз и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, и чтобы, умирая, смог сказать, что вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Энергетика — это сердце завода.

Пусть будут по последнему слову техники отстроены и оборудованы цехи, пусть будут безукоризненно смонтированы и налажены станки, пусть будут прекрасные квалифицированные работники, но если нет электроэнергии, мёртвыми будут стоять станки и никакая сила не вернёт их к жизни. Когда же горячими струйками крови побежит по проводам ток, когда вольётся он в цех, вздрогнут и оживут станки и с радостью отдадут себя во власть человека. Шумом и гулом наполнится цех, закипит работа.

Когда началось строительство АТЗ, самым сложным и самым тяжёлым был вопрос энергетики. Никакой энергобазы, на которую можно было опереться хотя бы в первые месяцы строительства, в Рубцовске не было. Имеющаяся маленькая электростанция, очень незначительной мощности, которая обслуживала, фактически, только железную дорогу, абсолютно ничем; не могла быть полезна заводу.

Таким образом перед коллективом завода встала необходимость одновременного разрешения двух чрезвычайно сложных и ответственных задач: создания постоянной энергетической базы завода—ТЭЦ и организации какой-нибудь переходной энергобазы для обеспечения нужд строительства, монтажа оборудования и запуска ТЭЦ.

**Из воспоминаний Розалии Трдатьян, бывшего начальника
машинного отделения ТЭЦ АТЗ**

Газета «Боевой темп», 23 и 25 июня 1977 г.

Эвакуацию мне пришлось пережить дважды. В первый раз я с тяжелым сердцем покидала Николаев, уезжая в Сарепту близ Сталинграда. Горько было и оставлять Сарепту, зная, что враг рвется к Волге, а нас отправляют в глубину Сибири, в город, о котором раньше мы и понятия не имели.

Две недели двигался на Восток наш эшелон, обгоняя одни, и уступая дорогу другим многочисленным поездам с оборудованием и людьми. А навстречу лился непрерывный поток угля, леса, металла и провианта, всего, что нужно для победы над врагом, и этот поток укреплял нашу уверенность в победе советского народа и напоминал, что мы—матери, жены и вдовы бойцов, направляемся в глубокий тыл и не только для того, чтобы поставить на ноги ребят, которых было много в эшелоне, но и для того, чтобы своим трудом помогать победе, чтобы трудиться там, где очень нужны рабочие руки.

Вечерами и ночью эшелон проходил мимо непривычно освещенных городов и станций, и дети уже привыкшие к обстановке военного времени, спрашивали не фашисты ли это осветили дорогу и не будут ли нас бомбить.

В Рубцовске эшелон встретили. Грузовики повезли людей по немощеной Вокзальной улице, застроенной ветхими деревянными и саманными избами. Местами машины по ступицу вязли в грязи.

Разместили нас в деревянных бараках. Некоторых поселили в церкви. На долю моей семьи пришлось место на чердаке так называемого мансардного дома. Чердак был разгорожен на отдельные каморки брезентовыми полотнищами, а отапливался одной общей печью. Прямо скажу, эта печка плохо согревала нас во время сибирских морозов в ноябре и декабре 1942 года. Зато как мы были совершенно счастливы, когда получили на семью в 5 человек отдельную девятиметровую комнату в деревянном бараке.

Вспоминая эти дни, не могу не сказать, забегая вперед, что я навсегда сохраню глубокую благодарность Рубцовску за спасение наших детей от

бомбежек, за то, что прокормил нас, дал возможность приложить свои силы к делу защиты Родины, научил стойкости.

Сразу же по приезду меня направили на строящуюся ТЭЦ, назначив дежурным инженером. До пуска ТЭЦ я должна была работать в той же должности на энергопоезде.

Энергопоездом называлась построенная в Ленинграде Невским заводом имени Ленина передвижная электростанция, на которой все оборудование монтировалось в железнодорожных вагонах. Вагон с турбиной и вагон с электрическим и распределительным устройствами были вывезены из Ленинграда в готовом виде. Вагоны же с паровыми котлами были не готовы и их заменили два паровоза «ФД».

Эти паровозы были удивительно прожорливы, съедали массу топлива, а подача угля была слабо механизирована, приходилось лопатами нагружать его в вагонетки, подкатывать их к тендерам и лопатами же наваливать на ленточный транспортер.

Такую тяжелую работу выполняли пятнадцати-шестнадцатилетние пареньки и девчата из алтайских сел. Трудно было подавать уголь по двенадцать часов, в день, но ребята не унывали. Они знали, что без труда не будет электроэнергии для строительства завода и для уже работающих цехов.

Мы, дежурные инженеры, старались поддержать бодрость в своих сменах, рассказывали, как строится и работает завод, рассказывали, что скоро на смену энергопоезду придет ТЭЦ, где труд будет хорошо механизирован, и рабочие будут выполнять квалифицированную и интересную работу. Старались мы и подкармливать ребят, пекли в золе картошку и сахарную свеклу. Несколько лучше, но все же примитивно, было механизировано удаление шлака из ямы, находившейся под паровозами.

Очень напряженно проходили чистки от раскаленного шлака паровозных топок. Пока подламывали и выгребали шлак, не хватало пара для турбины и приходилось на время чистки отключать часть потребителей. Поэтому старались очищать топки очень быстро. Ни о какой передышке не

могло быть и речи. Кочегарами работали квалифицированные кадровые рабочие Рубцовского паровозного депо. Однако иной раз дежурные инженеры, забыв свой сан, сами брали в руки лом или гребок и помогали кочегарам быстро заканчивать изнурительную работу.

Много беспокойства доставляли нам инжекторы, подающие воду в котел и другие механизмы и устройства. Паровозы были приспособлены к работе с частыми остановками, во время которых можно и профилактикой заниматься и подремонтировать то, что неисправно. У нас же времени для профилактики не было: перебои в работе паровозов вызывали отключение части цехов.

Душой всего, что делалось в котельной энергопоезда был ее начальник Д. М. Гофман, работавший раньше начальником котельной ТЭЦ ХТЗ. Это был большой труженик, человек с беспокойным характером, во все вникавший и не уходивший с энергопоезда, пока не будет все подготовлено для надежной работы. Он был очень требовательным и вместе с тем внимательным и заботливым. Его стараниями над паровозами, работающими под открытым небом, было построено здание-тепляк. При строительстве тепляка Давид Моисеевич был смертельно травмирован.

Я недолго работала вместе с Д. М. Гофманом, но всегда буду помнить этого трудолюбивого и душевного человека.

Непроста была работа вагона-турбины. Пар от паровоза содержал много солей, которые откладывались на лопатках и лабиринтных уплотнениях. Периодически приходилось останавливать и вскрывать турбину для удаления отложений. Запуск турбогенератора надо было делать четко, быстро и безошибочно. Даже небольшие упущения приводили к тому, что приходилось прерывать запуск и долго ждать, пока остынет турбина. А завод в это время не работал, ожидая энергию.

Нагрузка на турбогенератор резко колебалась из-за очень неравномерного потребления энергии для плавки стали. Колебания были так велики и резки, что регулирование не справлялось, и турбина то теряла

обороты, то набирала их, едва не идя вразнос. Машинисты с трудом выдерживали двенадцатичасовую смену.

В электрической части были свои трудности. В моей смене дежурным электромонтером был совсем еще мальчик рубцовчанин Саша Дружинин. Он отличался любознательностью, сообразительностью, трудолюбием и был хорошим помощником для меня. Не случайно, конечно, Дружинин стал впоследствии одним из лучших дежурных инженеров ТЭЦ, а потом и ее главным инженером.

Прямая зависимость заводского производства от нашей работы хорошо ощущалась работниками энергопоезда. Все знали, что напряженный тяжелый труд при трудных бытовых условиях — это вклад наш в дело разгрома врага. Руководство завода ценило наши усилия и поощряло их. За успешное выполнение заданий по литью чугуна и стали премировали не только литейщиков, но и рабочих энергопоезда. В виде премии давали замечательные по тому времени стахановские обеды. Мясное блюдо завершенное печеной свеклой — это было здорово!

В январе 1943 года начала работать ТЭЦ и меня перевели туда.

После пуска первой турбины и стационарного парового котла ТЭЦ смогла снабдить электроэнергией не только наш завод, но и «Алтайсельмаш», а после пуска второй по счету турбины и еще двух котлов ТЭЦ стала единственным источником электроэнергии для всего города, так как имевшаяся маленькая железнодорожная электростанция была демонтирована и вывезена, а энергопоезд еще раньше увезли на другую стройку. Ответственность нашей работы стала, пожалуй, еще выше, чем была на энергопоезде.

ТЭЦ была смонтирована из старого оборудования, с большими упрощениями и без всяких резервов. Надежность ее была низкой. Поломки и неполадки происходили часто. При полном отсутствии резервов отказ любого механизма или узла, например, одного насоса, приводил к полной остановке

станции. Завод прекращал работу, а если это было ночью, то и завод, и поселок погружались во мрак.

Для несения предельной нагрузки и для выполнения многочисленных ремонтов приходилось работать, не зная ни выходных, ни нормального отдыха между сменами. Сутки, а иногда и двое-трое суток не уходили со станции. Труд был самозабвенным, смею сказать, героическим.

Подростков мы берегли, не задерживали после смены. Однако были среди них такие, которые никак не хотели отставать от взрослых. Приходилось чуть не силой отправлять их на отдых. Иногда, когда под утро турбина запускалась после ремонта, неожиданно появлялся паренек, участвовавший в ремонте, но давно отосланный домой. Оказывается, он прикорнул где-то на станции и «вовремя» вышел, чтобы участвовать в пуске и вместе со взрослыми ремонтниками видеть, как пошла машина.

Бывало и так, что к концу большой напряженной работы обнаруживалась неудача и вместо отдыха надо было снова начинать все сначала. Удивительно, что на это находились силы, хотя, казалось, что они уже были исчерпаны.

Откуда брались силы? Вероятно, от знания крайней необходимости нашего труда. Ведь аварийный выход в ремонт агрегата на ТЭЦ или несвоевременный ввод его в работу после ремонта вызывали простои тысяч людей и сокращение выпуска тракторов и запасных частей, так нужных стране.

Много значила и царившая в те грозные дни атмосфера дружбы и взаимной поддержки. Эта атмосфера создавалась и повседневной заботой руководства об обработке наших огородов тракторами, об изготовлении для нас лопат, тяпок, тележек, о строительстве жилья, обеспечении водой, светом, теплом, мебелью, об организации медицинской помощи и готовностью каждого помочь товарищу. Рождение ребенка в чьей-то семье отмечалось коллективом. При этом необходимую утварь, которую негде было купить, изготавливали люди своими руками. Если кто-то в семье заболел, товарищи

помогал выхаживать. Если не могли достать лекарство, шил к директору завода, и директор доставал. Помогали друг другу обрабатывать огороды. Делились одеждой.

Трудный быт не ожесточал людей, а заставлял спланиваться, и в этом была наша сила.

Из воспоминаний Е. Роговой

Газета «Боевой темп», 11 августа 1977 г.

В грозные сороковые годы мы были молодыми, мечтали учиться, работать, любить. Но грянула, перевернув судьбы и желания людей, война. Там, где-то далеко на западе гремели смертельные бои, эхо которых долетало и до нас, рубцовчан, в приходе непрерывных эшелонов с ранеными, фронтовых письмах-треугольниках, похоронках, длиннющих очередях за хлебом, в суровых, тревожных глазах людей.

Сегодня хочется рассказать, как жили мы тогда, как работали. На завод я пришла в сорок третьем году. Было мне шестнадцать лет. Подростки тогда работали по двенадцать часов в сутки. Трудное время было. Цехи не отапливались, руки коченели от холода, да что там руки — эмульсия замерзала. Отпуска не предоставлялись, работали не считаясь со временем, с выходными. Одевать было нечего: летом ходили, в обуви — деревянных колодок — так мы их называли.

Жила я в заводском общежитии. Тридцать человек в комнате, в которой стояли двухъярусные кровати, да рядом в углу лежали тридцать мазутных фуфаяк. Посуды не было: ни ведер, ни кастрюль, ни кружек, ни тазиков. Душевых ни на заводе, ни в общежитии тоже не было.

В сорок четвертом году вступила я в комсомол, в комнате меня выбрали старостой. Девчата откомандировали меня в комсомольское бюро цеха. Честно говоря, не верилось тогда, что нам помогут, но партийная, комсомольская организации откликнулись на наши просьбы: выделили посуду, отгородили и покрасили «угол» в комнате под одежду, на окна дали

простыни, из которых мы сшили шторы, на стол вместо скатерти тоже простынь приспособили, и комната преобразилась. Хорошие девчата жили со мной вместе: Маша Степаненко, Вера Войшова, Валя Романенко, Лида Ткаченко. И какая была радость, когда в социалистическом соревновании наша двадцать восьмая комната заняла первое место. Всем нам выделили премию: материал — хаки на юбки и по кусочку мыла.

Отдыхали здесь же, во дворе общежития, в подвале был красный уголок, а в соседнем доме очень хорошая библиотека, в кино ходили в клуб, который заменяла пристройка около сельхозтехникума.

Утро каждого нового дня начиналось с радио, когда голос Левитана извещал об освобождении все новых населенных пунктов, городов. Что творилось в комнате в такие минуты! Нашу лучшую комнату трудно было узнать: девчата прыгали на двухъярусных кроватях, бросали подушки вверх, смеялись и плакали. Мы, подростки, очень ждали конца войны, ведь там, на фронте, были наши отцы, матери и братья.

Но несмотря на такие очень трудные условия жизни, мы, молодые тракторостроители, самоотверженно трудились на своих рабочих местах. «Все для фронта, все для победы» — этот лозунг стал нашим девизом. Ни на минуту нас не покидала вера в победу, она удесятерила наши силы и возможности, она помогала нам переносить все тяготы и лишения, ежедневно перевыполнять сменные задания. Мы жили одной думой — победить, и каждый здесь в тылу приближал этот желанный день.

Часть 4. Предприятия города

1. Алтайский завод тракторного электрооборудования

Из статьи Марины Анатольевны Кагикиной (энциклопедия «Рубцовск». – Барнаул, 2007 г.)

Решение о строительстве завода принято 02 августа 1942 года. В 1943 году в Рубцовск стало поступать оборудование Московского АТЭ-1 и Ленинградского карбюраторного заводов. Площадка для строительства была

выбрана рядом с Алтайским тракторным заводом с целью использования его энергетической базы и железнодорожных подъездных путей. В 1944 году сдан под монтаж цех № 1, началась установка станков, их наладка и освоение. 5 июля 1944 года выпущены первые изделия: фильтры-отстойники, бензокраники, заливные воронки, тавотницы. Эта дата стала днем рождения АЗТЭ. В августе 1944 года приступил к работе участок ремонта магнето. В 1945 году вступил в строй корпус № 3 (в нем разместились: инструментальный цех термического отделения, ремонтно-механическая и электросиловая службы), литейный цех. В 1944 году коллектив АЗТЭ насчитывал 190 чел., из них 80% — женщины и подростки. Было выпущено 20 420 изделий. В 1945 году началось производство тракторных карбюраторов...

Из цикла статей Климентия Романовича Севастьянова «Город в степи»

Газета «Коммунистический призыв», 7 июля 1977 г.

В 1943 году были проведены организационные меры и предприняты первые шаги к проектированию и строительству завода тракторного электрооборудования. Директор АТЗ своим приказом от 3 октября 1942 года создал управление строительством АЗТЭ с непосредственным подчинением его своему заместителю по капитальному строительству. Такая мера явно сдерживала строительство нового завода так как у тракторного было много своих хлопот. Однако руководство тракторного пыталось оказать управлению строительством и руководству будущего завода помощь: им была выделена одна квартира в строящемся 8-квартирном доме, отдана в распоряжение управления полуторка, а вот лошадью разрешалось пользоваться новому руководству строящегося завода только в определенные часы по особой заявке и с особого разрешения конного двора АТЗ.

У нового же управления строительством на первых порах, кроме ста погонных метров однопутки, лежащей на пустыре будущей заводской

территории, да дощатого сарая, за душой ничего не было. Все начинали, как говорится, с нуля.

Первый корпус на территории завода появился только к середине 1944 года. Тут же началось производство фильтров-отстойников, тавотниц, заливных воронок, развернулись работы по ремонту тракторных магнето. Таким образом, 1944 год явился годом рождения Алтайского завода тракторного электрооборудования. В дальнейшем он получил самостоятельное развитие. В строй действующих вступило третье по счету предприятие союзного значения.

2. Артели города

Из статьи А. Орлова «Артельным трудом»

Газета «Коммунистический призыв», 18 апреля 1987 г.

В период становления наш город Рубцовск, а именно в тридцатые и сороковые годы, не имел промышленных предприятий союзного значения. В середине 30-х годов было начато строительство единственного солидного предприятия — сахарного завода в южной части города. Он так и остался недостроенным. На его месте потом разместился завод «Алтайсельмаш». Из крупных предприятий того же периода более внушительно выглядели мельзавод «Главмука», Мясокомбината и Птицекомбината, а доминирующее положение занимала местная и кооперативная промышленность, и ведущая роль принадлежала кооперативным артелям.

Артелей в 1939 году насчитывалось всего 6. В годы Отечественной войны добавилось еще четыре пошивочных промысловых артели.

И вот трудовая деятельность коллективов этих промышленных артелей, как до войны, так и в послевоенный период, определяла жизненный уровень населения города: кормила, одевала, снабжала товарами первой необходимости, и не только города, но и населения сельской местности - колхозы, совхозы.

Из ведущих артелей в первую очередь следует отметить артель «Сбыт». Коллектив этот славился в городе своими хлебобулочными изделиями. Хлебопекарные цеха артели «Сбыт» располагались в квартале ул. К. Маркса и М. Горького, севернее Центрального переулкa с выходом на базарную площадь. Артель располагала тремя большими подовыми печами для выпечки хлеба и малыми печами для выпечки булочных изделий. Хлеб мастеров «Сбыта» славился хорошей выпечкой, отменными вкусовыми качествами, а сайка, которая поставлялась артелью для продажи в магазин, отличалась своим притягательным внешним видом и высокими вкусовыми качествами. Артель выпускала и кондитерские изделия, имела столовые. В общем, занимала ведущую роль в деле обеспечения населения города очень важным продуктом — хлебом и хлебобулочными изделиями. Председателями артели долгое время работали тт. Северин и Хворостинин. Надо отдать должное труду членов артели «Сбыт» и ее руководителям за их благие дела.

Металлическими и скобяными изделиями население города обеспечивал коллектив артели «Красный труженик». Эта артель находилась в квартале ул. Пролетарской и Пионерского переулкa в излучине реки Алей. Артель располагала двумя цехами: литейным и жестяным.

В литейном цехе была установлена небольшая плавильная печь — «вагранка» для выплавки чугуна. Здесь же располагался формовочный участок, где отливались различные чугунные изделия, печные плиты, дверцы-задвижки и небольшие литые изделия для сельхозорудий. В жестяном цехе изготавливались ведра, тазы, умывальники и другие емкости, в которых остро нуждалось население. Так что жидкий металл рубцовчане видели и знали в начале 30-х годов, а не в период начала работы крупных заводов АТЗ и «Алтайсельмаш», как иногда об этом отмечается в печати. Заслуга в обеспечении металлическими и железобетонными изделиями население города и колхозов, совхозов, принадлежит работникам артели «Красный труженик», ее председателю того периода Т. Овчинникову. Продажу своих

товаров артель производила в своих магазинах, ларьках, установленных на базаре и на главных улицах.

Пошивом верхней одежды, платьев, костюмов для населения города занимались коллективы артели «Соревнование» и инвалидская артель «Рассвет». Артель «Соревнование» размещалась в центре города по улице Барнаульской в деревянных зданиях, как раз теперь на этом месте расположены кирпичные корпуса фабрики того же названия, но другого профиля работы. А артель «Рассвет» тоже размещалась в одноэтажных деревянных домах на восточной стороне площади Кирова. Артель «Рассвет» и артель имени Чкалова имели свои парикмахерские, фотографии и часовые мастерские, так что обслуживание населения города, главным образом, производилось работниками промысловых артелей.

В период Отечественной войны наряду с ростом предприятий союзной промышленности значительно была расширена сеть предприятий республиканской, местной и кооперативной промышленности. Вновь выстроен и пущен в эксплуатацию в 1943 году на поселке АТЗ по ул. Сталина «Хлебозавод», макаронная фабрика пищекомбината по ул. К. Маркса (директор Степанова А. Н.). Открыта в 1945 году швейно-обувная фабрика по улице Вокзальной и Бульварному переулку. В барачном помещении на поселке АТЗ организована пошивочная артель им. Орджоникидзе (председатель Н. Н. Чаплыгин, который впоследствии долгое время возглавлял отдел коммунального хозяйства гор исполкома).

Производством трикотажных изделий и деревянных различных поделок занимался коллектив горпромкомбината (директор Прибытков). Здание комбината располагалось на Барнаульской улице и базарной площади.

В период Отечественной войны все коллективы предприятия местной и кооперативной промышленности подчинили свою работу требованию фронта. Изготавливалась одежда, обувь, белье, халаты, рукавицы и другие нужные вещи для бойцов Советской Армии.

С течением времени многие артели и предприятия местной промышленности были реконструированы и на их базе созданы более современные производственные объекты, с новой технологией производства товаров народного потребления. Бывшая артель «Соревнование» переросла в механизированную фабрику трикотажных изделий, хлебопекарня на поселке АТЗ усилиями коллектива и бывшего директора хлебозавода Щербакова М.Ф. стала комбинатом, ведущим предприятием города по обеспечению населения хлебом и хлебобулочными изделиями. Созданы заново мебельная фабрика, швейная фабрика, расширены цеха пищекомбината, вновь выстроены цеха хлебокомбината. И все это сделано трудом рубцовчан. Хвала им за этот самоотверженный труд.

3. Железная дорога

«Рубцовский тыл в годы Великой Отечественной войны», дайджест, составитель Т. Г. Сахабутдинова. - Рубцовск, 2000 г.

Огромный вклад в общенародное дело разгрома врага внесли железнодорожники. На станции Рубцовка еще в первый год войны зародилась ценная инициатива - изготавливать запчасти для ремонта своими силами, отказавшись от получения их со специальных заводов- Машинист Стрижкин предложил прибор для определения скорости движения паровоза, слесарь заготовительного цеха, бывший первый председатель горисполкома А. Г. Турков, проявляя инженерный подход к решению технических вопросов, разработал конструкцию дополнительного привода для отдельного открытия жалюзи конденсатора. Кузнец Дорофеев изобрел штамп для изготовления болтов и поковок противоугонов, применение которых в 10 раз увеличивало выработку.

Производство всех этих приборов было освоено в депо. Изготавливая детали и узлы своими силами, рубцовские железнодорожники полностью обеспечили свою потребность в запасных частях. В депо производилось свыше 800 деталей, которые раньше поступали с завода.

Среди машинистов Рубцовского депо началось замечательное движение за рациональное расходование топлива. По инициативе машиниста депо Левичева паровозники стали за каждый рейс экономить большое количество топлива. Такой эффект достигался благодаря использованию в качестве топлива смеси угля, изгари и шлакоотсева, предложенного новатором-машинистом.

Почин был одобрен руководством края. В депо была организована школа по обучению машинистов умению экономить уголь. Только за шесть месяцев 1942 года в Рубцовске паровозные бригады сэкономили 2600 тонн угля, в Барнауле - 2000, в Славгороде - 1000 тонн.

Перестройка работы транспорта в условиях военного времени вызвала к жизни такое замечательное движение, как создание специальных колонн имени Государственного Комитета Обороны. Железнодорожники Барнаула и Рубцовска построили на свои средства бронепоезд "Железнодорожник Алтай".

Народной инициативой с первых дней рождены на железнодорожном транспорте общественные бригады женщин по погрузке и выгрузке вагонов, по очистке путей от снежных заносов. На станции Рубцовка заслуженной известностью пользовалась общественная бригада из семи патриоток под руководством домохозяйки П. Е. Стебляникиной. У нее было пятеро детей. Однако она ежедневно по несколько часов работала на транспорте, помогая быстрее продвигать грузы.

Домохозяйки Рубцовска и работницы железнодорожного узла обратились ко всем женщинам Алтая с призывом овладеть мужскими профессиями. Они писали: "Мы призываем всех женщин-домохозяек Алтайского края последовать нашему примеру и включиться в общенародную борьбу против фашистских бандитов. Становитесь к станкам, осваивайте профессии своих мужей, братьев и отцов".

Из книги Галины Петровны Шуба «На степных просторах. Очерки о Рубцовском районе и городе Рубцовске». - Рубцовск, 2018 г.

Из статьи «Здесь живет прошлое» (о музее локомотивного депо г. Рубцовска)

[Рассказывает руководитель музея Владимир Павлович Гончаров]

- В годы войны наше депо получило задание Наркомата вооружения на выпуск боевого оружия - минометов и автоматов ППШ. Для этих целей был создан экспериментальный цех. Большой вклад в выполнение этого задания внес слесарь - заслуженный рационализатор РСФСР Иван Антонович Чеботарев. Боевое оружие выпускали в течение двух с половиной лет с 1942 по 1944 г. Также локомотивное депо оказывало в военные годы огромную помощь в строительстве Алтайского тракторного завода и завода «Алтайсельмаш», обеспечивая их теплом и электроэнергией. С этой целью к стройплощадкам подгоняли два паровоза марки ФД (Феликс Дзержинский). Фактически паровоз - это была своего рода кочегарка на колесах, - рассказывает Владимир Павлович.

Из статьи «Боевой коллектив»

Газета «Алтайская правда», 30 ноября 1941 г.

Великая отечественная война советского народа против гитлеровской Германии предъявила большие требования железнодорожному транспорту. Перед транспортниками стала конкретная задача: военными темпами продвигать поезда, вовремя дать Красной Армии пополнение, вооружение и продовольствие, строго экономить подвижной состав, топливо и государственные средства, добиться резкого повышения производительности труда.

Эти задачи неустанно решает коллектив Рубцовского паровозного депо. С небывалой силой развернулось кривоносовско-лунинское движение среди паровозных бригад и рабочих депо. [Лунинское движение зародилось в январе 1940 года в Новосибирске. Инициатором движения стал машинист

паровозного депо в Новосибирске Николай Александрович Лунин. Суть его метода заключалась в выполнении текущего ремонта паровоза силами самой паровозной бригады, а не ремонтной бригады].

Если в довоенное время мы имели 14 лунинских паровозов, то сейчас их стало 32. Лунинские паровозные бригады почти весь ремонт своих локомотивов за исключением промывки котлов производят своими силами. За последние три месяца только на ремонте паровозов мы сэкономили 58.957 рублей государственных средств. Почти полностью ликвидирован межпромывочный ремонт.

Знатные машинисты-лунинцы тт. Татаринцев, Гаврилов, Пирогов, Самусов и многие другие не имеют ни одного случая межпоездного ремонта, они довели межпромывочный пробег локомотивов до 15—20 тысяч километров при норме 7 тысяч. За время войны паровозные бригады сэкономили тысячу тонн топлива.

Стремление выжать из техники все, что она может дать, перевыполнить производственную программу породило рационализаторскую мысль. Благодаря рационализации коллектив депо освоил подъемочный ремонт паровозов, которой в довоенное время производился в других депо. Сейчас мы уже отремонтировали несколько локомотивов. Коллектив успешно осваивает средний ремонт паровозов. Освоение подъемочного и среднего ремонта дает возможность полностью ликвидировать зависимость от других депо.

В довоенное время большинство запасных частей привозилось в наше депо извне, теперь же мы освоили производство почти всех деталей, требующихся для ремонта паровозов.

Перед нашим коллективом была поставлена задача — отлично и своевременно подготовить паровозный парк и депо к работе в зимних условиях. На выполнение ее мы мобилизовали всех рабочих, служащих, инженерно-технических работников и членов их семей. Были пущены в ход все силы, мобилизованы все ресурсы. Ремонт и отопление цехов, паровозного парка, подъездных путей и другие виды работ были проведены своими силами

и в рекордно короткие сроки. В подготовке к зиме большую помощь оказали домохозяйки. Они произвели побелку цехов, сделали шторы для паровозов, приобрели для них аптечки, очистили подъездные пути и принимали участие в общественном смотре готовности к работе в зимних условиях. 10 октября весь паровозный парк и депо были полностью подготовлены к зиме, паровозы и цеха получили паспорта готовности к работе в зимних условиях.

За образцовую работу по подготовке к зиме и перевыполнение производственной программы управление Томской дороги, политотдел и дорпрофсоюз вручили нам переходящее красное знамя. Эта награда еще больше воодушевила рабочих на самоотверженный труд. Сейчас в депо нет ни одного человека, который бы выполнял свое производственное задание ниже чем на 150 процентов.

Широко у нас развернулось, движение двухсотников и трехсотников. Больше половины рабочих выполняет свои производственные нормы на 200-300 процентов. Слесарь Евгений Шутов выполнил месячную норму на 286 процентов, Андрей Чумичев — на 369 процентов, котельщик Василий Маслов ежемесячно дает по три нормы.

Рабочие нашего коллектива, отвечая на призыв великого вождя и учителя товарища Сталина, работают не покладая рук. Они полны решимости отдать все свои силы для полного разгрома и уничтожения гитлеровских бандитов.

Е. ТРУБИЦИН, начальник Рубцовского паровозного депо.

Из статьи «Призыв патриотов»

Газета «Алтайская правда», 29 июля 1941 г.

В железнодорожном клубе состоялось собрание женщин-домохозяек города Рубцовска и Рубцовского железнодорожного узла. Присутствовало около 600 человек. Доклад о великой отечественной войне и задачах женщин сделала заведующая отделом пропаганды и агитации райкома ВКП(б) Мария Ивановна Береза.

Собрание приняло обращение ко всем женщинам-домохозяйкам Алтайского края. Печатаем текст обращения.

Героическим трудом ускорим победу над кровавым фашизмом

Обращение женщин-домохозяек города Рубцовска и Рубцовского железнодорожного узла ко всем женщинам-домохозяйкам Алтайского края. В грозный и решительный час, когда весь наш двухсотмиллионный народ, как один человек, поднялся на защиту великой социалистической родины против банды обнаглевших фашистских разбойников, когда наши братья и мужья с оружием в руках ведут священную отечественную войну, мы, домохозяйки, не должны оставаться в стороне от событий.

Мы хорошо знаем и твердо убеждены, что наша доблестная Рабоче-Крестьянская Красная Армия, прославившая себя героическими победами на многочисленных фронтах против капиталистических захватчиков, сумеет и на сей раз показать свою всепобеждающую силу, наголову разгромить фашистскую кровавую клику.

Мы также хорошо знаем и то, что наша любимая Красная Армия, Военно-Морской Флот и наша Авиация будут в несколько раз могущественнее, если мы будем, не покладая рук, работать в тылу, если жены, матери и сестры ушедших в Красную Армию овладеют профессиями своих братьев, мужей, сыновей, будут упорно бороться за выполнение планов очередных хозяйственно-политических задач, давать для фронта больше хлеба, обуви, одежды, продуктов, повседневно укреплять экономическую мощь нашей родины, ускоряя победу над врагом.

Мы, жены, сестры и матери ушедших в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, объявили себя мобилизованными и готовы в любую минуту заменить ушедших на фронт братьев, мужей и сыновей. С сегодняшнего дня на предприятиях Рубцовского железнодорожного узла организуются кружки технической учебы, в которых женщины железнодорожного транспорта будут

обучаться специальностям помощников машиниста, кондукторов, слесарей, токарей и другим.

В Рубцовскую школу механизации сельского хозяйства ежедневно прибывают десятки женщин, которые будут изучать комбайн и трактор. Жены рабочих и служащих Веселоярской МТС также приступили к овладению этими машинами.

Жены, матери и сестры транспортников Рубцовского узла обязались отремонтировать своими силами 9 километров железнодорожного пути, а заработанные деньги передать в фонд обороны нашей родины.

Жены работников Рубцовского отделения Заготскот взяли обязательство накопить 15 тысяч центнеров сена и передать его в фонд Красной Армии. Все они дружно вышли на сеноуборочные работы.

45 домохозяек коллектива Рубцовского отделения Заготживсырье вышли на уборку сена в колхозе им. Молотова и обязались оказывать колхозникам повседневную помощь в проведении всего цикла сельскохозяйственных работ.

В ряде коллективов города, на железнодорожном узле организованы кружки по сдаче норм на значок ГСО [Готов к санитарной обороне]. В них обучаются сотни женщин.

Все эти факты свидетельствуют об искреннем стремлении советских женщин превратить нашу великую родину в единый лагерь самоотверженных бойцов и своим героическим трудом ускорить победу над кровавым фашизмом.

Мы призываем всех женщин-домохозяек Алтайского края последовать нашему примеру и включиться в общенародную борьбу против фашистских бандитов. Становитесь к станкам, осваивайте профессии своих мужей, братьев и отцов, организуйте кружки по изучению военного дела и санитарного минимума. Будьте готовы в любую минуту стать грудью на защиту своего отечества, создавайте женские бригады для помощи колхозам по уходу за посевами, заготовке кормов и уборке обильного сталинского урожая. Приводите

в действие все трудовые резервы и повседневно выполняйте производственные планы. Не покладая рук, с удесятенной энергией делайте все от вас зависящее, чтобы дать нашим доблестным бойцам, мужественно ведущим священную отечественную войну, больше хлеба, одежды, обуви. Всегда помните, что вражеские элементы попытаются распускать всевозможные провокационные слухи. Будьте бдительными, выявляйте и разоблачайте провокаторов, ведите с ними беспощадную борьбу. Требуйте от себя дисциплинированности, выдержанности и самоотверженности.

Все, как одна, сплотимся вокруг нашей славной коммунистической партии, дорогого и любимого вождя великого Сталина!

Повторяя слова товарища Молотова, мы заявляем: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!».

По поручению собрания подписали члены президиума: Екатерина СМЕРНОВА, Мария БЕРЕЗА, Надежда ДОЛГОВА, Пелагея МАЛЫШЕВА, Анастасия ТЕРЕХОВА, Александра ГАВРИЛОВА, Надежда ДОРОХОВА.

Из статьи Романа Сидорова «В боевой готовности»

Газета «Гудок», 22 апреля 2016 г.

По официальным данным, на Алтае не было изготовлено ни одного бронепоезда, участвующего в Великой Отечественной войне. Однако в действительности эти данные не соответствуют истине. На средства алтайских железнодорожников в Новокузнецке (в военные годы имевшем название Сталинск) был создан бронепоезд «Железнодорожник Кузбасса», укомплектованный паровозными бригадами из Алтая. В прифронтовой полосе действовали локомотивные бригады, в которых трудились и алтайские машинисты. Но самым грозным оружием стала «крепость на колесах» под названием «Железнодорожник Алтая».

С первых дней войны стало ясно, что бронепоезда являются весьма эффективным средством поражения живой силы и техники гитлеровских захватчиков. Экипажи стальных машин успешно обороняли

железнодорожные узлы и станции от пехоты, авиации и даже танков противника. К началу активного наступления советских войск летом 1942 года именно сибирские бронепоезда пополнили ударные силы нашей армии на передовой.

«Сибирские железнодорожники взялись за строительство бронепоездов, которые видели в основном только по картинкам и фотографиям. Однако рабочая смекалка, желание помочь фронту скорее разгромить ненавистного врага помогли справиться с поставленной задачей», – читаем в хронике тех лет.

На Алтае к строительству «крепости на колесах» приступили в ноябре 1941 года работники Рубцовского паровозного депо.

– Было сформировано три бригады из рабочих локомотивного и вагонного депо, – рассказывает заведующая музеем истории Алтайского региона железной дороги Ольга Бучнева. – Один из бригадиров Георгий Федоскин после завершения строительства бронепоезда в мае 1942 года был удостоен ордена Трудового Красного Знамени и награжден Почетной грамотой Военного совета Сибирского военного округа. Главная задача для депоцев той поры была собрать и полностью оборудовать бронеплощадки для бронепоезда, названного затем «Железнодорожником Алтая». Это было очень тяжело и в техническом плане, и в плане разработки новых конструкций. Но с поставленной задачей наши железнодорожники справились с честью.

Рубцовские депоцы обустривали оружейные гнезда для орудий и крупнокалиберных пулеметов, оборудовали вращательные механизмы для работы бронебашен. Были выбраны и модернизированы под бронеплощадки три железнодорожные платформы, у которых значительно упрочнили рамы. Бригада колесного мастера Николая Касурина в минимальные сроки снабдила их рессорами с добавочными листами, новыми буксами и надежными тормозами.

Работы по переоборудованию велись круглосуточно. Кому-то может показаться, что люди боялись попасть под безжалостный маховик репрессий,

вот и работали до изнеможения. Однако в реальности железнодорожники всеми силами желали помочь своим товарищам, воевавшим с оккупантами. Их жены и сестры приносили им еду прямо на рабочие места. Отвлечение на сон и прием пищи было минимальным, ведь к началу весны 1942 года бронепоезд должен был отправиться на фронт.

По свидетельствам очевидцев тех событий, подготовка всего необходимого для бронеплощадок, кроме брони из Новокузнецка, была произведена на месте, в депо Рубцовск. В декабре 1941 года готовые бронеплощадки прибыли в Новокузнецк, где их по-новому обшили в броню, предварительно сняв и закалив установленные ранее броневые пластины. Толщина брони составляла: лобовая – 40 мм, боковая – 30 мм, от пола до низа колес – 20 мм. Если бы не изначальный точный расчет и подгонка прочности железнодорожных платформ, вагоны просто не выдержали бы этой нагрузки.

Вместе с товарищами из паровозного депо Сталинск железнодорожники Рубцовска дооснастили построенный бронепоезд – поставили необходимое вооружение и телефонную связь. Со станции Болотная для строящегося бронепоезда пригнали одетый в броню паровоз.

В боевое формирование бронепоезда, по отчетным документам военной поры, как правило, входили бронепаровоз, две крытые и две открытые артиллерийские бронеплощадки и четыре двухосные контрольные платформы. На крытых бронеплощадках устанавливались две пушки, четыре бортовых станковых пулемета в шаровых установках. На открытых бронеплощадках имелись полуавтоматические зенитные пушки. В середине бронеплощадок размещались реактивные установки. На двухосных контрольных платформах находился аварийный комплект материалов и противопожарного инвентаря: рельсы, шпалы, крепления, ящики с песком, лопаты, путевой инструмент, подъемные башмаки. Команды бронепоездов формировались в основном из добровольцев-железнодорожников, овладевших несколькими железнодорожными и военными профессиями.

Из бронепоездов «Лунинец» и «Железнодорожник Алтай» сформировали 49-й отдельный дивизион.

– Многие алтайские паровозники и вагонники подали заявления с просьбой зачислить их в команды бронепоездов, – отмечает Ольга Бучнева. – Отбор был строгий. В конечном итоге, дивизион на фронт повели сибирские машинисты Иван Токарев, Петр Хурсик, Михаил Шипачев и Алексей Михайлов. Бронепоезда участвовали в боях с немецко-фашистскими захватчиками под Воронежем, на Курской дуге, на Правобережной Украине, в Чехословакии и Польше. Под Воронежем в одном из боев экипажу «Железнодорожника Алтай» удалось остановить активное продвижение немцев во время фланговой атаки. Вот как этот бой описал в своей книге «Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945» бывший министр путей сообщения СССР Николай Конарев:

«Фашистское командование разработало операцию уничтожения бронепоездов 49-го отдельного дивизиона, главная роль в которой отводилась авиации. Во время очередного огневого налета над бронепоездами появились 36 самолетов противника, в основном штурмовики «Юнкерс-87». Им удалось разбить путь, лишить возможности отхода бронепоезда «Железнодорожник Алтай». Но команды бронепоездов вели ответный огонь из всех зенитных пушек и пулеметов. Несколько самолетов повреждены и скрылись. Остальные атаковали. «Лунинец» продолжал отстреливаться. На «Железнодорожнике Алтай» осталась всего одна зенитная установка, разбит котел, сброшены с рельсов несколько бронеплощадок. Погибли командир бронепоезда И. Реунов, старший машинист И. Токарев, вся локомотивная бригада, отделение разведчиков. Лишь когда стемнело, закончился этот поединок. Фашисты недосчитались нескольких самолетов. Своему командованию они сообщили о полном уничтожении дивизиона. Последующие события опровергли это сообщение.

Затратив всю ночь на восстановление пути и боевого оборудования, команды бронепоездов к утру следующего дня уже были в состоянии полной

боевой готовности и успешно отразили контрнаступление фашистов, уверенных в гибели бронедивизиона».

Так же, как и «Луинец», «Железнодорожник Алтая» встретил Великую Победу в Польше, недалеко от местечка Оппельня. Его фронтовой путь был увенчан неувядаемой славой и настоящими боевыми подвигами сибиряков, внесшими существенный вклад в разгром гитлеровской Германии.

4. «Мельник» (мельзавод № 16)

**Из статьи Бориса Шубина «Всё для фронта, все для Победы...»
Газета «Местное время», 25 октября 2007 г.**

День 22 июня 1941 года был воскресный. Рабочие и служащие мельзавода № 16 проводили массовую прополку картофеля на личных участках и на полях подсобного хозяйства и поэтому только к концу дня узнали о случившемся.

Наступили дни, полные тревог за свою Родину, за свой завод, за своих родных и близких, уходивших на фронт на защиту Отечества. Уходили лучшие кадровые рабочие и служащие мельзавода № 16, лучшие мужчины, в расцвете своих сил, и не каждому было суждено вернуться домой, на родное предприятие.

В первые дни войны [было мобилизовано более 25 человек]. Но завод продолжал работать и не мог не выпускать продукцию, не снижая темпов. Хлеб был нужен всем: армии, рабочим и служащим заводов, их семьям, труженикам тыла и всему населению. Рабочие места ушедших на фронт мужчин заняли женщины и подростки.

Оставшихся мужчин ставили только на сугубо мужские профессии. Это были - кочегары, машинисты паровой машины, дизелисты, кузнецы, грузчики на тарных упаковочных грузах. А поскольку всех рабочих не хватало для организации трехсменной работы, рабочий день устанавливался 12 часов. Зачастую бригады после 12 часов работы оставались на проведение неотложных работ на погрузке и разгрузке железнодорожных вагонов с

хлебными грузами. Были дни, когда скапливалось большое количество вагонов с зерном. Но люди не роптали, ибо понимали, что солдатам на фронте, на передовой еще тяжелее.

Осложнилась существенно и работа размольного цеха. Муки нужно было дать больше сегодня, чем вчера, а завтра еще больше, чем сегодня. Соответственно была пересмотрена и технология очистки зерна в зерноочистительном отделении. Были созданы две самостоятельные линии: очистки тяжеловесного зерна - пшеницы, риса и легковесного зерна - овса, ячменя, проса.

Трудно приходилось крупчатникам военного времени А. Ф. Вершинину, И. А. Аксендрусу, Г. И. Телегину. Каждый новый вид сырья - это новая ломка технологической линии, это учеба кадров, это освоение нового помола. А приходилось молоть все, что годилось для питания - пшеницу, рожь, ячмень, овес, просо, сорго и даже соевый жмых.

Нельзя забыть героический труд тех женщин, которые в трудные годы войны сумели выстоять, не сломались в продолжении всех испытаний военных лет. Совсем молодой пришла на мельницу М. Ф. Максина. Это была очень хрупкая девчонка, выросшая у мачехи, повидавшая все невзгоды жизни в семье и на производстве. Достойны восхищения присущая ей сила духа, способность заставить себя работать постоянно на пределе своих физических возможностей. Лучшей характеристикой ее труда - приказы директора мельзавода № 16 военных 1941-1945 годов. В каждом праздничном приказе М. Ф. Максина награждалась Почетными грамотами и ценными подарками. Да и не только к праздникам, а многократно, в течение каждого военного года за высокие показатели в труде.

Высокие трудовые показатели были присущи Т. И. Парамоновой, которая строила мельзавод от первого камушка до последнего штриха отделки. Она осталась работать в мельнице после пуска ее в эксплуатацию, осваивая одну за другой все мельничные профессии. М. Ф. Максина и Т. И.

Парамонова в военные годы трудились в должности сменных крупчатников (бригадиров), их фотографии не снимались с Доски почета.

Каждая единица оборудования, действующий механизм, требовали периодического ремонта, замену рабочих узлов и деталей. Но промышленные предприятия страны во время войны перестали выпускать оборудование для переработки зерна, запасные части и ремкомплекты к ним. Много приходилось делать своими силами, вручную. Для пробивки шелковых сит к рассевным рамкам нужны были гвоздики «ТЭКС». Такой же был способ изготовления крепежных болтов, строительных гвоздей, сферических шайб для элеваторных норийных ковшей (конструкции Ю. В. Кондратюка), простые шайбы, гайки всех видов, весь инструмент - слесарный и токарный, всего не перечислить, что делалось в мастерских мельзавода № 16. И все это делали люди, мастера-универсалы высокого профессионального мастерства, которые все умели, хотели и придумывали бесконечное множество различных приспособлений, облегчающих труд, повышающих их производительность.

Все было сложно и все было трудно. Разгрузка зерна из железнодорожных вагонов осуществлялась вручную плицами или совковыми лопатами больших размеров, которые изготавливались в местной кузнице. Чтобы уложиться в установленное время, не допустить простоя, в четырехосный вагон ставили 10-14 женщин и с двойной перекидкой выбрасывалось зерно из вагона в приемный ларь элеватора. Таким же был способ разгрузки автомашин и гужевого транспорта. Погрузка муки в ж. д. вагоны осуществлялась только вплечевую, с переноской мешков на плече на расстояние 25-30 метров. И это при недостатке грузчиков-подростков. Зачастую на эту работу привлекались женщины-добровольцы, которые наравне с мужчинами носили мешки весом 40-50 кг.

Низкий уровень механизации, фактически только ручной труд был в выбойном отделении мельницы.

Затаривание готовой продукции осуществлялось на аппаратах типа «Работник», взвешивались мешки с мукой и контарились на площадочных

весах, врезанных в пол, куда рабочая-женщина на ручной тележке накатывала мешок. Взвешенные мешки откатывались на «выставку», где женщины-зашивалки шпагатом, с помощью ковенной иглы, зашивали мешки. После зашивки вновь тележкой мешки с мукой подвозились к транспортеру, сбрасывались на него и отправлялись по ленте в мучной склад. Лучшие выбойщики в паре с зашивалкой - М. Фоминых и Т. Щербакова - затаривали и зашивали по 700-750 мешков в смену.

Приходили похоронки, возвращались раненые и инвалиды. Новое поколение - молодые, безусые ребята уходили на фронт. Мельзаводу № 16 приходилось не только кормить армию, но и принимать самое активное участие в восстановлении здоровья раненых солдат. По требованию Комитета обороны срочно освобождались помещения клуба и конторы под тыловой военный госпиталь. Силами мельзавода было осуществлено переустройство помещений под лечебные палаты и процедурные кабинеты, был организован блок питания, выделено из числа работающих необходимое количество женщин для санитарной службы. Мемориальная доска на фасаде клуба говорит о том, что с 27 июля 1941 по 12 июля 1943 года здесь размещался военный госпиталь № 1232. Многие раненые восстанавливали здесь свое здоровье, возвращались на фронт, либо к мирному труду по состоянию здоровья. Немало их вернулось на мельзавод № 16. Они в полной мере своих сил и возможностей продолжали свою борьбу против ненавистного врага здесь, в тылу, на своих рабочих местах.

В годы войны в труднейших условиях выращивали хлеб. Женщины, подростки, старики пахали, сеяли, убирали. На конных, бычьих упряжках зерно возили на элеватор мельзавода. Трудно представить себе, что порою вереницы в сотню и более подвод стояли в очереди у ворот предприятия, так как все операции по приемке совершались вручную. Из приказа № 72 от 20 июля 1943 года по мельзаводу № 16: «... для лучшего обеспечения транспортных работ на мельзаводе, создать транспортную бригаду, состоящую из пяти одноконных упряжек, пяти двуконных упряжек, четырех

парных бычьих упряжек, одной легкой упряжки в распоряжении директора, одной грузовой машины ГАЗ-АА».

Бережливость и экономия во всем - таков незыблемый закон военного времени. Особенно бережное отношение было к хлебным ресурсам. Ко всем потерям, уже не говоря о хищениях, применялись строжайшие меры наказания в уголовном порядке. Строгое отношение было и в соблюдении трудовой дисциплины. И каждый в глубине своей души чувствовал это, каждый член коллектива являлся стражем государственного имущества, народным контролером, без каких-либо общественных поручений в этом направлении. Лозунг «Что ты сделал - для фронта?», написанный на стене здания мельницы, напоминал каждому входящему через заводскую проходную на территорию, что самый высокий долг каждого - сделать больше и лучше, ибо все во имя Победы.

Несмотря на все трудности и сложившуюся обстановку военного времени, из поля зрения администрации и партийной организации, профсоюза не упускался ни один человек, его личная жизнь. Всеми возможными и доступными средствами улучшались условия труда и быта, создавался прожиточный минимум.

Еще в довоенное время было создано подсобное хозяйство. В военный период оно расширилось, увеличилось поголовье скота, птицы, посевных площадей. Его продукция была единственным источником поставки продукции для заводской столовой, детского сада и яслей. Хорошо организованное трехразовое питание в столовой мельзавода было ощутимой поддержкой работоспособности коллектива и, кроме того, дифференцированный по трем категориям метод обеспечивал стремление каждого члена коллектива быть зачисленным в «стахановцы» и «ударники», так как «общее» питание было несколько ниже, по своей питательности.

Все было направлено на повышение действенности и эффективности социалистического соревнования. Успехи победителей предавались широкой гласности через стенную печать, боевые листки, отмечались приказами по

мельзаводу. Самых активных рабочих и служащих награждали Почетными грамотами, премировали материальными вещевыми подарками, в основном, из фондов, накопленных за счет своего подсобного хозяйства (поросята, телята, гуси, сено и т. д.), отрезами хлопчатобумажной ткани или готовыми изделиями предметов одежды, изготовленных в своих мастерских.

Обстановка в стране подсказала администрации, что многие вопросы должны решаться на месте, исходя из собственных возможностей. Срочно был организован ряд мастерских - пошивочная, сапожная, пимокатная, которые работали на обеспечение нужд своих рабочих и служащих. На изготовление изделий мастерские в основном расходовали материально-сырьевые ресурсы, полученные со своего подсобного хозяйства - шерсть, кожа. На материальном складе всегда имелась хлопчатобумажная ткань типа «хаки», используемая на пошив одежды повышенного качества, а более простые изделия - телогрейки, комбинезоны, рабочие костюмы изготавливались из бязевых мешков, освобождавшихся из-под импортной муки, покрашенные в нужный цвет после стирки. В сапожной мастерской на подошву изготавливаемой обуви с успехом применялись транспортерная лента, обрезки прорезиненных, бывших в употреблении ремней. Организация служб самообеспечения коллектива и их семей - одна из сторон, присущая администрации, партийной и профсоюзной организаций мельзавода № 16 - забота о благосостоянии народа, о подрастающем поколении, о детях, очень многие из которых с первых дней войны лишились отцов и остались на обеспечении матерей. А матери их трудились по 12 часов в сутки, в дни пересмен - по 18 часов. Многие из них, кроме производства, бесчисленных дел по дому, выполнения общественных поручений, готовили подарки для фронта - вязали теплые рукавицы, носки, шарфы, шили знаменитые кисеты с затейливыми вышивками. Эта забота, проявленная от глубоких чувств, и нежные письма так были нужны солдатам на фронтах войны. Это были маленькие искорки семейного очага, из которых разгоралась воля к беспощадной борьбе с врагом до полной победы.

Славные женщины мельзавода № 16, выполняя трудную, иной раз непосильную работу, не падали духом, находили силу воли оставаться ласковой матерью, проявляя вековую заботу о продолжении жизни на земле. Находили время и для душевной встряски. Уставшие, утомив свою детвору, по зову председателя заводского комитета профсоюзов Г. М. Пушиной собирались в красном уголке мельзавода (клуб был занят под госпиталь), готовили самостоятельные концерты для своего коллектива и для госпитализированных бойцов. Часто концерты заканчивались в 23 часа вечера и оставалось времени один час, чтобы собраться и идти на работу в ночную смену.

Нет, они не жаловались на трудности, они знали, во имя чего отдают свои силы. Да и совместно спетые песни только спланивали людей, укрепляли веру в скорую победу.

5. Мясокомбинат

Из статьи Нины Федюркиной «Выстояли в лихолетье войны»

Газета «Местное время», 9 июня 2005 г.

Остались женщины да дети

Можно сказать, что мясоперерабатывающая промышленность в Рубцовске стала той единственной клеточкой, внутри которой формируется собственная жизнь и побуждает к развитию все, что окружает ее. Ну, разве не так? Что представлял бы из себя наш населенный пункт в довоенные годы не будь в нем мясокомбината? Так, несколько сотен деревенских домишек, у обитателей которых, кроме частного хозяйства, нет иного интереса. А с появлением мясокомбината одни шли сюда на работу, другие получили возможность сдавать живность и таким образом тоже зарабатывать деньги. По этой причине за обеденными столами тогда во многих семьях о делах мясокомбината велась деловая степенная речь. Пока не грянула война...

Словно огненный смерч, словно молния в потемневшем небе, ослепило это страшное известие. Докатилось оно и до самых укромных уголков мясокомбината. Слова "Вставай, страна огромная!" прозвучали призывом и для коллектива. Началась мобилизация. На предприятии остались в основном женщины. Но ни одна из них не испугалась тягот, которые предстояло перенести без ушедших на фронт крепких мужчин.

Ловили рыбу, солили грибы...

Задачи и ответственность возросли: нужно было выжить самим и помочь фронту. На одном из собраний коллектив решил помимо переработки мяса заготавливать и другие продукты, заняться не свойственным ранее делом. Приказом руководства каждому работнику был доведен план по сбору грибов, ягод, дегтя, смолы, лозы, шиповника. Благо, места здесь были благодатные, степи и луга нераспаханные. Ловили даже рыбу, солили грибы, сушили ягоды. Потом все упаковывали бережно и отправляли на фронт.

- Все витаминчики нашим солдатам. Пусть полакомятся да фрицев покрепче бьют, - приговаривали женщины, собирая посылки.

Из шерсти со шкур скота пряли пряжу, вязали рукавички, носки и тоже отправляли на передовую. Не забывали и про тех, кто рядом жил. Представьте, собирали пузыри от переработанного скота, придавали им эстетический вид и делали детские игрушки. Очень забавный факт, как и сами получавшиеся поделки. Однако фантазия пионеров городской мясопереработки пошла дальше. Кто-то придумал собирать еще копыта и рога. Из копыт делали пепельницы, из рогов - гребешки, пуговицы. А из лозы, которой были богаты берега Алея, корзины плели.

Подсобное хозяйство на рубцовском мясокомбинате было всегда. Вот и в этом году здесь на свободной территории во дворе посадили чеснок, картофель, кабачки и прочие овощи. Но начало ему было положено в те военные годы. Рабочие сеяли овес, рожь, лук, чеснок. Словом, стремились выжить, во что бы то ни стало, назло всем бедам и врагу.

Так появилась первая бригада

Минуло три изнурительных года войны. Однажды, раскрашивая очередной бычий пузырь, кто-то из девчонок предложил: "А давайте объединимся в молодежно-комсомольскую бригаду по производству ширпотреба и будем задавать тон!". Сейчас, по прошествии 60 лет, трудно установить, кому принадлежала эта инициатива, зато имена членов первой бригады сохранились - это Малды Андрущук, Люба Максимова, Матрена Шуба, Валя Савиных и Вера Табаченко. Кого-то уже нет в живых. Но дела их вошли в историю такого замечательного предприятия как Рубцовский мясокомбинат. Своей смекалкой, мужественностью "бойцы тыла" внесли свою лепту в победу над фашизмом, над злом. Потому что не сгибались под тяжестью ноши, а еще подавали пример, и фронтовиков поддерживали конкретной помощью. Несмотря на страшное время, сохранили предприятие и коллектив.

В приказах директор писал...

О том, что жизнь, работа, мысли и чувства не остывали в эту лихоманку ни на день, говорят многие документы. И самым интересным, на наш взгляд, можно назвать книгу приказов директора по основной деятельности и личному составу. Читаешь ее, как увлекательный роман. За короткими строчками видится серьезный, работающий руководитель - настоящий хозяйственник, который знает, что происходит у него в каждой закутке предприятия и твердо регулирует процесс. Вот экземпляр, начатый 20 августа 1945 года. Это первые месяцы после долгожданной Победы над Гитлером. Нужно было поднимать разрушенную страну, и чувство ответственности директора и руководимого им коллектива присутствует в каждой фразе. Вот только несколько цитат: "Итоги работы за июль 1945 г. характеризуются следующим образом: "План по мясу выполнен на 140 процентов, по производству колбасы - на 260 процентов, по валовой продукции в н/цен - на

131,7 процента". Но директор не обольщается, видит и недостатки: "... но качественные показатели работы мясо-жирового и колбасного цеха крайне неудовлетворительны". И далее конкретно указывает, кто в чем недоработал: в результате нарушения стандарта по влажности колбасы вареной образовался перерасход говядины в 18 центнеров, по жировому цеху из-за отсутствия строгого контроля за техпроцессом недобран жир-топец. В итоге начальникам цехов и мастерам указано на плохой контроль и велено проработать приказ в коллективах.

Листая день за днем этот отрезок истории, видишь, что уже в то время на мясокомбинате был большой ассортимент выпускаемой продукции. Есть упоминание о колбасе говяжьей II сорта, колбасе "Минская" I сорта, вареной и других мясных изделиях, жире топленом и еще много о чём. К нарушителям техпроцесса и дисциплины, судя по записям, применялись строгие меры. А самым страшным злом считалось хищение. Увы, нечистые на руку люди находятся всегда. На них издавали приказы о передаче дела в суд. Зато добросовестные поощрялись.

Лучшим дарили пимы

В сентябре 1945 года мясокомбинату за успешное выполнение июльской производственной программы была присуждена Всесоюзная премия. В связи с этим событием много работников было премировано. А вот чем? Об этом читаешь с неподдельным интересом: начальника мясожирового цеха Т. Мешкову поощрить 200 рублями, бригадира - бойца скота Т. Коротаева - отрезом на костюм, кишечницу Т. Руденко - пимами, бондаря Т. Селютина - парой белья. Кто-то получил телогрейку, кто-то набор на сапоги. Давали рабочим уголь, дрова, мануфактуру. И таким образом было награждено 29 человек. И не единственный раз. Люди тогда были рады всему и считали такие вещи достойной наградой за труд.

Нина Федюркина

Часть 5. Повседневная жизнь

1. Жилищный вопрос

Из цикла статей Климентия Романовича Севастьянова «Город в степи»

Газета «Коммунистический призыв», 21 мая 1977 г.

Люди прибывали отовсюду: эшелоны доставляли эвакуированных, измученных долгой дорогой людей, на автомашинах и телегах везли вербованных из районных центров, Алтая, а из близлежащих сел шли пешком. Ехали и шли в Рубцовск, превращенный в эти дни в гигантскую строительную площадку. Рабочие руки нужны были всюду: и на стройке, и на производстве. На стенах покосившихся изб и заборов, на строительных площадках, одиноких и крайне редких столбах связи и электричества — всюду, вывешивались объявления с обращением. Требуются... Но гарантии на жилье, как правило, не выдавалось. Население города росло, как снежный ком. Надо было решать не только жилищную проблему, но и организовать снабжение питанием, обеспечить прибывающих одеждой, обувью, топливом, товарами и предметами первой необходимости.

В мае 1942 года вопрос о жилищном строительстве рассматривался на пленуме городского комитета партии. Из 4280 домов, составляющих городской жилой фонд, 382 дома были без крыш, 400 совершенно непригодных для жилья и 180 домов подлежали капитальному ремонту, т. е. четвертая часть жилого фонда на данный период была выведена из строя. Материальная же база городского коммунального хозяйства была крайне скудной. Так, в горкомхозе имелось в наличии 5 кубометров лесоматериала, 50 тысяч штук кирпича, 2 тонны алебастра, 300 килограммов извести. А строительная бригада комхоза состояла из двух печников, одного плотника, одного маляра и восьми подсобных рабочих. С этой дюжиной молодцов при столь слабой материальной базе нельзя было и думать хотя бы о малейшем облегчении в решении проблемы строительства и ремонта жилья.

В качестве временной меры было указано на необходимость разместить 35 семей в фонде строителей и 75 семей за счет уплотнения жителей города. Одновременно были переданы под жилье помещения, занимаемые ранее под гараж и столовую госпиталя (эти здания снесены в настоящее время), а также склад заготзерна, который размещался в здании церкви. Это помещение частично использовалось как перевалочный пункт, с учетом наличия рядом городской бани, и долгое время служило общежитием, где были установлены многоярусные нары.

Большую роль в разрядке остроты жилищной проблемы для Рубцовска в тот период играет село Веселый Яр. Рубцовский горком и исполком городского Совета депутатов трудящихся добиваются пуска пригородного поезда до ст. Локоть, что позволяет избрать село Веселый Яр местом временного размещения эвакуированной части населения. Так, с 10 июня 1942 года здесь началась регулярная разгрузка эшелонов с людьми.

В своем дневнике харьковчанин Юрий Павлович Левинштейн, прибывший в Рубцовск в числе эвакуированных, 20 июня 1942 года записал: «Веселый Яр — большое, унылое село. Часть домов снесена. Остальные домишки-мазанки выглядят убого. Деревьев в селе почти нет. Пыльно...»

А вот что пишет о селе Веселый Яр и станции Локоть в своем дневнике, опубликованном в журнале «Аврора», ленинградский юноша Дима Сидоров, прибывший сюда по эвакуации в ноябре 1941 года. «Станция Локоть. Вокзал. В помещении ни электричества, ни буфета. Холодно. С утра, видимо, печи не топили... Наша хата стоит почти рядом со станцией, и не хата это, а, можно сказать, мазанка. Пол глиняный. Печь топят кизяком. В хате холодно. Нет зимних рам в окнах. Потолок и стены в снегу, промерзли насквозь...»

Однако проблема жилья остается неразрешенной 23 июля 1942 года горком ВКП(б) и исполком городского Совета депутатов трудящихся принимают совместное решение о строительстве в срочном порядке для Алтайского тракторного завода ста домов и землянок. Срок строительства — три месяца.

Стройка была объявлена всенародной. Строили всем миром: рядом со строителями работали заводчане, члены их семей, мобилизованные рабочие из числа местного населения. В строительстве принимали участие все без исключения служащие учреждений и организаций города. Решением партийных и советских органов каждый служащий города обязан был отработать на строительстве жилья по 3 часа в день на протяжении трех месяцев. Строительство сдерживалось из-за нехватки строительных материалов, хотя широко использовались при этом саман и камыш. И несмотря на осуществление этой программы строительства, из числа работающих на заводе только 34 процента размещалось в саманных домах и землянках, построенных на поселках (западном и восточном). Остальные рабочие жили на частных квартирах в черте города и на ст. Локоть. Жилой фонд завода был ветхим, многие дома и землянки недостроены. По заявлению начальника ЖКО тов. Зорохова на заседании парткома 18 июля 1943 года, на поселке нет ни одного дома, где бы ни протекала крыша. Двери в домах не утеплены, а каждая оконная рама — набор десятков кусочков стекол.

Широкий размах жилищное строительство получило только в 1944 — 1945 годах. 23 мая 1944 года вышло постановление ГКО «О создании индустриальной базы для массового жилищного строительства». Было налажено производство сборных жилых домов, широко использовались в строительстве жилья гипс, шлакобетон. Со стороны государства была оказана помощь индивидуальным застройщикам: отводились участки застройки, выдавалась ссуда, разрешалась заготовка леса, помогали застройщику транспортом, строительными материалами. На поселке тракторного строятся десятки брусчатых двухэтажных домов, мансардных и саманных барачных. Быстро развивается индивидуальное строительство в городе. К концу войны уже начал четко вырисовываться контур будущего поселка тракторостроителей. От главной конторы (здание сельхозтехникума) на север шла основная магистраль поселка — улица им. Сталина, по обеим сторонам

которой стояли двухэтажные брусчатые дома. А от района рынка АТЗ располагались одноэтажные саманные бараки с несколькими мансардами.

В конце 1945 года на АТЗ было 106 домов. К этому времени большая масса людей, проживающих в землянках, была переведена в новые дома и бараки. Жилой фонд был мало благоустроен. Абсолютное большинство жильцов не имело ни сараев, ни погребов для хранения продуктов питания, содержания птицы или животных. Не было в домах и кухонь: пищу готовили в жилых комнатах. На повестку дня все острее вставал вопрос организации широкой сети общественного питания.

Из книги Иосифа Шрайбмана «Четыре лета. Четыре зимы. Харьков-Рубцовск». - Барнаул, 2009 г.

В город Рубцовск Гриша приехал в октябре. Таких как они было много. Все с детьми и узлами. В основном женщины. В этот город переехал тракторный завод из родного Харькова и все мужчины, которые были, сразу начинали работать. Ставили станки и работали. Уже потом над станками ставили крыши и стены. А женщины с детьми должны были где-то жить. А домов еще не было. Городок малюсенький в голой степи, весь продувается. Домишки маленькие и все забиты людьми. А они все приезжают и приезжают. И чтобы не спать на улице, приехавшим отдали единственный клуб. Мелом очертили кусок пола и сказали:

- Вот это ваша квартира. Живите. Потерпите, скоро еще бараки сдадут.

И они стали ждать эти бараки. Они спали и ели в своем квадрате. Но разве может черта мела на полу удержать ребятишек, мальчишек и девчонок в этом квадрате? И все носились по сцене по этой общей квартире, ловили подзатыльники от вконец издерганных взрослых. Шум, гам, грязь, запах и мамы с запавшими глазами. Куда девалась добрая, ласковая улыбка мамы? Что покушать, как приготовить, где и как постирать и помыться... На улице уже осень. Дожди, холодно, а одеть нечего, на улицу детей не выпустишь и нудятся они в переполненном клубе, доставляя хлопоты мамам и бабушкам с

истрепанными силами и нервами. Это уже понимали все - и большие и маленькие. И старались вести себя тихо. И все ждут, когда можно будет переехать в барак - такой желанный и интересный, хотя никто не знает что это такое - барак. Каждый представлял его себе по-своему, но каждый думал, наверное, что барак - это такой дворец, где много тепла и света, где можно умыться и покушать, где есть свои туалеты и не нужно стоять по утрам в огромной очереди в единственный туалет, пристроенный к клубу, в общем, все там должно быть хорошо и прекрасно.

Папу Гриша совсем не видел: папа работает, сказала мама. Приходил он или нет, а если приходил, то когда и когда уходил - этого Гриша не знал. И вот, наконец, в середине ноября, когда еще морозов не было, хотя по утрам все лужи были покрыты льдом, а подо льдом на мелких местах были пузыри и если по этому месту топнуть ногой, то лед звонко хрустел и крошился, когда днем еще таяло и шли частые, холодные, противные дожди и темнело очень рано, в это неуютное время пришел папа и сказал:

- Ну что, дорогие, поехали!

Гриша прижался к маме и не хотел от нее отходить,

- Ну что ты, сынок? Папе дали комнату в бараке, сейчас он вещи перетащит и поедем.

Он папу узнал с трудом. Это был худущий, кожа и кости, чужой дядька с запавшими глазами. Он хватал вещи и уносил их.

- Телега маленькая, все не поместимся. Возьму сначала маму с Гришей, потом приеду за вами. Закутай девочек потеплее, ночью мороз будет, - сказал папа, потом подошел к перепуганному мальчонке и сказал:

- Ну что сынку, ты готов? Поехали квартиру занимать. Ты у нас самый старший мужчина, будешь бабушку охранять в новой квартире.

Папа всегда называл его "сынку", больше никто не мог так говорить это слово и Гриша поверил, что это папа и обнял его за шею.

- Ничего не поделаешь, Моля, придется дважды ехать. Все подводы заняты на работе, дали мне какой-то тарантас, так что ждите.

На улице стояла кромешная тьма. В Харькове на улицах всегда горели фонари, а здесь - ни одной лампочки. Бабушку и Гришу укутали как могли, усадили в телегу-тарантас между барахлишком, папа взял лошадь под уздцы и они поехали. Папа что было сил всматривался в дорогу, чтобы не попасть в кювет, но не было видно ничего. Гриша вцепился в руку бабушки, чтобы не потеряться, не дай бог. Легкий морозец приятно щипал щеки. Ни впереди, ни по сторонам ничего не было видно, только яркие звезды украсили небо (к морозу, сказал папа), и Гриша любовался таким красивым звездным небом. Лошадь стучала копытами по подмерзающей дороге и осторожно подвигалась вперед, а куда - это только папа знал. Телега стала поворачивать и вдруг правые колеса телеги поползли куда-то вниз и Гриша с бабушкой оказались на земле, заваленные вещами, а звезд над головой не стало - это телега накрыла их, как крыша над головой. Сначала никто ничего не понял и не успел испугаться. И вдруг над головой опять стали видны звезды. Это папа перепугался за сына и его бабушку, и с перепугу стал такой сильный, что одним рывком поставил телегу на колеса и сдвинул ее от кювета подальше, чтоб не упала снова, и полез в кювет.

- Живы? Где вы там? Целы?

- Ма кара, Мойше? - спросила бабушка.

- Это кювет, - сказал папа, вытаскивая их из канавы и усаживая опять на телегу, - Ни черта не видно. Как бы снова не угодить.

- А зачем кювет, - спросил Гриша, к нему вернулся дар речи.

- А это чтобы вода с дороги стекала, когда дождь идет. А то после дождя ни пройти, ни проехать, - говорил папа, стараясь отыскать в кювете вещи. - Ну что, сильно испугался? Нет? Молодец. Я, наверно, сильнее испугался. Главное, что все целы. Это ж надо! Перевернулись! Хоть бы на углу фонари поставили. Ну ничего, скоро дома будем. Терпи, сынку. Ну, надо же...

Он помолчал немного.

- А кто же телегу поднял? Это, наверно, ты мне помог? Точно, одному мне было не справиться. Ну и богатыри мы с тобой, сынку, - говорил папа,

вышагивая рядом с телегой так, чтобы больше не угодить в этот дурацкий кювет.

Бабушка ехала молча. Она никак не могла понять, что это за кюветы за такие и зачем они нужны на ее голову на старости лет.

- Мама, с вами все в порядке? Что случилось? Вы ударились? Что болит?

Папа был немногословный, но когда он волновался, вопросы из него могли сыпаться, как горох из дырявого мешка.

- Гур ништ, - сказала бабушка, - Ударився. Заживет.

Но вот показались невдалеке огоньки, телега свернула к ним, ехать стало легче - в некоторых окнах горел свет, кто-то успел переехать.

- Ну вот мы и дома. Занимайте дворец, господа! - папа помог слезть бабушке, - Ну как вы?

Потом поставил сына на крылечко возле бабушки и она сразу взяла его за ручку, схватил вещи, открыл дверь в коридор.

В коридоре горел свет! Настоящий свет. Лампочка была тусклая, она едва освещала коридор, но все-таки это были не убогие свечки, у которых пламя прыгало в разные стороны при малейшем движении, отчего тени начинали двигаться туда-сюда даже если ничего не двигалось, стояла копоть, да и зажигать их старались поменьше, потому что они быстро сгорали, а достать их было негде.

Гриша с любопытством разглядывал барак изнутри, шагая за папой рядом с вконец перепуганной бабушкой.

Коридор был очень длинный, по обеим сторонам были двери. За некоторыми слышались разговоры, движение - начинали обживать.

- А там за дверями дворцы? - спросил Гриша.

- Ага, дворцы. А вот и наш дворец.

Папа остановился возле одной двери с левой стороны коридора, открыл ключом дверь. За дверью было темно. Папа быстро зашел внутрь, чиркнул спичкой и зажег свечу. Он кинул свертки на деревянный настил непонятного назначения.

- Ну, заходите, чего стоите?

А они стояли, с удивлением изучая свое новое жилище.

Это была довольно большая комната. С одной стороны комнаты у окна стоял стол с табуреткой и два деревянных настила. Папа сказал, что это топчаны. С другой стороны были еще два таких топчана и печка. Гриша, сразу понял, что это печка и смотрел на нее заворожено. Стены были голые. Они еще не были оштукатурены, только обиты дранками крест-накрест.

Окно было закрыто рамой, рама была только одна и через нее дуло, ветер подывал, огонь у свечи колебался и стены тоже колебались. Грише стало страшно.

- А где же ..., - чуть слышно, с дрожью в голосе сказал он.

- Дворец? - весело догадался папа, - Ну погоди, будет дворец. Видишь, не успели закончить. Хотели, чтобы мы скорей въехали. Новые люди приезжают, им жить негде. А вторую раму обещали завтра вставить и все щели законопатить. Завтра я на работу не пойду, будем устраиваться. Ну, как, сынку, поможешь мне завтра? - изо рта у папы шел пар, когда он говорил, - Сейчас печку затопим и станет тепло, как во дворце. Замерзли, поди. Сейчас, сейчас.

Он открыл дверцу печки, выдернул задвижку, зажег спичку и поджег бумагу, которая лежала под дровишками - все это было приготовлено заранее.

- А почему темно? - сказал Гриша.

- Почему нет света? Ну, не успели провести в комнаты. Потерпи до завтра, сынок, ладно?

Он открыл поддувало, закрыл дверцу и в печке загудел огонь.

- Мама, я сейчас занесу остальные вещи и поеду за Молей, а вы тут хозяйничайте. Вот дрова, только будьте осторожны, чтобы пожар не наделать. Смотри, сынку, если огонь из печки упадет, пожар может быть, понял? Следи за этим.

- Справимся! Правда, Гершеле? - сказала бабушка. — Ты ехай.

Гриша не знал, как справляться, но раз бабушка так сказала, то она знала, что говорит и тоже сказал:

- Справимся, - и папа ушел.

Когда папа приехал второй раз, в комнате уже было тепло. В печке весело потрескивали дрова, в кастрюле доваривался суп, бабуля вся покраснелась у печки, а Гриша снял пальтишко и шапку.

Мама вошла в комнату с Доней на руках и так и плюхнулась на топчан:

- Миша, неужели это наше?! Неужели тепло?!

А Жанна, закутанная в платок, завязанный за спиной, с любопытством рассматривала новое жилище своими громадными глазами, которые в этот момент были еще больше.

- Ну, вы тут располагайтесь, - сказал папа. - А мне надо лошадь отвести и на работу.

Тут уж все запротестовали:

- Ну уж нет, дорогой! Лошадь подождет. Сядь, согрейся, поешь горяченького, - мама говорила и плакала.

Она уложила спящую дочь на топчан - ей хорошо, она ничего не понимает, вытащила на середину комнаты единственный табурет, все расселись на топчанах и начали есть, черпая по очереди из кастрюли. Боже! Что же это была за вкуснятина! Такого вкусного супа никогда не было: там была и картошка, и пшено, и даже кусочек сала и луковица.

Мама ела и глотала слезы.

- Ничего, Мойкуню, не плачь, - говорил папа. - Теперь все понемногу наладим. Завтра и начнем.

Папа уехал. Мама накидала наскоро чего-то поверх соломенных матрацев, все улеглись и быстро уснули - в тепле и не такие голодные.

Вот такое было новоселье...

2. Питание

Из цикла статей Климентия Романовича Севастьянова «Город в степи»

Газета «Коммунистический призыв», 7 июня 1977 г.

«Сибирь превратилась в мощный индустриальный Край, — писала в передовой статье «Правда» от 18 октября 1941 года, — она сохранила и многократно увеличила свое значение крупнейшей житницы, пшеничной базы нашей страны». Однако Алтай оказался в крайне затруднительном положении: неблагоприятные условия в канун войны и первые военные годы нанесли огромный урон сельскому хозяйству края. Урожайность в ряде районов Кулундинской степи не превышала 2 — 3 центнеров зерна с гектара. Уже в 1942 году многие районы не выполнили государственного плана, а колхозники получили по 300—500 граммов на трудодень, включая выдачу по общественному питанию в период полевых работ. (Некоторые семьи получали не более 10 килограммов хлеба за все выработанные трудодни).

В 1942 году в крае сложилась трудная обстановка с обеспечением населения, и особенно эвакуированного на Алтай, хлебом, картофелем, овощами. Цены на рынках баснословно росли. Наплыв большого числа людей в столь короткий срок и неурожай истощили рубцовский рынок, славившийся до войны обилием сельскохозяйственных продуктов. Уже в феврале 1942 года на рынке килограмм картофеля стоил 460, капусты квашеной — 500, лука — 600, десяток яиц — 2500, а средняя стоимость 1 килограмма мяса — 5000 рублей. Прибывающие для работы в промышленности семьи могли рассчитывать только на продовольственные карточки.

Положение же дел в сельском хозяйстве края осложнялось тем, что большая часть людских резервов и техники была отвлечена для нужд фронта и промышленности, что вызвало резкое сокращение числа работоспособного сельского населения. Отсутствие хотя бы минимального числа опытных механизаторских кадров и запасных частей к сельхозмашинам привело к сокращению выработки на трактор в два раза. Резко упал уровень механизации

сельского хозяйства.

Учитывая всю сложность обстановки, партия и Советское правительство 1 апреля 1942 года принимают постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих». Это позволило увеличить число индивидуальных огородов в 1942 году в 1,5 раза по сравнению с предыдущим годом. Совет Народных Комиссаров принял постановление «О закреплении за предприятиями и учреждениями земельных участков, отведенных под индивидуальные огороды рабочих и служащих». Это придавало развитию индивидуального и коллективного огородничества организованный и массовый характер. Уже весной 1943 года под индивидуальными огородами рубцовчан было занято около 2-х тысяч земли (и это без учета приусадебных участков в черте города). Огородную кампанию на предприятиях города возглавляла заводские и цеховые комиссии, работающие под руководством заводских и цеховых комитетов профсоюза.

Интерес к огородничеству постоянно возрастал. Только в 1942 году в городской исполнительный комитет было подано 4250 заявок от рабочих и служащих с просьбой выделить землю под *посадку* картофеля и овощей. Земельные участки закреплялись за рабочими и служащими сроком на 5—7 лет. На предприятиях были созданы уголки огородников, где давались практические советы о правилах посадки, ухода за огородом. В цехах тракторного завода, завода «Алтайсельмаш», промысловых артелях города было налажено производство лопат, тяпок, граблей, огородникам *оказывалась* помощь транспортом в период посадки и копки картофеля. К концу войны город практически со всех сторон был окружен огородными плантациями. Весной 1946 года число огородников составило 28 тысяч, а под огородами было занято 3 тысячи гектаров земли. Весной для вспашки огородов выделялись тракторы и плуги, а огородники в свободное время изготавливали собственными силами баки для хранения горючего и воды, готовили различный инвентарь.

Осенью из-за отсутствия машин пускались в ход все виды транспорта: к

пригородному поезду цеплялось несколько платформ, а с огорода до полустанка возили картофель на лошадях, коровах, ручных тачках, велосипедах. Тысячи костров пылали по несколько ночей подряд, пока шла кампания: возили только по ночам, когда *наиболее* свободными оказывались транспортные средства, да и сами огородники по окончании смены спешили в поле, чтобы до утра вывезти собранный урожай.

Большим подспорьем для города и, прежде всего для коллектива Алтайского тракторного, явилось создание крупного подсобного хозяйства в составе заводского отдела снабжения (орса). Алтайскому тракторному заводу был передан совхоз «Лебяжье. На его базе завод должен был организовать свое подсобное хозяйство по производству продукции земледелия и животноводства, заводской сети общественного питания. Подсобное хозяйство тракторного размещалось на территории нынешнего совхоза техникума. Досталось это хозяйство настолько убогим и никудышным, что практически все надо было начинать сначала.

Все постройки на территории совхоза подлежали капитальному ремонту, а часть — сносу из-за ветхости. Совершенно оказались непригодными (к тому же полупустыми) коровник, свинарник, птичник, погреба, хранилища овощей, сельская кузница. Ветхим было и жилье рабочих совхоза, построенное в основном из самана. В состоянии почти полного износа находились сельхозмашины и инвентарь. Из шести переданных заводу тракторов по сути ни один не был на ходу. Из всего поголовья коров только 46 были здоровы, остальные — бруцеллезными. Часть овец больна экземой. Из-за отсутствия кормов часть лошадей и быков была передана в с. Лебяжье, а часть находилась в Змеиногорском районе.

Предстояла большая работа по восстановлению и развитию подсобного хозяйства. В работе по оказанию помощи в строительстве помещений, жилья, ремонте инвентаря, заготовке кормов включились коллективы цехов завода. Уже в первую весну было засеяно сверх плана 125 гектаров зерновых, а как сообщала заводская многотиражка, 10 сентября 1945 года успешно была

завершена уборка зерновых. Был собран неплохой урожай пшеницы, ячменя, овса, гороха, гречки, проса. Хозяйство выполнило план сдачи зерна государству, засыпало семена под урожай будущего года. Однако не хватало рабочей силы: в эту осень в хозяйстве осталась неубранной часть картофельного поля. Осенью 1945 года на общественное питание рабочих тракторного завода было передано из хозяйства 2000 центнеров картофеля, 5000 центнеров овощей, засолено 1200 центнеров помидоров, арбузов и огурцов. Здесь же было получено 5600 центнеров молока.

На территории хозяйства было построено два больших свинарника, скотный двор, рабочее общежитие на 100 мест, картофелехранилище. Заготовлено 1000 кубометров леса для строительства жилья. Подсобное хозяйство явилось не только базой по производству сельскохозяйственной продукции для сети общественного питания, но и базой отдыха. Здесь на берегу озера был открыт однодневный дом отдыха для стахановцев завода, в березовой роще раскинулся заводской пионерский лагерь, а в с. Лебяжье открылся заводской детский санаторий.

Строительно-монтажная организация, завод «Алтайсельмаш» также имели опорные базы по дополнительному производству сельскохозяйственной продукции своими силами. Все это не исключало активного участия в массовом масштабе коллективов промышленных предприятий Рубцовска в ежегодных кампаниях по уборке урожая в прилегающих к городу районах края.

Подсобные хозяйства в то тяжелое время сыграли исключительно важную роль в решении проблемы питания. А ведь это было не в адамовы века, а на глазах и при участии нынешнего поколения заводчан.

Из статьи Марины Анатольевны Кагикиной «Чего здесь только не было!»: воспоминания бывшего жителя Рубцовска Виктора Полякова о городском базаре в военные и послевоенные годы

Газета «Вечерний Рубцовск», № 40, октябрь 2012 г.

Все наши улицы начинались от рынка: Куйбышева проходила с восточной стороны, Кирова—прямо в него упиралась, а улица Карла Маркса обходила его с запада. Главные сооружения базара — мясо-рыбный и молочный павильоны, разделенные между собой могилами и памятником павшим за установление Советской власти в Рубцовске. Время было тяжелое, но на базаре было все, начиная от мяса и кончая медом и ягодами. От вида этого изобилия кружилась голова, и мы старались там не бывать.

Восточная часть рынка, ближе к улице Куйбышева, называлась “барахолкой”. Там шла бойкая торговля вещами, большей частью поношенными. После окончания войны появилось много трофейных вещей, безделушек и детских игрушек. Зимой 1945-1946 годов большой популярностью у рубцовчан пользовались желтые японские шубы-комбинезоны, у которых до локтя отстегивались рукава и снизу до колен — штанины.

В летние каникулы мы часто бегали туда посмотреть на гипнотизеров и просто ловких

на руку людей, которые надували ротозеев. Они показывали фокусы с картами, веревочкой. Маленький рост позволял нам видеть хитрости трюков.

На базаре не было воды, не говоря уже о прохладительных напитках. Поэтому у нас, мальчишек, возникла идея продавать воду по таксе: стакан- три копейки, кружка — пять. Призыв: «Кому воды холодной из колонки!» действовал магически, ведь Рубцовск всегда страдал от безводья, а в то время особенно. В нашей округе находилось две колонки. Это были не нынешние устройства, из которых каждый может, дернув за рычаг, набрать любое количество воды, а небольшие отапливаемые домики. Там сидели женщины отпускали воду по талонам.

Собранные от продажи воды деньги мы тратили мороженое, за которым бы большие очереди, так как молзавода его привозили очень немного.

3. Культурная жизнь

Из цикла статей Климентия Романовича Севастьянова «Город в степи»

Газета «Коммунистический призыв», 18 июня 1977 г.

Тысячи километров отделяли Рубцовск от линии фронта, но его дыхание рубцовчане ощущали каждую минуту. В солдатских теплушках уезжали добровольцы и мобилизованные на фронт, и тут же на смену ушедшему поезду приходили составы с эвакуированными людьми, оборудованием из прифронтовой полосы и специальные санитарные вагоны с ранеными бойцами, прибывающими для лечения в Рубцовском эвакогоспитале.

В одной из книжек, выпущенных в Алтайском книжном издательстве в 1956 г., читаем: «...В Рубцовский эвакогоспиталь инвалидов Отечественной войны почти каждый день прибывали все новые группы раненых фронтовиков... В госпитале их окружали горячим вниманием врачи, медицинские сестры, няни. С трогательной заботой к ним относилось и население. Однако не все раненые поправлялись быстро. Многие из них возвращались к жизни слишком медленно. Вот тогда среди медицинского персонала и жителей Рубцовска развернулось замечательное движение — донорство. Одним из первых доноров стала медицинская сестра Мария Ивановна Пащенко. Отдаваясь всей душой работе в госпитале, она сочла своим патриотическим долгом помогать раненым собственной кровью...».

Руководитель одного из первых народных театров в Рубцовске Ю. К. Балабонин на страницах книжки «Энтузиасты культуры», выпущенной в Алтайском книжном издательстве в 1970 году, вспоминает: «Охрипшие от бессонницы, привыкшие к хроническому недоеданию, люди тянулись к искусству». Далее он рассказывает о том, что репетиции проходили в одной из

холодных комнат саманного барака, так как не было своего клуба. Отопление - печное, но не всегда были дрова. А когда удавалось добыть топливо и растопить на плите появлялись ломтики свеклы или брюквы, принесенные сторожем овощехранилища – страстным поклонником самодеятельного искусства. Он вспоминает первые концерты, спектакли на импровизированных сценах под открытым небом или в стенах приземистых, перегруженных цехов, рассказывает о том нескрываемом восторге и ликовании, с каким принимали рабочие своих «артистов».

Клуб строителей размещался в небольшом бараке, где под гармонь проходили вечера танцев молодых строителей. Стоял он на улице Арычной (в районе нынешней автозаправочной станции). Самым приличным в годы войны был клуб и сад железнодорожников (чего, к сожалению, нельзя сказать сегодня). В числе действующих был и клуб мелькомбината.

После эвакуации госпиталя в учебном корпусе нынешнего педагогического училища действовал молодежный клуб. Здание нынешнего учебного корпуса было занято под общежитие Алтайского тракторного и, кстати, являлось образцовым в городе. Под общежитиями завода были заняты все помещения, прилегающие к учебному корпусу (часть из них снесена). Здесь же размещалась массовая библиотека с богатым книжным фондом. Мобилизованная на селе молодежь обучалась рабочим специальностям в организованных при заводах школах ФЗО. В 1942 году были открыты двери тракторного техникума, школ ФЗО. На поселке тракторного открылась школа для работающей молодежи. Активную работу вел городской кинотеатр «12 лет Октября». Нередко в этом здании выступали приезжие артисты. Запомнился рубцовчанам концерт эстрадного оркестра под управлением и при участии Леонида Утесова. Несколько позже, с созданием клуба тракторостроителей (в нынешнем учебном корпусе совхоза-техникума), в Рубцовск часто приезжали артисты новосибирских и барнаульских театров, радио, ансамбль Сибирского военного округа. Несколько раз перед рубцовчанами выступал Вольф

Мессинг, имя которого широко известно не только в нашей стране, но и за рубежом.

Большой популярностью среди рубцовчан в годы войны пользовался спорт. Несмотря на скудность материальной базы, энтузиастов спорта было много. Накануне войны в крае начал культивироваться хоккей. Хоккейная женская команда «Локомотив» защищала честь Рубцовска на краевых соревнованиях 1941 года.

Хоккей, футбол, городки и легкая атлетика — самые популярные и массовые виды спорта тех лет. В городе был единственный стадион «Локомотив». Все спортивные соревнования проходили на его арене. Многолюдными были футбольные матчи. Люди стояли десятком плотных колец вокруг поля, а ребятня гирляндами повисала на тополях и ограде стадиона — всем хотелось быть очевидцами жарких поединков местной футбольной команды «Локомотив» с соперниками из Барнаула или Казахстана. Позже стали появляться свои рубцовские команды «Строитель», «Торпедо» и другие. Появились и новые стадионы, точнее футбольные поля, и площадки для игр в волейбол и городки.

Стадион тракторного размещался чуть западнее существующего ныне стадиона. Строился он молодежью завода. В центре огромного поля, обнесенного примитивной оградой, стояла крестьянская изба с подслеповатыми окнами, сложенная из дерна. Здесь размещались дирекция, совет ДСО, судейская, кладовая, тренерская и раздевалка, хотя общая площадь избышки была не более 30 квадратных метров. Футбольные ворота обозначались двумя столбами с перекладиной без сеток, две металлические трубы с натянутой веревкой символизировали волейбольную площадку, а два очерченных на земле квадрата с горой надвинутой земли указывали на принадлежность к городошной площадке. Пожалуй, это и все приметы и «богатства», какими располагал первый стадион тракторостроителей. Работу на стадионе вела энтузиастка — Анна Ивановна Сперидонова — умелый организатор, страстный поклонник спорта. Благодаря ее незаурядным

способностям, сюда шли сотни людей. Стадион никогда не был пустым. В последующий период часть спортивной и оборонно-массовой работы была перенесена в район нынешнего аэропорта, где велась активная подготовка «покорителей неба» — парашютистов, планеристов. Большим энтузиастом этой работы долгие годы оставался офицер запаса Г. Е. Андрюшенко.

Одной из важнейших предпосылок успехов советских людей всегда была и остается массово - политическая и идеологическая работа, проводимая Коммунистической партией. Одной из главных фигур партийной пропаганды был агитатор — проводник в жизнь решений партии и Советского правительства, местных партийных, советских и хозяйственных органов. «Слово агитатора, — писала «Правда» 17 июля 1941 года, — должно звучать в наши дни, как набатный призыв к защите Родины, к уничтожению врага». На Алтае в 1942 году было свыше 50 тысяч агитаторов. Центрами политической работы стали парткабинеты на крупных промышленных предприятиях, стройках. В 1942 году такой парткабинет был создан на Алтайском тракторном. В цехах, рабочих общежитиях центром массово - политической работы стали красные уголки.

Мобилизующее значение имели красочные плакаты-призывы, как, например, плакат художника Д. С. Моора «Ты чем помог фронту?» и др. Большой поток разносторонней информации шел через городское радио, газету, многочисленные стенные газеты и специальные «боевые листки». С 1942 года начала регулярно выходить заводская многотиражка «Боевой темп». В цехах, отделах и учреждениях были выделены специальные люди, постоянно информирующие коллективы о положении дел на фронте. Газеты информировали трудящихся о положении дел в стране, на предприятиях, о ходе социалистического соревнования в рабочих коллективах, рассказывали о передовиках производства. Активными рабкорами военных лет были М. И. Медведовский — автор многих стихов и статей, ныне диктор Мелитопольского радио, Л. О. Инджиев — ныне член Союза писателей СССР, автор нескольких сборников стихов, он же — автор романа «Дочь Ольды», Г.

А. Богданова — ныне пенсионерка, Д. Мукебенов — ныне внештатный корреспондент «Правды» и многие другие.

Политическая и трудовая активность коллективов промышленных предприятий Рубцовска была в центре внимания партийных и советских органов края, страны. В 1943 году к алтайским тракторостроителям приезжала писательница, ныне лауреат Ленинской премии — Мариэтта Сергеевна Шагинян. Она познакомилась с заводом, его людьми, пребывала в цехах. Уезжая, она оставила письмо коллективу тракторостроителей, в котором писала: «Ваша работа тем ценнее и нужнее стране, что вы находитесь на отлете, в работе, где почти нет техники, и, таким образом, сами становитесь очагом и проводником нашей советской технической культуры... На вас обращены глаза страны, ваше дело далеко видно...»

4. Здравоохранение

По материалам виртуальной выставки «Рубцовск в годы Великой Отечественной войны» (<http://www.biblrub.ru/vov/index.html>)

В 1941 г. началась история городской больницы № 2 с эвакуацией в Рубцовск Одесского завода им. Октябрьской революции. В первые месяцы работы завода в одном из цехов была выделена комната, где разместился первый врачебный здравпункт. Организатором, руководителем и единственным врачом здравпункта стал Евгений Львович Клистер, прибывший в Рубцовск из Одессы. В 1942 г. в здравпункте работали 2 врача, медсестра и санитар. В 1943 г. открывается поликлиника по ул. Сельмашской, 19, в составе которой были зубной, хирургический и терапевтический кабинеты.

Из книги К.Р. Севастьянова «Алтайские плугари»

...Судьбой рядового врача-одессита Е. Л. Клистера распорядился сам Минздрав. Евгений Львович прибыл в Рубцовск с группой эвакуированных

заводчан. Первое время работал один за всех. Лечил от недугов всеми доступными тогда средствами и приемами. Завода еще, по сути, не было, не было и элементарных условий для приема, а тем более лечения больных. Была стройка и были разнохарактерные заболевания. Кто палец отбил, кто простыл, у кого-то расстройство то ли желудка, то ли нервной системы, словом, нужда в медпомощи появилась вместе с появлением строителей. Работал безотказно, дено и ночно на ногах. А много ли хворому надо - полегчало, и врач - золото. Душевный был человек. Так и прозвали его земляки "душечка". Явно на одесский манер. И это очень хорошо. " Местные кацапы и чалдоны тоже нет-нет да и обращались к Евгению Львовичу, порой бесцеремонно называя его "душечка". Людскую любовь как завоевать, так и отнять нелегко. Вот и полюбился он всем. И ему стали по мере возможности помогать.

Организовали из двух комнат медпункт. Правда, ни персонала, ни медикаментов, ни оборудования не было. Стоял наскоро сбитый стол и табурет, но не долго так продолжалось. Дали Евгению Львовичу двух санитарок в помощники. Появилось самое необходимое из оборудования и инструментов, кое-какие лекарства, включая самоделку. Чаще всего болели приезжие - уж больно условия быта и антисанитария угнетали их, к тому же большинство приезжих владели полуголодное существование, и это чаще всего являлось причиной различных заболеваний. Ослабленный организм, естественно, весьма восприимчив к болезням. С ростом завода, поселка росли и запросы. Директор выделил коляску с кучером, аптекоуправление поделилось аппаратурой и медикаментами. Дело пошло, но... последовал приказ Минздрава о переводе Клистера Е. Л. в распоряжение одесского горздрава. Вот тебе и "душечка" оказалась во власти всевидящего центра, где лучше знают, кому и кого лечить. Люди старшего поколения помнят и хранят память о нем. В музее завода сохранились маленькая фотография и публикация в заводской газете о его работе в годы войны на "Алтайсельмаше".

В 1942 г. для медицинского обслуживания работников строящегося Алтайского тракторного завода образована медсанчасть завода,

впоследствии городская больница № 3. Первоначально располагалась в приспособленном помещении ремонтно-механического цеха, где размещались 2 кабинета — терапевтический и хирургический. Прием вели хирург Л. М. Либанова и терапевт В. А. Вайнштейн. Впоследствии была организована поликлиника АТЗ с врачебным здравпунктом, гл. врачом назначен Владимир Моисеевич Муравчик. С пуском основных цехов завода стали работать 3 сестринских медпункта с круглосуточным дежурством. К январю 1943 г. была организована МСЧ АТЗ с поликлиникой и терапевтическим отделением на 25 коек. Медработники поликлиники обслуживали на дому больных четырех терапевтических участков.

В городской больнице № 1 в годы войны вела терапевтический прием опытный врач Александра Гергиевна Барабанщикова (родоначальница первой династии врачей в Рубцовске).

Медико-санитарная часть АЗТЭ. 5 июня 1944 г. в Рубцовске начал работу АЗТЭ. В первые дни его существования медицинское обслуживание рабочих осуществлялось одной дежурной медсестрой, состоявшей в штате завода. Для сестринского кабинета была выделена небольшая комната общей площадью 24 кв. м в отдельно стоящем доме.

В 1942 г. медико-санитарная часть ОСМЧ-15 (отдельная строительно-монтажная часть, впоследствии — строительный трест № 46) была эвакуирована вместе с ОСМЧ из Москвы в Рубцовск. Располагалась в здании барачного типа с печным отоплением по ул. Комсомольской, где размещались кабинеты: хирургический (врач А. И. Отенберг), гинекологический (врач А. Г. Синичкина), терапевтический (врач А. И. Еремеева), рентгенологический (рентген-лаборант Э. Д. Дизендорф). МСЧ обслуживала работников строительного треста, в т. ч. на дому (разъездной фельдшер М. Г. Миронова).

Многие медики узловой больницы на ст. Рубцовка в годы Великой Отечественной войны были мобилизованы. Ушли на фронт Д. Ф. Корж (погиб в 1942 г.), гл. врач И. В. Иванов и врач Федосья Селиверстовна Гаврилюк (погибли в 1942 г.). Медицинские работники-железнодорожники принимали

эшелоны с ранеными, работали в медицинских комиссиях на призывных пунктах, сдавали кровь. В неимоверно сложных условиях трудились разъездные фельдшеры С. А. Гущина, Е. Д. Пилипчук, Л. В. Мичурина, иногда транспортировали больных в стационар и даже принимали роды.

В 1941 г. в городской больнице открыт туберкулезный кабинет, в котором работали врач Г. Т. Лопотко, медсестра Голубева и одна санитарка. В июне 1942 г. организован туберкулезный кабинет в МСЧ АТЗ, врач-фтизиатр Татьяна Исаевна Соболевская; в медико-санитарной части строительного треста № 46. Заведующей туберкулезной больницей назначена Нина Николаевна Яковлева.

Санитарно-эпидемиологическая служба основана в Рубцовске в 1942 г. Основной работой санитарной службы в тот период была борьба с инфекционными заболеваниями, с педикулезом, сыпным тифом и малярией, а также организация водоснабжения и канализования города. Первым госсанинспектором города была врач М. Н. Алешина. В штате службы состояли 5 инспекторов и 10 помощников. В состав СЭС входила эпидгруппа, химическая и бактериологическая лаборатории, дезинфекционный и пастеровский пункт, отдел профилактической дезинфекции. Они располагались во временных, приспособленных помещениях, для транспортировки больных и выездов в инфекционные очаги применялась конная упряжь.

До 1944 г. в городе функционировал водопровод с забором воды из р. Алей и подачей ее населению без очистки. Миграция населения, ухудшение санитарного состояния города во время Великой Отечественной войны изменили эпидемиологическую ситуацию: резко возросла заболеваемость сыпным и брюшным тифами, дизентерией, дифтерией. В 1944 г. вступил в строй водопровод Алтайского тракторного завода, введена очистка и хлорирование воды.

Кожно-венерологическим диспансером руководила в военные годы Анелия Юлиановна Бубнович (1906-1991). В приказе по городской

больнице от 15.7.1941 г. № 18 предложено «доктору Бубнович в порядке уплотнения рабочего дня вести больных хирургического, акушеро-гинекологического и терапевтического отделений. В сложных случаях вызывать хирурга Крюковского». А.Ю. Бубнович приходилось самостоятельно проводить операции, принимать роды. Она проявила себя прекрасным организатором, диагностом, наставником.

Хирург Иван Гаврилович Крюковских с 26 июня 1939 г. был назначен зав. хирургическим отделением горбольницы. В июле 1941 г. переведен начальником хирургического отделения эвакогоспиталя № 1238, развернутого в Рубцовске. В 1942 г. назначен командиром операционного блока 507-го медсанбата 315-й стрелковой дивизии и прошел всю войну до Берлина. 1 января 1946 г. уволен в запас по возрасту в звании майора медицинской службы. После демобилизации вернулся в Рубцовск, с сентября 1948 г. работал в МСЧ АТЗ (ныне городская больница № 3) зав. хирургическим отделением. И. Г. Крюковских имел заслуженный авторитет и уважение среди коллег и пациентов, от отзывчивого и внимательного врача никто не уходил без помощи. Его хирургическая деятельность была известна далеко за пределами района.

В марте 1944 г. с фронта была демобилизована по болезни и вернулась в Рубцовск хирург Фаина Михайловна Леончикова, которая стала вести хирургический прием в городской больнице. В сентябре была назначена главным врачом больницы. В этой должности проработала до 1947 г. Приходилось решать много проблем: отсутствие узких специалистов, низкий уровень материальной базы, военная разруха, большое количество больных и раненых, вернувшихся с фронта. Была опытным диагностом, проводила сложные операции, иногда несколько раз за ночь выезжала на срочные операции. В составе врачебной бригады на 3-4 дня ежемесячно выезжала в Угловский и Курьинский районы и вела консультативные приемы по борьбе с венерическими и онкологическими заболеваниями. Под ее руководством были открыты глазное, гинекологическое отделения. В больнице было свое

подсобное хозяйство и 300 га земли, где выращивались овощи. Стадо из 18 коров обеспечивало больницу маслом и молоком, 23 лошади использовались в хозяйстве и для выездов «скорой помощи».

Синичкина Анна Григорьевна, врач-акушер-гинеколог, в 1939 г. назначена зав. родильным отделением в Рубцовске. В годы войны (с 1941 г. по 1942 г.) была мобилизована райвоенкоматом на должность начальника эвакогоспиталя № 1232 в Рубцовске. В 1942 г. вновь возглавила родильное отделение городской больницы.

В годы Великой Отечественной войны в Рубцовске размещалось несколько военных госпиталей: № 1232 (сортировочно-хирургический профиль, резервный, располагался на железнодорожном вокзале г. Рубцовска), № 1319, № 2499 (на 400 коек, имел хирургический профиль, резервный, располагался по ул. Вокзальной, 52 г. Рубцовска). Для них были отданы лучшие здания города - клуб мельзавода, школ им. Пушкина и Кирова и здание педагогического училища. Среди медицинского персонала развернулось движение доноров.

"Почти триста раненых бойцов привез первый санитарный поезд в Рубцовский эвакогоспиталь.

- Надрывно лязгнув, поезд стал тормозить. Мы, медицинский персонал, только что сформированного госпиталя, высыпали к линии встречать первый эшелон с ранеными. Дрожа и плача от волнения, ждали, когда же, наконец, он остановится. И вот, сквозь металлический скрежет тормозов прорвались стоны, крики. Начальником нашего Рубцовского госпиталя, расположенного в педучилище, была Анна Григорьевна Синичкина. Она находилась тут же, среди нас, помогала выносить раненых, - вспоминает Мария Макаровна Вакорина.

- В первый прием, мы сняли с поезда 273 человека, вспоминает операционная сестра Александра Степановна Колокольцева. Большинство из них сразу же попали на операционный стол. Несколько суток подряд шли операция за операцией.

Юлия Федоровна Алпатова давала наркоз, надышавшись за несколько операций эфира, она прямо у стола потеряла сознание.

Но бессонные ночи не прошли зря: поправлялись наши больные. И мы, как когда-то родные, снова провожали их на фронт. Настроение солдат вселяло в нас надежду, что победим.

В 1943 году весь коллектив госпиталя, кроме тех, у кого были малые дети, перебазировался ближе к прифронтовой полосе: сначала в Ковров, а затем в Шепетовку".

Послесловие

В годы Великой Отечественной войны Рубцовск был глубоким тылом, куда эвакуировались заводы и тысячи людей. Размещение в Рубцовске трех заводов союзного значения дало резкий толчок развитию города, подняло его (по численности населения) в первую сотню городов Советского Союза. Город начал активно расширяться. Возникли Западный и Восточный поселки АТЗ, на юге — поселок «Алтайсельмаш».

Из небольшого степного городка он превратился в промышленный центр, в котором строились новые предприятия, открывались учебные заведения, продолжали работать кинотеатр, библиотека, драматический театр, детские сады и школы. Несмотря на все трудности, город жил и работал, приближая Победу.

Аудиокнига «И тыл был фронтом» создана в 2025 году в рамках проекта «Рубцовск – город трудовой доблести» при поддержке гранта Губернатора Алтайского края в сфере культуры.